

12

А. П. Остроумова-Лебедева

Петербург. Летний сад. 1902.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Рис. В. Завьялова. Фото Б. Раскина.
Четвертая страница обложки журнала:
Фото К. Константинова.

«Молодая гвардия», 1988, № 12, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

ПОЭЗИЯ

СМИРНОВСКАЯ УЛЫБКА

Никогда не забуду, как после войны мои однополчане передавали из рук в руки номер «Крокодила» со стихотворением, которое сразу же захотелось выучить наизусть.

И хотя неважно ты одета,
И не нов костюм парадный мой,
Не сердись, что, обойдя полсвета,
Я ни с чем пожаловал домой.
Что для нас подарки да гостинцы,
Разные шелка да зеркала,
Если на ладони пехотинца
Вся судьба Отечества была.

Самое главное в звонких и афористичных стихах поэта — это смирновская улыбка лирика и сатирика, которую в Политехническом музее приветствовал сам Михаил Александрович Шолохов, будучи председателем на творческом вечере двух снайперов Сергеев — Смирнова и Васильева.

Едва сняв после войны погоны, я попал в Литинститут, в творческий семинар Сергея Смирнова.

Вижу лица друзей, их книги. Появлению их мы обязаны нашему зоркому руководителю семинара. Он сам редактировал в «Советском писателе» книги своих питомцев.

Теперь, с годами, мне ясно: есть нечто общее в больших самобытных русских поэтах, таких, как Михаил Исаковский и Сергей Смирнов: лукавая улыбка, удивительная прозрачность стиха, большая жизнь. И в то же время они очень разные.

Сергей Смирнов — активный боец духовной перестройки, которую он начал в своих поэмах и миниатюрах много лет назад.

Не в ту среду попал кристалл,
Но растворяться в ней не стал.
Кристаллу не пристало
Терять черты кристалла.

Владимир ФЕДОРОВ

Сергей СМИРНОВ

РОССИЯНЕ

Стихи разных лет

ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Негоже сваливать все беды
На тех, кто умер и зарыт.

Ведь жив —
кто здравствовал соседом,
Кто, хороня, скорбел навзрыд.

Ведь жив,
кто правой был рукою
У них, ушедших в мир иной, —
Кто на Земле — творил такое,
Что сам,
как те,
всему виной.

И ход Истории итожа,
Мы констатировать должны,
Что с ныне здравствующих
тоже
Не снята тяжесть
Их вины...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Годы, годы, жизненные вехи,
Чуть не сто мерцают позади.
Но вздыхать о старом человеке
Ты — его ценитель — погоди.

Он не знает, что такое старость,
Ибо всепланетно чтимым стал, —
Ведь ему единственность досталась —
Самый неразменный капитал.

Путь его — взорленье молодое,
Вызов всем грядущим временам.
И себя, как сердце на ладони,
Он вверяет времени и нам.

Вот он, силу слова набирая,
Возвестил, чтоб слышать все могли, —
Что ему, юнцу, не надо рая,
Дайте Русь, шестую часть земли!

Вот он на житейском перекрестке
Душу к сердцу матери простер.
Вот целует ноженьку березке,
Вот поет в кругу своих сестер.

Вот опять колдует над глаголом,
Славит жизнь и приобщенье к ней.
Это — без него — народ неполон,
Как вещает совесть наших дней.

Это свет с приокского пригорка,
От избы до царственных палат.
Это, как глаголет поговорка,
Вещий, божьей милостью талант.

У таланта нет любви в рассрочку, —
Он пронизан ею и раним.
И огнем прозренья полня строчку,
Муза свято шефствует над ним.

Вот, где боль за все, что недопето.
Вот, где суть — творю и тем живу.
Вот — поэт,
И миссия поэта,
Сам Сергей Есенин наяву.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

I

Его типичные черты —
Саженный шаг и рост.
Он с Солнцем знается на «ты»
И с россыпями звезд.

Он — тут, где добрые дела,
Где нам всего трудней.
Он — вызов всем исчадьям зла
На стержне наших дней.

Он блеском славы пренебрег
Для счастья жить борьбой.
Прицельно бьют «железки строк»
По нечисти любой.

Чеканит шаг, глядит светло
Соратник-чудодей:
Стило, как шпага, наголо,
«И никаких гвоздей»!

II

Владимир Владимирович
Маяковский.
Фигура.
Фамилия.
Дикция.
Бас.
Былое не знало
громады таковской.
Все помыслы — к Вам,
И все взоры — на Вас!

Травимый врагами,
Рубцованный болью,
Нещадный к себе
и красивый во всем, —
Вы рыцарь,
Опутанный хищной любовью.
И мы Вам
соцветья симпатий
несем.
Мы Вам говорим —
главарю-побратиму,
Что жар Ваших строк
нашим чувствам родня.
Все горести — прочь,
И все выстрелы — мимо!
Да здравствуйте
В ритмах рабочего дня!
Да здравствуйте
в кипени нашего строя.
Да сгинет
всепамятных козней гряда.
Мы — первому Вам
Прочим званье Героя
Коммунистического труда!

III

Ну, какая такая мера
Применима к нему теперь? —
Ранг парнасского Гулливера.

Блеск находок.
И груз потерь.

Трубадур
Всепланетной нови, —
Рупор,
        страж
                и набат ее.
Дух могущества в каждом слове.
Все отточено.
Все свое.

Верховодец
                любых полемик.
Луч, пронзающий мрак интриг.
И, увы, —
                добровольный пленник
Чужемужней — супруги Брик...

НАПУТСТВИЕ НАСТАВНИКА

Дорогие мои семинарцы,
Завершилась борьба за диплом,
И теперь, откровенно признаться,
Говорю вам
                с особым теплом.

Вы выходите в жизнь.
Эта фраза
Так свежа для любого из вас,
Что, пожалуй,
                свежее ни разу
Не была, чем в теперешний час.

Вы выходите в жизнь,
Поздравляю!
Проявляйте накал молодой.
Пусть дыханье переднего края
Станет вашей обычной средой.

Я — за кипень и блеск ваших прений.
Я — во всех ваших чаяньях —
                                За!..

Ой, простите, —
расслабился тренер,
«Набежала, как искра, слеза...»

Будьте здравы и время цените.
Все дается не легкой ценой.
Я хочу —
чтоб сердечные нити
Не слабели меж вами и мной.

Я хочу,
Чтоб громада работы
Вас держала в прекрасном плену.
И чтоб
ветром от вашего взлета
Овевало
Мою седину!

СТАРЫЙ БЛОКНОТ

Полистал
Свой бывалый блокнот с алфавитом,
Перечел имена
Стародавних друзей.
И немею в сообществе их боевитом,
Ставшем ныне похожим
на горький музей.

Поредели
Когда-то обширные списки
Адресатов,
Всегда красовавшихся тут.
Отказала им жизнь
в постоянной прописке,
И отметки утрат
Все растут и растут.

Ветеранская рать.
Уникальные души.
Их обратно
Никто и ничто не вернет...
Вот о чем —
Все наглядней, суровей и глуше

Мне глаголет
испытанный
старый блокнот.

ЛИЧНОЕ МНЕНЬЕ

Стучатся в душу доводы и строки,
И здравый смысл настаивать готов,
Что нам
для ускоренья перестройки
Нужна перепроверка партрядов.

Рассмотрим всё и всех — в большом и малом,
И кто есть что — объявим без прикрас.
Средь ленинцев не место чинодралам,
Кто составляет
как бы высший класс.

Вручим свободу действий и решений
Тому, кто славен в доблести труда.
Представим,
что не кто-нибудь,
а Ленин
Глядит на нас поныне сквозь года.

А мы, в упорной практике и славе,
Как вещий пульс времен — иже еси.
И с нами в сплаве
свет Октябрьской яви
И звон крещенья
Нашенской Руси.

Николай РОДИЧЕВ

ЖИВ ЛИ ФЕДОС?

Рассказ

Пригородный поезд тихо поплыл от станционных огней в сумрак предвечерья. Медленно открылась дверь из тамбура вагона, и в коридор несмело заглянула закутанная в темную вязаную шаль женщина.

— Не лишняя тут буду? — спросила вкрадчиво.

Сидевшие на скамейках приняли этот вопрос за шутку. Взметнулся игривый девичий голосок:

— Как раз одного не хватает, бабушка.

Круглолицая девушка смотрелась в крохотное зеркало, зажатое в ладошке. Подвинулась, одернув на больших округлых коленях юбку.

Новая пассажирка вдвинула в узкий проем между чемоданами свой тощий узелок, села. Робко, на самый краешек. Обвела повеселевшим взглядом притихшую с ее появлением публику.

— А я ведь здешняя, голубки! Далеко не поеду, стеснять вас долго не стану.

— Мы тут все не дальние, — поддержала разговор девушка, пряча в кармашек кофты зеркало, улыбаясь.

— Твоя правда, касатка! — тут же согласилась старуха и пояснила: — До Хотынца мне, навестить селитьбу надумала, по дому соскучилась.

— Ждет кто-нибудь? — басовито спросил парень, сидевший справа от круглолицей. Он все время поглядывал в сторону молодой соседки.

Бабушка ответила почти сурово, досадливо:

— Кому мы теперь нужны, старые, чтобы об нас печалились. Свои сыновья полную отставку дали... Да и дочь оказалась не лучше.

Махнула рукой, отвернулась.

— Поругались, выходит? — участливо спросила бабусю пожилая женщина, сидевшая в проходе.

— Ни с кем я сроду не ругалась! — еще тверже сказала бабушка. — Вроде как само по себе все нескладно вышло. Сама не знаю, почему. Али дети нынешние переменились?

— А ты расскажи, милая, может, на сердце полегчает, — попросила женщина. — Не у одной такая печаль небось.

Старуха отозвалась не сразу. Она расслабила концы шали у подбородка, сбила густые еще, волнистые волосы к затылку. И, озарив купе светом белых, седых волос, в раздумье что-то перебирая тонкими иссохшими пальцами в своем узелке, повела рассказ:

— Мужик-то с войны не пришел, а детей трое, один другого меньше: Петька, Вовка да Манятка... Середульшего мы Володеем сызмальства звали, книжником он у нас рос. Братья от горшка два вершка, а сестренка совсем крохотуля. В пузе носила, когда Иван на призыв ушел... Как жили мы, бабы, в войну и после — всем памятно. Лихо приходилось, да когда в гурте поплачем и посмеемся заодно, вроде бы и горе не в счет. Дети умные были, совестливые: не знаю, в кого такие удались. В школе, по дому что понадобится — все залюбки сделают. Бывает, какой и заленится, не без того... По-матерински стращаю: «Учись, небож, получше, если хочешь от нужды уйти подальше, в учености теперь вся жизнь».

Грех пожаловаться — не обижали ни меня, ни друг дружку. Старший, Петр, по технической части пошел, после семилетки к ремеслу потянулся. Ученье закончил, там же в мастерах при группе за наставника и оставили. Потом заочно по своей профессии учился. Володей в техникум сразу поступил, тоже вскорости на свой хлеб вышел. А младшенькая наша в опоре на братьев целый институт одолела. И дом свой деточки берегли, подправляли, пока он им нужен был.

Старуха, немного помолчав, продолжала:

— Считай, на картошке росли, тянулись друг за дружкой. А выросли — ровно лебедей стайка. Парни уросливы да плечисты, обоих на флот взяли. Девка, правда, дробнее и лицом в меня, востроносая. Да и она с соседскими выров-

нялась. Скакать под гармошку приладилась. Женишка на гулянке себе выплясывала. Заезжий шофер был, увез в город.

Глядь-поглядь: опустело мое гнездышко, нету моих птенцов, оперились, крылья расправили, поразлетелись в разные края. Одна я в хате осталась, да часы-ходики. Тикают себе, а я живу ждапками, когда от кого письмо почтальон принесет.

Пока растила, бедкалась с тремя сразу, день за днем пролетал. По молодым годам будто и незаметно. Да только недаром люди сказывают: с малым дитем горе, а вырастет — вдвое. Приспела пора моим отходникам семьями обзаводиться. Вот тут все их ученье будто прахом пошло. Кому какую жену или мужа выбрать, особая примета нужна, из книжки не вычитаешь. Одно дело, когда человек в своем селе, тут каждый на глазах. А в чужой стороне всяк по себе загадка.

Старшего судьба где-то возле моря настигла. Суженую повстречал на пляже. Надо же туда за ней забресть, где праздные да лежебоки в чести! Так крепко пристегнула к себе красотка, что Петро мой вместо Новгорода, где мастером в училище был, у далекого моря очутился. Письмо шлет: едь, мам, на свадьбу, моя невеста ни в какие иные места переселяться не хочет. И мне тут работу сыскали. Что же это, думаю, за женка такая, что в мужнин дом ехать заупрямилась? Будет ли толк в семье из нее, непокорной? Кинуться бы мне вслед сынку, своими глазами все увидеть, да к той поре растел у коров начался, и двух свиноматок с приплодом на ферму бригадир прикинул. Написала Петру про коровок-то, мол, погоди со свадьбой, приглядись к своей суженой... А он на смех поднял: бросай, мать, своих коров, погостишь у нас, красоту увидишь. Ежели приглянется, здесь с нами и останешься...

Пуще всех наш середульший на старшего осерчал. Эк, мол, в такую даль брата занесло!.. Судили, рядили, Володея на свадьбу к Петру снарядили. Опять же сказывают: беда не ходит в одиночку. Середульший мой на что умен да оглядчив, и тот от девичьих чар не уберегся. У той, что слушаться мово сына не схотела, младшая сестра оказалась. На год или два помладше. Годами не вышла, а в остальном, говорили, всем взяла.

Сама знаю, девки скорееча спеют. И года не прошло, оба сына мои на энтих сестрах переженились. Не в том беда, что на сестрах родных — характерами больно уступ-

чивыми парни мои оказались. И меньшая в Орел, где Володей при своем деле оселился было, ехать напрочь отказалась.

Жду-пожду приглашения от невесток в гости — молчат. Сыны пишут, бога гневить не стану, иной раз и десяточку в конверт к письму приложат. Да и мне ли обижаться на молодых? Мое дело известно: на ферму да с фермы, огородишко при доме. И Манятка еще на младших курсах института. Думаю: лишь бы дети мои радовались жизни. Подкатит под порог избы немощь, авось вспомнят о родимой. На красавиц своих к той поре досыта налюбуются.

Подкатила-таки болезнь, лихоманка ее забери, не обошла и моего двора. В поясницу пострелывать стало ненароком, и руки к вечеру плетьми висят с устатку. Застужалась я часто зимой на ферме. Буренок своих три десятка, да подменить какая попросит. Все на одних руках... Прибьюсь к дому поздно, согреюсь на печке, утром еле отлеплюсь от теплых кирпичей. А скотина воды просит, и молока в городе ждут.

Давно бы на пенсию пора, но долго не ладилась семья у Манятки. Квартиру быстро получили при интернате, где английскому дочь сироток научает. А вот мужик ей непутевый попался: пьет и руку иной раз заносит. В доме — сивуха, в хозяйстве — проруха. Пока на койку новую да на шифоньер скопила Манятка с одной-то зарплаты, глядишь, коляска для младенца понадобилась. Привезла им коляску, ковер в своем магазине взяла в рассрочку. Раз узелок развязываю при встрече, трояк к трояку прикладываю, другой... Берет, сердечная.. Краснеет, а берет, не отказывается, будто все еще студентка она. Про себя рассуждаю: много ли мне, старой, нужно? Лишь бы детям жилось.

Не с пустыми руками в городском их жилье появляюсь, а зять все равно волком на меня зыркает: выговаривала я ему за лихой нрав да выпивки. А однова слышу шепот через перегородку: «Не приучай ее к дому... А то, глядишь, и насовсем запросится. Пусть возле сынов места ищет». Ах ты, думаю, пьяная харя, и сама я под одной крышей с тобою жить не стану! Слава богу, крышу мне вовремя шифером покрыли, как вдове фронтовика. Занеможется коли, ребята к себе покличут! Сыны испокон старикам надежнее опора. Ведь знал же Петро, когда свадьбу затевал?

Грешила на радикулит, а поперву сердце отказало. С этого края, значится, косая ко мне постучалась. Однова на печке ворохнулось что-то в грудях колючее, обеспамятовала я... Успели добрые люди с подмогой, «скорая» в больницу отвезла. А доктор, Веньямин Семенович, веселый такой, на лекарства не скупится, пичкает, и о родне исподволь заговаривает: «Нельзя вам, Марьяна Гордеевна, одной теперь без приглядка оставаться, — толкует мне при обходе. — Поближе к деткам прибивайся». И так-то ему радостно, что у меня их трое, и все на своем хозяйстве, да при дипломах.

«Правда ваша!» — соглашаюсь. А у самой думка: кому первому давать знать о своей хворобе? Петру или Володею? Написала Петьке, по старшинству, значит. Уже бельишко в узелок сложила, а тут письмо на четырех листах. Мой старший в письме женку сердитыми словами так хлещет, что и злая, и ничегошеньки по дому не способна... Пишет дальше, меня жалеючи: не поехать ли тебе, мать, к Володьке? У него жена будто бы нравом помягче, и дом недавно на двоих с тестем поставили...

Господи, думаю, хорошо, что Петру написала. Не заявилась к нему незваной. Попрошусь в помощницы по дому к Володею и его законной. Он у меня сызмальства в хозяйстве толк видел... Написала, жду. А энти даже не ответили. Много позже жена отписала: «Сын Ваш в куризе какой-то на пароходе, когда вернется, я ему покажу Ваше письмо...»

Видно так показала, что он вместо «Здравствуй» с извинения начал: «Живу у тестя с тещей, сам как постоялец. Ежели, мамочка, пенсии мало, могу прислать денег». И тут же перевод мне хлоп, на тридцать рублей. Адрес не его рукой написан. Выходит, и Володей мой ничем в том доме не володеет.

Откупились теми десятками. До сих пор казнюсь, что я их обратно не выслала. Думаю: к подружке на жительство проситься или кого к себе позвать? А тут зять Андрей на порог; так, мол, и так, теща... Радуйся: двойней твоя дочь разрешилась. Мальчик и девочка сразу...

А сам по хате вышагивает, будто вдоль измеряет. На рамы глядит, вроде прицениваетея.

Угостила, конечно, не чужой человек, а он возьми да брякни: «Сколько за хату дадут? Давай продадим и машину купим, внучат катать станем... Все равно у нас жить будешь, зачем в деревне дом держать?..» Ладненько так

рассуждал, все по полочкам разложил. Только он у меня не авторитет со своим разумением. Сбыть нажитое — много ума не требуется. В резонт не принял мои слова, как ту селитьбу после войны в одни вдовьи руки поднимала. Продадите еще, говорю ему, на тот свет с собою не унесу. А пока пусть постоит мой причал, есть он не просит. Покупателя еще дождется.

Окна шелевками заколотила, узел на плечо, да вслед за зятем к автобусу.

С малыми детками маеты через край. Да все эти заботушки не внове старым людям. Когда загорюешься с ними, а когда и порадуешься: ходить стали, первое слово после «мама» у них «баба»... До школьных лет нянчилась с Игорьком и Олюшкой. Может, раза два за все время в деревню заглянула. Дом засиротел, прелью из каждого угла тянет, крыша возле трубы мхом побралась, погреб совсем обвалился. В деревне две-три старухи остались, а стариков и вовсе ни одного, на погост по одному прибрались. Стою под заколоченными окнами, мысли скачут: хорошо, что я вовремя в город уехала. С кем бы теперь вековала? Хлеб моим подружкам и то раз в неделю из района возют.

В первый класс деток собирали, зять напомнил: «Что-то ты, Гордеевна, у сынов давно не гостевала? Не время ли к ним наведаться?» И голос, как из трубы, вроде сердится человек на меня. Замечаю: шушукаются с Маняткой, от меня таятся. Дочь посмурнела, молчит. Через день-другой и она открылась:

— Мама, невзлюбил тебя Андрей...

— А по мне черт с ним, с его любовью! Я у дочери живу, с внучатами.

— Квартира на него записана... Мне хоть разрывайся между вами. Он — муж, отец детям... Может, ты обратно в деревню поедешь?

И возле единственной дочери, выходит, я лишняя!

Обида меня взяла. Жаловаться надумала. Сперва на зятя покатила колесом, на работу к нему пошла. После и на дочь родную. Слушают люди, спасибо им, сочувствуют. И тут же руками разводят: мол, вы не прописаны в городе, и нет такой управы на детей, чтобы мы их заставили родителей любить.

Один из начальников горе мое близко к сердцу принял:

«Эх, взял бы я вас, Гордеевна, в свой дом с дорогой душой! Вот как бабушка для мальчонки нужна! И свою

мать не уберег... Поскандалила с невесткой, прилегла и не встала».

Душевный такой человек. Помочь, вижу, не в силах, и отпускать в белый свет меня жалко. А дело к тому, что хоть иди, как слепой, на стежку... Разве что без сумы. А тут по столу ладонью тот начальник прихлопнул: «Идея есть! Уборщица в женском общежитии уволилась, там как раз комната не занята».

От его слов участливых я и разговорилась в кабинете. Это как же, рассуждаю, вы в женское общежитие, да еще уборщицу нанимаете? За бабами подстилки вытряхивать?.. «Кабы там взрослые жили, — скривился, — а то девчонки, пигалицы совсем, из ГПТУ выпускницы... По-своему вы правы; не уборщица им, а мать по штату требуется». Уговаривает: «Занеможете когда, они сами подметут в коридоре и на лестнице. На днях я туда наведаюсь. И вы ко мне дороги не забывайте».

Так обрадовался человек насчет поселения меня в общежитие, будто рубль серебряный на шляху поднял. А уж я места от счастья не чаяла: к внукам прикипела, от внуков недалеко жить буду!

Поселилась я в той опустелой комнате, к порядкам тамошним приглядываюсь. И впрямь, на четырех этажах одни девчонки. Стриженые да в брючках, носятся с кухни в бытовку. Кому чай потребовался, кому утюг. Все нарядные такие, шустрые и смешинка на губах. А тут вахтерша их заболела, меня посидеть у входа попросили. Достала я платок из сундука, кофту посветлее, и сама вроде помолодела. Сидишь боком к входу, в коридор одним глазком поглядываешь: не забыла ли какая пигалица по нерасторопности плитку на кухне выключить? Утюги часто синим огнем брались... А тут с порога посетитель, у него свое на уме:

— Девушка! Как мне в двенадцатую комнату пройти?

— Нешто вам я девушка? — обижалась поначалу.

— Извините, мадам.

— Мадам — это в кино, а я пенсионерка доподлинная, ай не видишь?

— О-о, да вы еще...

И пошел скалозубить. Всякие говоруны случались. А один пустомеля заспорил даже. Говорит: «В девичьем доме для меня все девушки. Если хотите, жениха вам подыщу».

Перестала откликаться на такое обращение. Уйду в ко-

нец коридора, вожусь со шваброй или занавесочки поправляю, а от дверей уже кричат:

— Девушка, где тут Потапова живет?..

— Девушка, как пройти в красный уголок?

— Чума вас побери! — стучу шваброй. — Девушка так девушка... Не последнее слово на миру. Зять больше старой ведьмой величал. А тут вроде без обиды, как молодую кличут. Того и гляди сваты нагрянут. Прицепился-таки один. Сказывали, генерал овдовевший или кто там еще. Еле отбилась: «Помоложе ищи!.. От меня дети откажутся...» А он мне:

— Дети, говорите? Дети... — И глаза опустил долу.

На том сватовство и закончилось. Ушел, вниз глядючи. У самого, видать, дети были, да кто куда сплыли. Хороший человек. С сочувствием.

Живу... Тепло, сытно. Справила себе юбку, а кофту девки принесли вскладчину на день рождения. Пирожными угощают. А то поплакаться какая-нибудь неудаха в мой закуток придет. Утешу как могу. И внуков вижу, когда к ним потянет. Чаще, правда, к ним в школу ходила.

Подружка мне нашлась в том общежитии, из детдомовских. Тихая такая, ласковая и лицом пригожая. Надя Скуратова. На часовом заводе сборщицей она. Дня не было, чтобы ко мне по какой-нибудь оказии не заглянула. О здоровье справится, в тумбочку заглянет: нет ли чего постирать? «Жаль мне тебя, Гордеевна... Вот получу комнату в новом доме, заберу к себе. Своей мамы не знала, будешь матерью мне...» Я прямо испужалась: окстись, говорю, выбрось этакую дурь из головы. Сыны мои узнают, обидятся. А сама думаю: вот бы какую невестку мне!

— Не сыны они, — тихо так однова обронила Надя.

Можно было у девчонок тех жить до исхода дней, да совесть гложет: все вроде не при своем корыте я. И город опостылел, глаза бы на него не глядели. Домой тянет. Оно бы ничего возле остаревших ровесниц перебиться до судного дня, да печь за годы сильно отсырела. Боюсь, не загорится в ней... Зайду к куму, Федосу, дом его большой, на шляху, авось пособит разжечь, заустья подправит. На него вся надежа. Только жив ли Федос — не у кого было спросить перед дорогой... Последняя, считай, родня в деревне. С Иваном-то моим вместях они на войну забратые. А воротиться вдвоем не судилося... Дарью его немцы угнали, сгинула на каторге. Сватался опосля ко мне однова. Да разве мы о себе тогда думали?

...Бабка подняла голову, вопрошающе уставилась на темное вагонное окно. По стеклу катились вниз редкие крупные дождинки.

— Кто из вас, касатки, здешний, хотынецкий? — спросила она озабоченно. — Высокий, рыжий мужик, что на свороте от станции жил, ходит еще? Давно видели?

Никто не ответил ей. Все примолкли, задумались. Щекастая деваха водила крашеным ноготком по столику, почему-то сразу заскучав от бабкиных слов. Парень, надвинув на самые глаза кепчонку, делал вид, что дремлет. Охала и крестилась пожилая женщина, сидевшая на проходе. По вагону прошелестел ее громкий шепот: «Да что же это на белом свете делается, господи!» Больше она не произнесла ни слова.

И в самом деле: жив ли Федос?..

●

ПОЭЗИЯ

Владимир ФИРСОВ

НАДЕЖДА НА СВИДАНИЕ

* * *

Ахнул,
Грохнул —
Ледоход!
Льдинами зашаркал.
Жадно
Льдина льдину трет,
Так, что небу жарко.

И не то, чтоб жарко,
Но
Небо заалело,
Разомлело,
И оно
Разом потеплело.

И весна,
Наверняка
Отгулявши шало,
Рекам вывернув бока,
Медленней
Дышала.

Ус-по-ка-ива-ла-ся...
Ах, как не хотелось!

Успокаивалась вся,
Ведь земля вертелась.

Тяжело
Земле далось
В нужный час рассвета
Повернуть
Свою же ось
От разлива — к лету.

ЕВДОКИЯ

Весна
Уже не за горами,
А перед нами
У крыльца
Шуршит капелью,
Как крылами
Домой летящего скворца.

Вот,
Запрокинув клюв мохнатый
В капельный перезвон струны,
Зовет петух своих хохлаток
Отведать
Первины весны.

Орет
До головокруженья.
В прикрытых веках
Свет потух.
От шпор до гребня —
В напряженье
И в жажде рода продолженья
Красив
Воспрянувший петух!

Забыв минувшей ночи стужу,
На зависть снежной белизне,
Капель
Траву колышет
В луже,
Напоминая о весне.

На солнечном крылечке
Жарко.
Капель шуршит,
Звенит, стучит,
И кошка пьет из лужи жадно,
Стараясь лап не замочить.

И к луже
Вперевалку
Гуси
Скользят
На розовых коньках...

Звенит капель,
Звучит,
Как гусли,
У молодой весны в руках.

МАРТОВСКОЕ УТРО В ЛЕСУ

Облака
В размытой сини тают.
Зорька марта
Тихо занялась.
Тишина
Такая молодая,
Словно бы впервые родилась.
Тишина
Такая на опушке,
Что слышна
Вчерашняя пурга.
Семена березы,
Как веснушки,
Выпали на белые снега.

И дохнуло
Раннею весною
И надеждой на свиданье
С ней,
С ней,
Вдали летящей над землею
На усталых крыльях журавлей.
Тишина.

На ветках снег не дрогнет.
Солнце,
Поднимаясь в вышину,
Слышит,
Как раскатистою дробью
Дятел прошивает
Тишину.

До чего ж охота
Заблудиться
В этой бесконечной тишине.
Но душа желает
Воротиться,
Чтоб поведать миру
О весне...
Сквозь слегка осевшие сугробы,
Что опять метели наметут,
Голубые
Мартовские тропы
Все к тебе,
Единственной,
Ведут.

* * *

Вдруг
К исходу июля
Днем
Запел соловей
Не под Курском, не в Туле,
На отчизне моей.

На Смоленщине милой,
Где я не был весной.
Пел, поди,
Над могилой,
Что забыта и мной.

Пел, поди,
Над печалью —
Там,
Где было жилье,
Где взошло иван-чаем
Поколенье мое.

Пел про радости,
Беды,
Про житье
Да бытье.
Пел!
И явно не ведал
Удивленье мое.

Гласом низким,
Высоким,
Словно рад, что — успел,
Пел
За всех одиноких,
Сам не ведал,
Что пел.

Пел
Над зимнею сказкой,
Той, что явью была,
И на легких салазках
В безвозвратность ушла.

Пел он
Рядом со мною,
Странный мой соловей,
Над прошедшей весною,
Над своей
И моей.

Отчего же запел он,
В неположенный срок?..
Рожь недавно поспела,
Стек малиновый сок.

Лета спелая брага,
Знать, дурманит глаза.
— Одинок, бедолага! —
Про певца я сказал.

Пел он,
Словно итожил
Жизни прожитый срок,
Словно знал,
Что я тоже
В этот день — одинок.

* * *

Вячеславу Овчинникову

Солнышко
Все еще ласково
Дремлет
В кленовых листах.
Нотными знаками
Ласточки
Расселись
На проводах.

Ноты читать не умеющий,
Я повторяю
Без слов
Голос природы,
Немеющий
В преддверии холодов.

Сухо.
Тепло.
И не верится,
Что за метельной листвой
Снежная
Грянет метелица
Над загрустившей травой.

Над луговыми просторами,
Над родниковым теплом...
Вьюга промчится
Со стонами
Над городом
И над селом...

Однообразье —
Дремотное
В мир принесут холода.
И ласточек знаки
Нотные
Уже не прочтут
Никогда.

* * *

С первым громом
Запевают соловьи.
Все — свои, свои,
Свои, свои, свои!
А с последним громом
От земли
Неохотно улетают
журавли.

Молча скрылись
Соловьи
За родной предел.
Улетели журавли.
Лес
Осиротел...

Мне б до соловья
Дожить,
Не сойдя с ума.
Остальное
Разрешить
Сможет жизнь сама.

Лишь бы снова
Он запел
Под моим окном,
Не пугаясь,
Что поспел
Первый майский гром.

Мне б дожить
До соловья,
Вновь узреть листву.
И тогда поверю я,
Что опять живу.

Что течет
Моя ладья —
Жизненная —
Вдаль,
Что еще берет меня
За сердце печаль,

Что веселья
Светлый час,

Свет любви моей,
Не иссяк и не погас...
Где ж ты, соловей?

Ожиданием
Живу,
С ним свиданья жду.
Вижу мертвую листву
И по ней бреду.

Я шагаю,
Как в бреду,
Встречь снегам и мгле.
С соловьем
Свиданья жду
На родной земле.

Сколько ж месяцев пройдет,
Явно —
Не в тепле,
Сколько ж снега
Наметет
На моей земле!

Накопытит,
Накоптит
В городах —
Пурга.
Сколько ж грязи
Налетит
На белы снега!

Ах, как долго
Ждать весны,
Ждать ее красу,
Что сквозь годы,
Как сквозь сны,
Я в душе несу!

ПЕЙЗАЖ ОСЕННИЙ

Безмолвны
Берез обнаженные кроны.
Безветренный вечер

Наводит тоску.
Угрюмый пейзаж
Дополняет ворона,
Видавшая виды
На долгом веку.

Она восседает
На ветхом заборе
И думает
Что-то свое...
Лететь никуда ей не надо.
Тем боле —
Никто и не гонит
Ее.

* * *

Пел
Березовый рожок,
Просто —
Ни о чем.
Спал разметанный стожок
Под моим плечом.

Спал над речкой,
Под горой.
Где? Я промолчу.
Припадала ты порой
К моему плечу.

А потом
Сметали в стог
Памятный стожок,
И уже не пел,
Не мог,
Как хотел,
Рожок.

И по первому снежку,
Что укрыл тепло,
К заметенному стожку
Стежку
Замело.

ЯВЬ

Лирическая поэма

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне...

Сергей Есенин

Мне снится жизнь,
Которой я и не жил...
Проснувшись,
Вижу явь:
В ней не забыл
Любимую,
Которую так нежил,
Которую
Всю жизнь свою любил.

Которая
По совести любила
Меня,
На грани гибели храня,
Которая забыла,
Все, что было,
Оставив то, что будет,
Для меня.

И потому-то
Жизнь
Мне не приснилась,
Хотя порою
Часто снятся сны
О том, что было,
Что потом — забылось,
О чем забыть иль помнить
Мы вольны...

Как счастлив я,
Что жизнь
Мне не приснилась.
Был розов конь.
И я скакал на нем...

Но ширь полей
Пахалась,
Боронилась
Не розовым,
А тягловым конем.

И цвет коня, —
Каким бы конь тот ни был,
Хоть розовым,
Хоть красным,
Хоть каким, —
Всегда зависел
От окраски неба,
Или от цвета,
Что тобой любим...

Пусть снится жизнь,
В которой я и не был...
Все чувствую себя я на земле
Дождинкой,
Что светло упала с неба
И прижилась
На солнечном челе
Земли родной,
Моей родной России.
И пригодилась
В засуху и зной
Душевной боли всех,
Кто, обессилев,
Нуждался в ласке
Стороны родной.

И если эта ласка
Пригодилась
Хоть капелькой земного бытия,
Мне жизнь моя,
Бесспорно,
Не приснилась,
А коль приснилась,
Значит — не моя...

Моя —
Текла
Порой парадных шествий,

Тропой безверья,
Правды и вины,
Порою,
Безо всяких происшествий,
Порой покоя
И порой войны.

Я видел все,
Что мой народ изведал,
И остаюсь,
Конечно же,
Пока —
Свидетелем Парада
Той Победы,
Которой жить нам суждено
Века...

Увы! Не станет скоро
Ветеранов.
Но дети их,
Их правнуки должны
Носить в душе
Щемящей правды раны,
Как будто только что
Пришли
С войны.

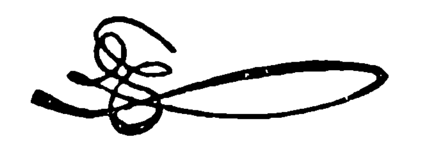
Я видел смерть
Мальчишьими глазами,
Глазами дедов,
Прадедов,
Отца.
Я плачу
Материнскими слезами,
Которым
Не предвидится конца.

Своих погодков
Вспоминаю с болью, —
О чем сегодня даже нет
Молвы, —
Когда мы пухли,
Гибли
От бессолья

В трехстах верстах
От матушки-Москвы.

И я, не понимая
Смысл в елее,
Жил верой,
Что отец оставил мне,
Когда с парадом
Шел
Пред Мавзолеем,
Как бы летя
На розовом коне.

Вдруг вспомню все,
Как сон, как жизни милость.
И вдруг промолвлю,
Горечь не тая:
— О, жизнь моя!
Неужто ты
Приснилась,
Неужто мне приснилась
Жизнь моя?..

Николай ЗАДОРНОВ

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ

Роман

Рис. Ю. Макарова

Глава 3

МАКАО

Русский пароход «Америка» стоял на рейде в порту португальской колонии Макао. Отсюда хорошо виден город на гористом полуострове. В бухте два французских военных парохода, португальский бриг, американские коммерческие суда и много туземных джонок. Американский посол Рид пришел сегодня на паровой шлюпке, винт которой так брызжется на ходу, что машину останавливают, идут под парусом или на веслах. Гигантский корабль-монстр «Манитоба», па котором новый посол прибыл из Штатов, из-за большой осадки стоит в Гонконге.

— Легки на помине! — через некоторое время молвил унтер-офицер Сизов, заметя идущую в порт канонерку. — У Сереги давно кулаки чешутся... — добавил он.

— Чем-то надо забавиться. У нас в деревне в эту пору выходим на лед на пруду сторона на сторону, — отозвался матрос Грамотеев, — а тут живешь, и вся история проходит.

Все стали поглядывать на узкий, похожий в этот миг на рюмку, корабль, идущий под британским флагом.

— Джеки, ребята! — раздался довольный бас с реи, куда не глянешь из-за слепящего солнца. Нигде люди так не сближаются, образуя единое братство, как в плаванье на военных кораблях.

С подошедшей канонерки кинули кранцы, наши матросы закрепили поданный конец. С борта на борт перешел английский лейтенант с двумя переводчиками в штатском. Один из них мельком знако́м Чихачеву, китаец по рождению, джентльмен по воспитанию, сын Вунга, гонконгского магната.

Лейтенант заговорил по-французски. Прибыл к его превосходительству графу Путятину.

— Граф Путятин в своей резиденции в городе. — Чихачев вызвал мичмана, попросил проводить к Евфимию Васильевичу. Лейтенант поблагодарил. Канонерка ушла. Где-то за флотом сампанов, рыбацких шаланд и лодчонок она постукивала винтом, и ее матросы распихивали деревянными шестами и мелочь, и китайские джонки с пушками, без всяких церемоний очищая для себя воду.

Окончание. Начало в № 11.

Чихачеву надо садиться за дело, проверять с ревизором счета, расписки и наличность. Механик-американец жалуется, что уголь преет, от жары и сырости может произойти самовозгорание. Рождество приближается, а жара не отпускает.

Уголь опять придется перелопачивать. Когда-то, путешествуя по снегам Сахалина, нашел Николай Матвеевич выходы угольных пластов в обрывах прибрежных сопок и вознамерился в будущем составить компанию на акциях для разработки этих залежей. Страна наша самая богатая в мире, средства есть, в народе силы есть, а вместо акций общества, до зарезу нужного нашему судоходству, держишь в руках бумажки с каракулями компрадоров.

— Кажется, адмиральский вельбот подходит, — сказал выглянувший в порт мичман.

На палубу ступаешь, как на зеркало в солнце. На баркасе доставили бочки с пресной водой, босые матросы перекачивают ее машиной в цистерну. На вершине скалы, на форте, где у башни всегда ходит португальский солдат-негр, выпалила пушка. Полдень.

В пору колониальных войн пушка эта извещала об угрожающем приближении голландских эскадр. И теперь еще форт вооружен.

Ничего не скажешь, сейчас вид живописный. Непохоже на бревенчатое Петровское зимовье в сугробах. Там сейчас рождественские морозы, тридцать пять градусов с ветром и пургой, метет с Охотского моря, воет.

В городе всегда слышен колокольный звон. Макао молится. Католики прилежны в исполнении обычаев веры и обрядностей. Здешняя обстановка святости и богобоязненности по душе Евфимию Васильевичу. И мы молимся! Да еще как! Даже католики не молятся так истово.

По трапу поднялся Остен-Сакен. Он бел лицом, усики, как седые коротенькие щеточки. Надежда и опора Евфимия Васильевича, восходящая звезда. Служил в лондонском посольстве и отправился в Китай с Путятиным.

Чихачев высок, у него крупные черты лица, от этого он кажется старше своих лет. Носит усы и бакенбарды для солидности и осанки, как большинство командиров кораблей. Карьера блестящая! В двадцать шесть лет командир первоклассного парохода. После службы на Амуре ходил между Кронштадтом и Петербургом. Командо-

вал пароходом на Неве, за доставку государя с семьей в Кронштадт дарован ему бриллиантовый перстень.

Адмирал просит Николая Матвеевича прибыть к себе.

Евфимий Васильевич принял в высокой комнате с мраморными стенами, сохраняющими прохладу при любой жаре. Путятин в большом крахмальном воротничке, сам как гранд.

— С английской эскадры, ведущей военные действия на Кантонской реке, пришла канонерка «Дрейк». Командир, лейтенант Артур, доставил мне письмо графа Элгина. Посол будет завтра у меня.

— Вы полагаете, что союзники ведут военные действия?

— Видимо, так. Пока все это считается подготовкой. Англичане придут после осмотра новых позиций, с которых они намерены нанести решительные удары. Элгин свои настояния подкрепляет приближением к Кантону. Я бы хотел посоветоваться с вами...

Чихачев выслушал и сказал свое мнение:

— Да, людей не спускайте на берег... Элгин придет на канонерке. Вы знаете... У них команды из головорезов. Для посла в Гонконге готовят пароход «Фьюриос», с малой осадкой. Я видел этот корабль. Когда Элгин на него перейдет, то и начнется настоящая война.

Наши гребцы с вельбота, доставлявшие капитана на берег, и матросы с паровой шлюпки, привезшие офицеров канонерки, разговорились на причале.

— War? Many enemy *? — показывая костистой лапой в направлении верховий реки, спросил Собакин.

— Plenty,— ответил британец в синем мундире, который держал его, как футляр. Джеки все среднего роста, крепкого сложения, не слишком высоки, долговязых у них на канонерки не берут. В англичанах, если сравнить с нашими, большая самоуверенность, или, как тогда говорили в похвалу, большая развязанность. Наши поосторожнее. Некоторые матросы с «Америки» высоки. У Сизова грудь колесом, как у богатыря. В японскую экспедицию адмирал отбирал когда-то видных, чтоб удивлять японцев.

Все поняли, что джек ответил — много врагов.

— Небесные?

— No, — сказал узколицый матрос со вздернутым носом и с нашивками, — чин-чин гуд...

* Война? Много врагов?

— А кто же враги?

— Hard weather. Brutal officers *.

— Faithless gals, — нашелся еще один и приложил руки к груди. — Their topsails... **

— Shun the bad company ***, — подходя, велел старший унтер-офицер, и все пошли по своим местам.

— So, you have been at Kiachta and Pechily, — сказал Элгин, выслушав рассказ Путятина о его скитаниях и попытках проехать в Пекин, — and you've got considerably shubbed at both places, as I should have been if I had gone ****.

За большим столом все расхохотались.

«Однако он на дружеской ноге с Евфимием Васильевичем, — подумал Чихачев. — И даже очень. Влепил адмиралу заслуженный комплимент! И себе предсказал ту же участь».

— I trink it's not a bad arrangement for British prestige! ***** — ответил Путятин, и весь обед разразился новым взрывом хохота.

За огромным полукруглым столом все сидят поодаль друг от друга, каждый на особицу, этим подчеркивается значительность и независимость присутствующих и в то же время общность их индивидуальностей.

Англичане принесли с собой в этот роскошный португальский дворец атмосферу силы, физического здоровья и военных авантюр, среди которых жили все время. На дипломатах штатские костюмы, мундиры офицеров с иголочки, скромно выглядят среди шитья небольшие кресты и знаки отличия, погоны вместо эполет. Англичан за столом больше, чем русских, в них есть согласие, которое придает успех; они чем-то походят друг на друга. Чихачев чувствует себя так, словно попал к ним на военный совет.

Тут родной брат Элгина, правая рука его, Фредерик Брюс — известный шотландский любитель лошадей и охотник, секретарь посольства Лоуренс Олифант, командиры канонерских лодок: лейтенант Артур и лейтенант

---

* Тяжелая погода. Свирепые офицеры!

** Неверные красотки... Верхние паруса.

*** Оставьте плохую компанию.

**** Так, вы побывали в Кяхте и в Печили и получили по изрядному щелчку в нос, что и меня ждало бы, если бы я там появился.

***** Я полагаю, что и это неплохо для британского престижа.

Форсайт, офицеры, корреспондент газеты «Таймс» Винг-роф Кук, с которым Путятин недавно виделся в Шанхае. Собрана большая сила: дипломаты, военные, пресса.

Путятин посвежел, обед с хорошим обществом ему на пользу. Но и опасностей не миновать. Англичане явились не без своих намерений. Евфимий Васильевич должен предвидеть. Считается, что наш адмирал хитер, крепкий орешек. Говорит легко, молодо, с апломбом: сам — как дипломат на Парижском конгрессе, в жестком крахмальном воротничке, с широким белым галстуком, повязанном вокруг шеи, с белоснежной грудью. С Коммодорским Крестом на шее. Затянут в узкий сюртук, облегающий его сильную, сохранившуюся фигуру. На синем кресте русского ордена распятый святой Андрей. Коммодорский Крест дарован Путятину королем Греции за участие в морских сражениях за свободу эллинов. Таким никто из гостей не награжден, лишь отец Элгина в свое время получил эту же награду.

И в контраст, и под стать обществу — полковник сибирского казачьего войска Мартынов, прибывший курьером из России: атлетическая фигура, полное спокойствие и естественность обращения. Понимает по-французски и английски, что довольно редко среди казачьих офицеров. Казачий мундир обращает на себя внимание.

Американский посол Рид был приглашен на обед, но отговорился, сказал, что собрался ловить рыбу удочкой, и не хочет отменять поездки ради встречи с графом Элгином. Объяснив его отсутствие по-своему, Путятин сказал, что Рид намерен быть к вечеру.

Сэр Джеймс, обращаясь к русскому послу и называя его Евфимий Васильевич, задал несколько вопросов. Его интересовал залив Печили вблизи Пекина. Very, very much.

... И все, что к северу от него и поблизости. Много шло разных разговоров о тех странах. Часто приходится слышать, что англичане желали бы иметь еще один Гонконг, но не у Кантона, а под самым носом Пекина! Это прельщало, и владычество империи могло тогда, как предполагалось, стать мировым. От берегов залива Печили до столицы рукой подать. Корея, Япония, Сахалин, Формоза, новые территории Северной Кореи, гавани на берегах Печили, все это, как утверждали знатоки, требует современной торговли, и тут могут быть привлечены дельцы и деньги европейских стран и народов и брата Джонатана. Следуя философии Бентама, англичане могут сде-

лать человечество счастливым, как ни один другой народ.

Элгин сказал, что желал бы проехать из Китая не вокруг света, а через Сибирь.

— Печили! Залив Печили! — Элгин признался, что предполагал действовать там, а не возиться с Е, не унижать себя участием в двусмысленной вражде Гонконга с Кантоном, а перенести центр тяжести поближе к Пекину.

Получилось так, что Путятин был в Печили, а Элгин не был, Евфимий Васильевич опередил его в своем первом неуспехе.

— Но, если мы возьмем Кантон лишь средствами флота, мы, вероятно, не сможем удержать его, — продолжал сэр Джеймс. Помянул о неизбежности в таком случае резни и кровопролития, которые не окажут никакого влияния на пекинский двор. Он полагал, что, лишь действуя общими силами четырех держав, можно одержать бескровную победу и достигнуть цели. Кровопролитие в Кантоне бессмысленно.

— Надо его избежать, — согласился Путятин.

— Но этого я избегну, только если и вы присоединитесь ко мне.

Элгин верил Путятину, видел в нем джентльмена и союзника. О Путятине много самых лестных отзывов людей ранга и положения, чьи рекомендации заслуживают доверия. В Лондоне редко отзываются о ком-нибудь без сдержанной иронии. Он продолжал про опасность, из которой трудно будет выкарабкаться.

«Так, что если они окажутся одни и резню устроят в Кантоне, то я и буду виноват?» — думал тем временем Путятин.

После обеда в круглой комнате красного мрамора послы остались с глазу на глаз.

— Я люблю Макао, — сказал Элгин, — за его атмосферу истории, за его конвент и за парк Камоэнса, за улицы среди гор, за нарядный фронт старинных зданий над линией моря. Португальцы воздвигали здесь памятники эпохи, когда Гонконг был голой скалой.

Наедине послы стали откровенней. Дипломатическая тема тяготила их своим однообразием. Иногда разговор опускался до цинизма.

— По виду молодой дамы можно узнать, есть ли у нее любовник, — сказал Путятин, — и довольна ли им она.

Этим замечанием он задел Джеймса. При встречах с Энн он замечал, что она довольна и чувствует себя выше

окружающих. Ему опять вспомнились рассказы о правах колониальной молодежи. Но это как-то смутно представлялось до сих пор. Путятин яснее все выложил. Конечно, увлечение возвышает и придает прелести.

Когда Боуринг уговаривал посла спасти свой престиж, он настоятельно напоминал, что многие великие морские экспедиции знаменитых путешественников внезапно меняли курс и шли в эту испанскую колонию. Там есть все, для того чтобы отдохнуть страннику, которому каждый день грозит опасность.

Побывав в Маниле, Джеймс понял, что родовые аристократки колониальной Испании не могут не привлекать великих мореплавателей и коммодоров, побуждая их менять курс своих армад.

Оказалось, что и Путятин бывал в Маниле и тоже под таким же предлогом, как Элгин. Он не желал стоять в Нагасаки и ожидать ответа от японского правительства из столицы на свои предложения, поступаться престижем посла великой империи.

У Джеймса с Путятиным в Маниле оказались общие знакомые. Ясно, Путятин весьма порядочный человек. Он без предрассудков, ясно выражает свое мнение о том, про что редко говорят.

— Когда едешь по железной дороге в Лондон, то думаешь не о пейзажах за окном, а перечитываешь названия станций и ждешь конечную, — возразил Элгин.

Если у Евфимия Васильевича было увлечение в Маниле, то уже забытое за заботами. Влюбчив ли он? Что-то придавало ему энергии, как паровой машине, мощность которой исчисляется лошадиными силами. Не зря дан ему Коммодорский Крест за Грецию. У людей, горячо верующих, как Путятин, сила обнаруживается, когда надо, и не впустую.

Путятин имел в виду не только леди, когда говорил, как много объясняет внешний вид. По Пальмерстону заметно, что у него есть любовница — Франция, и Элгин здесь, по привычке их государственных людей, ухаживает за Францией в лице барона Гро, чтобы соблазнить ее кинуться с собой вместе в пекло кантонской битвы. И по даме все заметно, и по государственному деятелю, и по его послу Элгину.

Прибыл капитан Смит. Фредерик Брюс вошел с ним.

Элгин рекомендовал офицера и сказал, что в будущем намерен его послать на реку Янцзы, по следу миссионе-

ров. Пока Смит нужен здесь, придется переводить бумаги, которые возьмем в Кантоне в архиве вице-короля Е. Ни тени смущения незаметно на лице Путятина, словно все это его не касалось.

На сегодняшнем обеде Смит не присутствовал. Офицеры высокой значительности, как полагал Элгин, не должны быть свидетелями частных переговоров порядочных людей.

Смит, несколько озабоченный откровенностью Элгина про проникновение в архив Е, тоже глянул на Путятина, желая видеть конфуз на его физиономии. Брюс был довольно сумрачен и недоволен словами брата. Путятин, при всей его святости, как полагал Смит, играет надвое. Обольщаться нельзя. И нельзя открывать свои намерения для выведывания мнений и вербовки мнимого союзника. Риск очевиден. Будь Смит на обеде, он перечитал бы по-своему мнения всех его участников и постарался бы разгадать то, что скрывается под выражениями лиц. Но такие офицеры, как он, не нужны там, куда их не просят.

Элгин предложил Путятину ознакомиться с секретными донесениями шпионов из дворца Е. Сказал, что и впредь вся его переписка с кантонским начальством будет пересылаться послу Путятину. Желал бы обсудить с Евфимием Васильевичем ультиматум, который подготавливается и скоро будет послан губернатору Е.

Сэр Джеймс тронул Евфимия Васильевича. Редко среди них попадаются такие прямые и откровенные натуры, тем более надо быть с ним настороже, как и они с нами.

Трогательно весьма! Дружественности своей к Китаю и преданности соседству Путятин верен. Своими убеждениями и привязанностями не поступится. Но не надо обнаруживать. Откровенность может подвести. Лгать перед лицом умного и честного посла морской державы, властительницы морей никак нельзя. Русский посол не лжет. И нельзя представиться колеблющимся, неуверенным. Поэтому нельзя уклониться и не поддержать выраженного радушия: посол императорской России не может колебаться. Так, правду не скажешь и лгать нельзя, на притворство не пустишься, не позволяет достоинство. Придется действовать дипломатически?

Элгин сказал, что, готовя ультиматум, изложит в нем грубые требования и отозвался о себе и о своих делах с упреком, как они умеют.

— Жаль угрожать войной. Не будет отступления.

Все это хорошая манера при опасной игре, которую они затевают. Путятин не отвечает прямо, хотя ему прямо все изложено и откровенно. Сам Элгин дипломат высшей пробы. Лучше, если дурного впечатления у него не останется. Не надо, чтобы тень, хоть малая, промелькнула между ними. Конечно, он сам в таком же положении, как и я, все послы в Китае озабочены мандаринами, а заодно и Тайпин-Ваном. Элгину надо так подготовить все действия, чтобы потом и здесь, и в парламенте очевидно было, что иначе поступить не мог. Тогда он смело может решиться на кровопролитие, оправдывая себя. Но он и не скрывает этого. Не приходит ли ему в голову соединиться еще и с мятежниками? Мнение Элгина по этой части Путятину хотелось бы знать.

Элгин предложил Путятину действовать соединенными силами всем четырем державам вместе. Тогда можно будет избежать кровопролития. Как обухом по голове!

— Против Китая?

— Да, против Китая. Надо отдать справедливость Маниле, — переменил тему разговора Элгин. Воспоминания останутся у него на всю жизнь. Хотя временами Джеймс попадал в неприятное положение. Он много читал про испанцев и бывал в Испании, но и не представлял себе нравы в ее колониях. Всегда и в любых обстоятельствах, как и каждый женатый мужчина, он помнил свою семью. Катти Сарк помнилась ему даже в Маниле... Это естественно. Как возмутилась прелестная испанка, когда ей стало известно, что он ведет не дневник, а вместо этого пишет письма жене в Лондон, в которых излагает все свои приключения. Юная очаровательная аристократка долго сдерживалась, гордость и воспитание не позволяли ей прибегнуть к откровенности. Но темперамент взял свое, она не выдержала и обрушилась на лорда так, как будто это был провинившийся мальчишка. «Ах, эти женатые мужчины! — избоченясь, воскликнула она с гордой усмешкой. — Верно говорят про вас: «Хоть через труп, но к жене...»

Путятин моложав не по годам. Хотя на десять лет старше Элгина, но они говорили как сверстники. Смит уже давно ушел. Разговор о тайнах кантонского ямыня закончился. Элгин подозревал, что Смит неравнодушен к Энн. Может быть, это естественно. Ведь он молодой человек. Не может быть влюблен лишь в свою профессию...

Мадонны Макао напоминали грешному скитальцу колониальных полудев и балы на военных кораблях.

Пили вино и говорили. Путятин чувствовал себя с англичанами не по себе. Прежде этого не было. С ними все не так, как с японцами. В Японии был он стариком, законоучителем, талант его проявлялся со всей мудростью. В его возрасте повсюду в Азии человек пользуется уважением. Считается, что жизнь идет к концу. С англичанами Евфимий Васильевич чувствовал себя молодым человеком, молодым конем, которого гоняют на корде по ипподрому. Мускулы его просили движения и дела, от ударов бича над головой он готов был к скачке с барьерами, где можно в любой миг засечь ногу. Но боже спаси зазеваться или, например, почувствовать себя в чужой власти или под влиянием этих жокеев. Элгин явно клонил к тому, что сильные европейские державы должны быть союзниками в их азиатской политике, это естественно; Европа может надеяться на Россию, как на каменную стену, и рухнет без нее, если в будущем Азия начнет большую войну...

Глава 4

АМЕРИКАНЕЦ

У ворот особняка, в котором останавливался посол Рид, приезжая в Макао, стояли солдаты морской пехоты, с ружьями и с револьверами у пояса. У хозяина дома, магната американской торговли в Китае, две собственные пушки стоят у ворот и две в саду.

— Рид дома? — спросил Путятин.

— Да, сэр.

Маринеры с карабинами пропустили послов в ворота. Путятин тут свой человек, они с Ридом запросто ходят друг к другу. Никто не пошел доложить о приходе Путятина и Элгина. И никто их не сопровождал.

В сумерках в комнатах нижнего этажа было темно.

— Мальчики, эу... — закричал Путятин, как у себя на корабле. — Кто тут есть? Я пришел с послом Англии.

В анфиладе комнат послышался чей-то голос, там произошла короткая перебранка, хлопнула балконная дверь.

Шаги здоровенных ног раздались по мрамору, и вошел

рослый американец. Он положил свою шляпу на пол около стула и хлопнул обоих послов по рукам.

Элгин и Путятин были приглашены в кабинет и усажены в кресла, обитые зеленой кожей с отделкой под серебро, как ковбойские седла.

Поговорили о том о сем, как всегда при встрече, Путятин замолчал, ожидая, что будет дальше, как братья поведут себя друг с другом.

Канонерка Элгина стоит с поднятыми парами, и, судя по этому, посол не хочет задерживаться. Срочные дела призывают его, после осмотра войск и кораблей в дельте Кантонской реки, поскорей вернуться в свою штаб-квартиру в Гонконге.

Что же мне теперь остается? Пожелать им успеха? Конечно, как-то неудобно отмалчиваться, это только себе во вред; я смолчу, а потом будут ко мне претензии в неискренности. Элгин человек приличный, известного рода. У них сейчас есть стремление жить с нами в мире, не упуская своего, действовать сообща, и я не должен этим пренебрегать. Нельзя обнаружить, что понимаю суть их политики. Переборю себя, притворюсь, что ни о чем не догадываюсь.

Да и пусть англичане идут на Кантон. Пусть сунутся. Да и мандаринов надо потрясти. Потряс Перри японцев, и те сразу уступили и опомнились, и ему же благодарны. Что же делать, как поступать иначе? И мандарины должны опамятоваться. Пора тряхнуть и самого Сына Неба, будь он неладен. Он, как священный бык, улегся на своих наложницах. Англичане спесь с него собьют, им только взяться. Путятин намерен помочь Китаю другими средствами. Это его цель. Но мы сами живем в Европе, зависимы и связаны интересами и всеми своими привычками с великими державами по всем статьям... Муравьев как-то хочет урезонить европейцев по-своему. Упрекал Путятина, мол, что это у вас за мания — всех учить, когда вот-вот тем, кого вы просвещаете, дадут оружие в руки и укажут на нас, как на злейших врагов.

Элгин пошел с американцем в открытую, стал упрекать Рида, что его соотечественники, торгуя с Кантоном, вымогают у Е остров, обещая за это деньги и шпионя в пользу мандаринов, что все это походит на предательство, коммерсанты пренебрегают новыми принципами политики президента Бьюкэнэна.

— Откуда вам известно, что американцы шпионят?

— От надежных и верных людей.

— Это неприлично.

— Так все делают. Разве у вас в суде этого не знают? Ваши бизнесмены предлагают Е двести тысяч за остров и хотят построить на нем город.

— Это их частное дело.

— Посол великой державы отвечает за посягательства своих дельцов на чужие территории. Неприкасаемость границ устанавливается договорами. Вы заинтересованы в развитии Китая, в торговле, и это естественно. Зачем же вы сюда прибыли, представитель коммерческого государства? Ведь у вас в Штатах торговцы являются самым почетным классом общества, а вы с президентом обязаны защищать их интересы.

Рид долго уклонялся от прямого ответа. Помянул, что на днях напишет Е письмо, в котором решительно попросит встречи. Тогда поговорит с китайским губернатором, выяснит, как все представляется самим китайцам.

Наконец Рид решительно заявил, что не примет никакого участия в общих действиях морских держав против Китая. У него нет для этого полномочий и нет желания.

Словно в подтверждение своих слов и показывая, что день закончился и что он устал от разговоров, Рид растянулся поперек дивана и закинул свои длинные ноги на столик с газетами. Лучшего ответа лорду не придумаешь.

Элгин знал о существовании разных демократических замашек и привыкал ко всему. Он не обращал внимания на появившиеся на столе ноги и продолжал про свое. Сказал, что попытка американцев совершить спекуляцию и вбить клин между Штатами и Великобританией обречена на провал.

— Это лишь ускорит наши действия. Имена американских шпионов известны, как и содержание посланных ими бумаг. Я приказал флоту идти под стены Кантона и занимать все острова. У вас еще есть возможность действовать вместе с нами миролюбивыми средствами.

— Зачем мы с вами, граф Путятин, будем таскать для них каштаны из огня? — сказал Рид.

Элгин расхохотался.

— Благородная политика вашего нового президента стара. Ваш предшественник точно так же устранялся от вмешательства в китайские дела и ловил рыбу в мутной воде, когда произошел инцидент в прошлом году. Аме-

риканцы отказались поддержать нас. А кончилось тем, что, когда мы ушли из Кантона и военные действия прекратились, ваши коммерсанты стали испытывать издевательства и придирки китайцев. Вы струсили и покорились... Вам пришлось посылать военный флот для эвакуации ваших граждан из американских блоков в пригородах Кантона. Что я вам буду рассказывать! Стреляли же китайцы по вашим кораблям, вывозившим коммерсантов с семьями, а коммодор Армстронг отдал приказ палить и снес с лица земли Барьер-форт. Суньтесь со своим письмом к маршалу Е, он даст вам щелчок по носу. Он прекрасно понимает, что своей гигантской «Манитобой» вы его не напугаете, она не пройдет по реке. Кантон недосягаем для нее — по пословице: близок локоть, да не укусишь.

Элгин говорил грубо, сидя на ковбойском седле кожаного кресла, как ковбой с ковбоем, показывая, что игра в американский демократизм дешево стоит и при случае бьет самих же американцев. Грубости и скотства пастухов из прерий и убийц индейцев, ставших адвокатами и получивших образование в сомнительных американских университетах, набраться нетрудно. Плохое перенимается легко, была бы охота.

Путятин понимал, что теперь у Элгина вся надежда будет на него. Станет убеждать меня ради гуманности действовать заодно с ним и с французом и послать китайцам ультиматум от имени послов всех держав.

Рид, казалось, смягчился. Он слегка зевнул и, чуть потягиваясь, сказал:

— Приходите сюда ко мне завтра. С утра обсудим серьезно ваши претензии, мистер Элгин.

«Мистер», и все тут! Но Элгина не проймешь. Он сам на демократии собаку съел и в парламенте, и на выборных митингах.

— Мои претензии элементарны, — сказал Элгин. Он добавил, что сегодня идет в Гонконг. Простились с Ридом любезно, даже с оттенком братской привязанности.

— Я надеюсь прийти сюда в ближайшее время и прожить в Макао несколько дней... Останетесь ли вы здесь или возвратитесь в свою плавучую резиденцию? Барон Гро на днях будет в Макао, он хотел бы обосновать здесь свою штаб-квартиру.

— У вас в Сибири в это время холодная погода? — спросил американец у Путятина.

Послы зашли по дороге на пристань в португальский дворец Евфимия Васильевича. Темные деревья теснее обступили дом со всех сторон.

— При отказе Рида действовать с нами сообща у меня нет иного выхода, надо готовиться к бомбардировке Кантона, как это ни отвратительно. Все, что предстоит, нам придется брать на себя. Не правда ли?

Путятин смолчал.

— Не так ли? — с жаром воскликнул Элгин. — Нет иной возможности, вы это видите?

— Да, я вижу, — ответил Путятин. — Я... понимаю ваши доводы, что у вас нет иного выхода и нет средств убедить правительство Китая.

Путятин сам не смог бы объяснить, как все это у него вырвалось. Как все получилось? От желания закончить разговор или схитрил? Словно пожаловался от души. Элгин мог понять его по-своему.

— Я... вполне поддерживаю ваши доводы в пользу решительных действий, — сказал Евфимий Васильевич, чувствуя, что его несло и дальше по инерции. Да и пусть Элгин воюет, если ему хочется, не буду я его без конца отговаривать. Он сам знает, чего хочет.

Вот Муравьев не советовал идти туда, где англичане; то ли дело в Японии, где я чувствовал себя свободно, там без осуждающих нас западных европейцев действовал от души, с чистым сердцем.

— Смелый он человек, пойдет с несколькими тысячами на Кантон и на весь Китай, — говорил Путятин, возвращаясь с пристани с Николаем Матвеевичем, когда английские канонерки ушли.

— Китайцы, если захотят, могут собрать в Гуаньдуне и противопоставить ему армию в триста тысяч, но они войны не хотят.

Путятин старался уверить себя, что он остался тверд при переговорах с Элгином, действовал независимо. А Элгин так благодарил... за что бы? Может, ему кажется, что настоял на своем, доказал свою правоту, уверил меня, добился моего согласия. Может быть, и впрямь, сам того не ведая, я поддался и попал впросак.

— Когда вы, Николай Матвеевич, успели сойтись с молодым Вунгом? — спросил Путятин. Он заметил, как любезно Чихачев попрощался с китайцем у трапа.

— Нашли с кем откровенничать! Вы будьте осторожны с Вунгом. Это человек молодой, образованный, вышко-

ленный англичанами, который знает, что говорит и что делает. Не усматривайте в нем союзника. Это вам не лавочник на Амуре, который возит на продажу ханьшин и спаивает гиляков, не судите о нем по вашим малограмотным торгашам-приятелям.

Чихачев сказал, что Вунг говорил с ним о Мингах.

— Да? Так это они сами же тут и состряпали! Значит, по Кантону, дорогой мой, пущен слух о намерении Англии восстановить на троне династию китайского происхождения... Китайцы есть разные. Найдутся такие, что подхватят и понесут во все концы.

Глава 5

ТОСКА ПО ДОМУ

«Я желал бы вам обрести крылья и прилететь ко мне, хотя бы на несколько часов, — писал своей жене сэр Джеймс, — мы могли бы бродить по этим огромным апартаментам... Могли бы выйти на террасу, которая, как висячие сады древних, окружает здание, и прогуляться по ней, как по тропинке в первобытном тропическом лесу, рассаженном моим предшественником не слишком узкой полосой и обнесенном высокой защитной стеной, охраняемой часовыми. Утром я мог бы показать вам вид на гавань Гонконга, которая как цветочная гряда в сплошной массе флагов всех наций мира. Кроме европейских и американских судов, стоит более трехсот китайских джонок. Все они считаются принадлежащими торговцам и вооружены артиллерийскими орудиями от двух до десяти, как считается — для защиты от пиратов, которых в этих морях множество. Но, по крайней мере, треть этих кораблей принадлежит самим пиратам. Все туземные суда с росписями на бортах, изображающими глаза рыб или пасти драконов. На их мачтах полощется множество цветных значков, нечто вроде вымпелов».

Сухопутная резиденция Элгина, бывшая штаб-квартира генерала, отбывшего в Индию, настоящая цитадель, твердыня. Чем спокойней и уверенней чувствуешь себя в больших комнатах резиденции, напоминающей замок, тем тревожней на душе и тем сильней охватывает тоска по дому.

В Лондоне сейчас суета. На улицах тесно от экипажей.

В церквах полно народу. Из Вестминстерского собора после службы долго движется густая черная толпа, так что кажется ей нет конца, и невероятно, как могло поместиться такое множество народа. А собор все льет и льет черные потоки людей, заполняя окрестные улицы.

В магазинах расхватываются новинки мод для взрослых и детей, раскупаются игрушки, фрукты и лакомства. Дома все подготавливают друг другу подарки, пишут стихи. Вспоминают об отце, читают его письма и целуют его красные с золотом китайские поздравительные картинки с родительскими благословениями. В комнатах много живой зелени, цветов и огней. Это бывает тем приятнее, когда на улице падает снег. Открываются большие коробки из магазинов детских забав. Скоро на елках зажгутся разноцветные свечи, на детских праздниках вспыхнут фейерверки и бенгальские огни.

Джеймс послал жене наборы фарфора, лака, шелка и небольшой берилл в ажурном золоте, подобие камня из коллекции жены императора, а детям ящички с китайскими конфетами, с новогодними хлопушками. Дома на елке будет настоящий Китай.

Джеймс сел за большой стол в высокой прохладной комнате у окна с видом на стену со свежей, только что политой, вьющейся зеленью. Вошел Олифант и доложил, что у ворот замка несколько китайцев настоятельно просят, чтобы «басада» * и генерал намбер ван ** поговорил с ними. Объяснили переводчику, что могут говорить только с послом королевы и не хотят иметь дело с китайцем, выступающим от имени англичан. Ищут защиты и справедливости, согласны ждать сколько угодно, уйти не могут. Лучше смерть от голода, чем возвращение и мучительные пытки.

— Сколько их? — спросил Элгин.

— Пять человек. Мне кажется, они просили вчера капитана остановить наш пароход.

Элгин вспомнил, что на переходе из Макао какие-то китайцы, спеша к канонерке, что-то кричали. Матросы готовы были обдать их струей из шланга.

— Пусть их проведут в приемную. Выйдите к ним в сопровождении офицеров и переводчика. Примите жалобу. Вызовите капитана Смита. Когда вы будете разговаривать с ними, я выйду и присоединюсь как частное

* Посол.
** Номер первый.

лицо. Мне интересно знать, в чем дело и что это за люди.

— Бедные простые люди, крестьяне, сэр. Может быть, рыбаки. Они могут быть представителями общин с занятых нами островов.

Олифант встретил китайцев в приемной с колоннадой, похожей на зал для балов и торжеств. Вошли обычные крестьяне, очень смуглые, в косах и синей дабовой одежде, какую носит все трудовое население Поднебесной. Пожилой крестьянин в коленопреклонении подал бумагу Олифанту, которого, видимо, принимал за посла. Все пришедшие опустились на колени. Переводчик, молодой китаец с гладким сытым лицом, чуть полноватый, в шелковой кофте и в белых шелковых штанах, в такой же юбке, принял поданную бумагу, начал читать и вздрогнул испуганно. Он умолк, едва раскрыв рот.

— Что такое? — спросил Олифант.

Китаец смущенно молчал.

— Вызовите капитана Смита! — велел Элгин, выходя из группы окружавших его офицеров.

Быстро вошел Смит. Он выслушал приказание. Шагнул к переводчику и неожиданно высоким голосом что-то резко сказал ему по-китайски. Переводчик испугался и отпрянул, держа жалобу в протянутой руке. Смит сжал оба кулака, взвизгнул еще яростней, лицо его обезобразилось. Он взял бумагу и стал переводить, читая вслух:

— Лист первый... Правления Сан-фян 7-го года. Китайских крестьян просьба. Лист второй: высокому послу королевы и господам высоким властям западного города Гонконга провинции Гуан-дунь кланяемся до земли, прося защиты во имя справедливости...

Случай был из ряда вон выходящий.

— Представьте им меня, — велел посол.

Преступники, на которых жаловались крестьяне, действовали необычайно изобретательно, они так приспособились к новым порядкам, что именем британской королевы успешно обирали население. Воспользовавшись тем, что англичане не касались деревенской жизни, не создавали администрации в селениях на островах, близ которых стояли военные корабли, грамотные преступники из Гонконга сбили шайку и объявили, что ныне вводятся новые английские налоги и что сбор поручен им. Крестьяне были обязаны под страхом пыток и смерти вносить цену доли урожая для британской короны. На одной из заброшенных ферм открыли контору, названную «Чер-

тог мира и патриотизма» или «Британская Королевская контора государственных налогов для счастья и охраны народа». Хлеба стояли зрелые, но никто не смел косить, если не внес в «Чертог мира» стоимости части урожая и не получил квитанции. Для этого, от имени британской короны, по деревням ездят якобы назначенные послом королевы особые люди, облеченные полномочиями конфисковывать имущество, наказывать и даже казнить, если будут непослушания.

Стоило англичанам занять острова, на которых много деревень, как поборы с крестьян прекратились. Никто больше не обязывал их платить в китайскую казну за право работать или ездить в Гонконг торговать. У людей появились микроскопические излишки... Немедленно нашлись мошенники.

— И все это нашим именем, именем их собственных злейших врагов! — не удержался и воскликнул сэр Джеймс.

Он еще раз попросил перечесть жалобу и выслушал устные дополнения пострадавших. Несмотря на весь ужас злодеяний, о которых сообщалось, все вместе это составляло такой курьез, что, когда один из крестьян перечислил ухищрения «Патриотов ради мира и справедливости», все присутствующие расхохотались. Понимая весь комизм своего положения, смеялись и сами крестьяне, а их седой вожак и смеялся, и горько плакал, стоя на коленях.

Крестьяне ушли с офицером. Им велено было ждать.

— Откуда жители островов знают обо мне? — спросил Элгин.

— Какой бы ни был бедный рыбак или земледелец и как бы ни был он темен и суеверен, а каждый интересуется новостями политики и коммерции, ходом морской торговли, способами преследования пиратов и разными другими сведениями, доступными его пониманию. Это воспитано в здешних китайцах самой жизнью. Как крестьян, их всегда занимает вопрос, что делается у царя в Пекине, которому они платят подать, войска которого приходится им кормить... Все они политики своего рода.

Крестьяне усомнились в правдоподобии оснований для сбора с них налогов. Расчетливо и обдуманно решили они добиваться правды. Судя по жалобе, ее составлял опытный адвокат. Крестьянам уже известно, что посол королевы прибыл облеченный полномочиями действовать ми-

лосердно. Они утверждают, что и англичане грабят в деревнях, но что китайские дельцы решили это упорядочить и организовать правильное предприятие, заложив под него прогрессивную идею мира и патриотизма, угрожая всем именем королевы, флагом Великобритании и милосердием посла...

— Мое милосердие! — вскричал Элгин.

Разбор дела поручен Смиту.

— Спешите, капитан. Благодарю вас. Оправдайте надежды простых людей! — сумрачно добавил посол. — Отправляйтесь с ними вместе.

— Но мне сначала надо в портретную.

— Что это за портретная?

— Мастерская, где работают три брата китайца. Один фотографирует, другой раскрашивает фотографии... А третий... Туда сходятся все дороги...

Ультиматум Элгина был составлен. В нем не было угрозы занять Хонан и весьма деликатно упоминалось лишь о том, что Хонан будет удерживаться вооруженными силами Великобритании до тех пор, пока имперский уполномоченный не согласится на все предъявленные требования. Ультиматум обсуждался с сэром Боурингом и с французским послом бароном Гро.

...По возвращении Элгина из Макао события развивались с чрезвычайной быстротой. 1 декабря в Гонконг из Индии прибыл корабль «Аделаида», на нем двадцать офицеров и пятьсот семь рядовых. 4 декабря возвратился «Ассистенс» и доставил сто пятьдесят солдат 59-го полка и триста маринеров, оставленных лордом Элгином «позади». За время их отсутствия только пятьсот «бравых» сохранили вид могущества колонии перед лицом трехсотмиллионного Китая. Е пальцем не пошевелил, чтобы воспользоваться своим преимуществом. Он стих. Блокада реки и прекращение торговли уже не вызвали его враждебных действий. Давно из Кантона не доставляют новые листовки с призывами убивать варваров и с обещаниями за голову каждого платить.

Теперь у Элгина собралось пять тысяч человек. По улицам Гонконга маршировали английские и французские солдаты в синих, красных и голубых мундирах. Целыми днями за городом шли ученья, стреляли из пушек и ружей. Вечерами для рядовых и для команд кораблей

устраивались на берегу праздники, развлечения и угощения. Гремели духовые оркестры.

Элгин снова ходил на корабле в Макао, встречался там с бароном Гро и с Путятиным и опять спорил с Вильямом Ридом, упрекая его в нерешительности и уверяя, что рано или поздно американцы встанут на тот же путь, по которому шли в Китай до выборов нового президента, и что надо действовать сообща.

Барон Гро избрал Макао своей резиденцией и базой флота, его моряки, как верующие католики, могли утолять здесь давно томившую их жажду веры. Команды постоянно съезжают на берег и подолгу бывают в соборах. Макао забит французскими моряками, а в гавани полно французских военных кораблей.

Возвратившись в Гонконг, Элгин снова совещался с сэром Джоном Боурингом. В Кантоне делают вид, что поскольку нет никаких официальных извещений о прибытии нового посла Великобритании, то его и нет на самом деле, и нечего беспокоиться. Конечно, там не могли не знать, как посол пришел, как палили пушки, салютуя ему, как потом ушел он в Индию, как снова вернулся и снова палили пушки, как устраивал он балы после тайфуна, а потом опять ушел в Индию и опять вернулся. Словом, деятельность посла Элгина могла выглядеть в глазах китайцев в самом непривлекательном виде. Е и его советники не могли не объяснить эту неопределенность в поведении нового посла тем, что англичане слабы и трусливы. «Варвары храбры и сильны, — как уже писал Е в листовках, — только на своих дьявольских кораблях». «На суше они бессильны». «В прошлом году им удалось подойти к Кантону, они даже пробили в одном месте стену города и вошли в пролом, но через несколько часов, совершив грабежи, насилия и убийства, трусливо бежали».

Словом пропагандистская команда наемных мудрецов Е сейчас вовсю работает в Кантоне.

— Да, но просто так... — сэр Джон развел руками в воздухе, — посылать ультиматум нельзя, придется соблюсти церемонии.

Речь пошла о вручении Е Минь Женю верительных грамот.

— Мне надоело с ним чин-чин. Я не хочу разводить много пиджин.

— И вы, сэр, заговорили по-кантонски?

Боуринг сказал, что вручение грамот берет на себя, как и полагается.

— В Европе каждая держава имеет своих послов во всех странах. В любой стране, если вы хотите объявить войну, можно вызвать посла другой страны и передать ему ноту с рук на руки. Такое удобство! Приятно вспомнить! Или, при надобности, отправить с чрезвычайными полномочиями своего министра. А кто вы для Е? Он скажет: «Я его не знаю, кто он такой!» Формально вы ему не представлены.

— Да... Он же не пускает меня в Кантон.

— Мы не можем ни единым словом унизить Е Минь Женя, подготавливая военные действия. Мы, сохранив величайшую вежливость, последуем благоразумным путем. Е увидит наше миролюбие.

Элгин не мог не согласиться. Он желал бы не терять времени.

На том расстались. Через несколько минут Боуринг возвратился с расстроенным видом.

— Меня тревожит совесть, — сказал он и уселся в глубокое кресло. У него дергалось лицо, как у нервнобольного. — Я принял участие в судьбе бежавшего в Гонконг писателя Ашунга. Ему грозит виселица. Ашунг задержан, когда передавал секретные сведения для переправки в Кантон известному Ву, которого мы знаем под именем Хоква.

Элгин знал, что Хоква возглавляет кантонскую корпорацию компрадоров. Он частный доверенный Е.

— Мне было сказано, что мы не казним китайских уголовных преступников, а, не пачкая рук, передаем их в Кантон.

— Да, в этом с Е у нас полное согласие. Уголовных преступников-китайцев мы сами не казним. В Кантоне казни исполняют охотно и привычно. У них нет понятия, что честный человек может эмигрировать из убеждений. Они не верят в убеждения, но верят в выгоды и мошенничество.

— В случае с Ашунгом такое наказание означало бы пустить рыбу в воду.

— Он под арестом и ему грозит виселица. Я питал большие надежды на него, предполагал, что из Ашунга получится китайский Герцен, и мы предоставили ему политическое убежище, зная его сочинения, в которых он разжигал ненависть против иностранцев, вторгающихся

в Китай, в том числе и против нас. Мне показалось, что это первые шаги к обновлению ветхой архаической литературы. У Ашунга замечались зачатки новых идей. Он горячо ратовал за возрождение Китая. Я предоставил ему все возможности, хотя правило не кормить эмигрантов нами соблюдалось. О его благополучии позаботилась корпорация гонконгских компрадоров. Но вместо того, чтобы стать китайским мыслителем в эмиграции, он, в конце концов, стал шпионом Е, своего же врага.

— Да, я слышал.

— Китайцы охотно эмигрируют ради заработка, — с сожалением сказал Боуринг, — но еще не готовы, чтобы стать нигилистами.

— Вы хотите отправить Ашунга в Кантон с верительными грамотами?

— Мы возвратим Ашунга тому, кто стал его хозяином. Общественное мнение кантонских китайцев пустится в домыслы. Они склонны к размышлениям и рассматривают разные явления с разных сторон. Ашунга надо отправить с честью и помпой.

— А если Е казнит мыслителя?

Между тем Смит уже прибыл по вызову. Ему все объяснили.

Брюс и Лоуренс Олифант внесли экземпляры ультиматума. Документ, предназначенный для отправки в Кантон, был развернут перед послом. На толстой китайской бумаге высшего сорта, похожей на шелковую ткань, каллиграфически написаны столбцы иероглифов. Свиток ультиматума будет положен в круглый футляр со шнурками и золотыми кистями и переправлен адмиралу на эскадру для передачи в Кантон на имя Е.

Боуринг сказал, что верительные грамоты, рекомендующие как чрезвычайных послов и полномочных министров графа Элгина и барона Гро, будут готовы к утру следующего дня.

Смит пришел в тюрьму при гарнизоне. В камере сидели на корточках трое китайцев, играя в кости.

— Morning, мистер Ашунг, — обратился к одному из них Смит. — Come with me! *

Нестарый серьезный китаец хорошего сложения, с короткими английскими усиками, обвел глазами камеру и своих товарищей по несчастью, словно прощаясь. Этот джентльмен и писатель сидел с простолюдинами и нашел

* Доброе утро. Идемте со мною.

с ними общий язык. С часу на час он ожидал суда и немедленного исполнения приговора.

— Вы больше не вернетесь в эту камеру, — подтвердил Смит, догадываясь о его состоянии и подбавляя масла в огонь, как это умеют делать люди его профессии.

Капитан и шпион вышли из тюрьмы и прошли по аллее в штаб-квартиру посла. В отдельной комнате, где не было никаких картин и лишних предметов, Смит объяснил Ашунгу суть поручения, которое на него возлагается. Как известный человек пера и персона высокого интеллектуализма, а также как шпион китайского правительства, которому Е Минь Жень не может не верить, он должен отправляться в Кантон и явиться в ямынь с дипломатическим поручением, чтобы лично в руки вице-короля вручить верительные грамоты западных послов в Китае, в виде писем сэра Джона Боуринга.

Вместо виселицы! Освобождение и почетная должность! Кстати, Е должен немалые деньги Ашунгу. Возбуждая читателей против иностранцев своими сочинениями, Ашунг всегда признавал достоинства британских политиков. Постоянные подозрения, что собственное правительство отрежет ему голову, не покидало его и при известии о предоставлении свободы.

Когда-то, живя в Гуандуне, молодой Ашунг написал трактат против англичан. Поскольку он касался в нем государственных вопросов без разрешения власти и без согласования с руководством, чиновники, узнав, чем занимается Ашунг, испугались за себя и вознамерились отобрать его бумаги и, конечно, срубили бы автору голову. Дело ясное, даже патриотические литературные сочинения не должны касаться важных аспектов политики и обнаруживать самостоятельность мышления. Благоразумные доводы в защиту собственного государства и народа, до которых не додумались высшие лица провинции, как и персоны в самом пекинском правительстве, являются дерзким и грубым разоблачением их неспособности заниматься делом, у которого они стоят, ради которого им все сходит с рук и разрешается глупеть.

У Ашунга были друзья, в том числе в ямыне. Он вовремя был предупрежден, сжег бумаги, а сам бежал в Гонконг, где заново начал свой трактат против англичан, располагая теперь множеством фактов, до того неизвестных ему. Англичане вызывали в нем чувство благодарности тем, что они не вмешивались в его жизнь. Ашунг

установил самые широкие знакомства с китайцами и европейцами и не проявлял никакого намерения совать нос не в свое дело. Так он начал свой трактат заново со всей силой нового гнева против извечных противников. Как счастлив китаец, когда он может рассуждать о своей стране! Китай велик не только размерами, но и силой своих умов и общительностью граждан. Каждый найдет себе в таком великом народе единомышленников.

Богатые меценаты помогали Ашунгу в Гонконге. Писатель жил под охраной британского флага и коммерции. Он стал писать стихи и поэмы. Он изучил английский язык и пытался писать в европейском стиле. К нему приходили соотечественники и просили его в красивых выражениях составить для них письма к родителям в Китай. Так он жил в Гонконге, все более прославляясь.

Но уж такова судьба каждого в изгнании! Постепенно Ашунг втянулся в переписку сначала со своими друзьями, а потом как-то неожиданно и приятно был признан самим китайским правительством и даже кантонским вице-губернатором. Англичане спасли Ашунга от гибели, но кормить его действительно не могли. Еда для иностранцев у них на особом учете. Письма, которые составлял Ашунг, содержали не только слова любви к родителям, но и шпионские сведения. Если так случалось, то за работу ему платили дороже. Потом все выяснилось и пошло как по маслу. Ашунг сам стал писать в Заднюю Приемную ямыня. Англичане вскоре узнали, но некоторое время мирились с положением, как они всегда это делают, не желая подавлять интеллектуализм. Но когда началась подготовка к войне, то пришлось шутки отбросить в сторону. Смит поймал Ашунга при передаче письма, посадил в крепость, показал ему копии доносов, отправленных им в кантонский ямынь, виселица была обещана, а теперь так же быстро судьба писателя переменилась. Теперь он исполняет поручения шпиона шпионов Смита? Или это почетная обязанность гуманиста, одного из самых уважаемых в китайской общине Гонконга?

А когда он выходил из камеры, то осведомился, стараясь сохранить спокойствие, нужно ли взять с собой некоторые вещи. Смит ответил, что нет надобности. «На вас будет надета совсем другая одежда». После этого у Ашунга нашлось достаточно воли, чтобы как ни в чем не бывало идти по аллее в штаб.

Элгин и Боуринг решили, что Ашунг пойдет на канонерке «Дрейк». Письма, свидетельствующие личности, положения и титулы графа Элгина и барона Гро, были приготовлены. На той же канонерке посылались листовки на китайском языке для передачи командующему эскадрой.

Объявления китайских фирм на китайском языке занимают за последние годы целые полосы в британских газетах Гонконга и дают огромный доход владельцам. В типографии «Чайна стар» отпечатаны листовки, предупреждающие население о том, что остров Хонан на днях будет занят английскими войсками, которые прибывают с самыми миролюбивыми целями. И все прочее, как всегда в таких случаях. Что имущество населения останется в неприкосновенности, придут друзья и покровители, торговля будет продолжаться и тем, кто работает на другой стороне реки в Кантоне, можно будет, как и прежде, ездить с острова Хонан.

Небольшой печатный станок уже отправлен на эскадру и установлен на линейном корабле адмирала Сеймура. Там имеется китайский наборщик и ящики со шрифтом. На канонерке «Дрейк» идет в распоряжение адмирала для составления новых листовок, когда это потребуется, Эдуард Вунг. Он может быть не только переводчиком, но и прекрасным автором и редактором текстов, он знает, как вежливо и благоразумно обратиться к китайскому населению, чтобы простые люди, прочитав обращение британского командования, вздрогнули от значительности новостей, испытав смешанные чувства, и удержались бы от сопротивления парням с дьявольских кораблей, когда те явятся со своими мирными намерениями.

Ашунг был переодет в новое китайское платье, снабжен деньгами, с верительными грамотами в футлярах отправился в Кантон.

Через два дня после вручения грамот из-за острова, напротив западной окраины Кантона, вышел маленький пароход под флагом мира. Он двигался вниз по реке мимо стен Кантона в сопровождении французской канонерки «Дракон», державшейся на небольшом расстоянии.

Как было заранее условлено, с десяти часов утра мандаринская джонка, стоя среди реки на якоре, ожидала. Пароход приостановился, и джонке предложили приблизиться. Китайские матросы взялись за тяжелые весла

и, стоя, падая на них грудью, толчками погнали свое расписанное драконами судно с мандарином.

Белый флаг of truce*, пушки на стенах Кантона и пушки на французской канонерке охраняли миролюбивую встречу.

Переводчики Маркес и Вейд перешли на джонку.

Желающих присутствовать при передаче ультиматума нашлось довольно много: командир канонерки капитан Байт, командир «Дракона» — Банг, представитель посла господин Дюжен де Белькор, французские и английские офицеры.

Официальная передача документов поручена переводчикам Вейду и Маркесу. Все уселись. Подали чай.

— Я вас давно не видел, Ашунг, — сказал Маркес, — о чем вы сейчас пишете?

— Сейчас я временно прерываю литературную работу. Его превосходительство генерал-губернатор Е Минь Жень возлагает на меня наблюдение за постройкой правительственного здания европейского образца, которое превратит Кантон в современный западный город.

— Как были приняты верительные грамоты?

— О-о! — Ашунг заметил, что ответ даст мандарин пятого класса, уполномоченный принять письма графа Элгина и барона Гро.

Мандарин, в меру толстоватый молодой человек, сказал, что верительные грамоты приняты и граф Элгин и барон Гро признаны как послы Англии и Франции, но не во всем Китае, а лишь в Кантоне.

Капитан джонки потихоньку сообщил Маркесу, что прибывший на его судне мандарин действительно является чиновником пятого класса, что соответствует чину капитана британского флота.

Ультиматумы были переданы. Ашунг на прощание обмолвился со вздохом, что английскому капитану Байту и французскому Бангу не были оказаны достаточные почести, с ними обошлись вежливо и почтительно, но не как с равными, а как с низшими. Оказаны степени вежливости, недостаточные для приема чиновника равного ранга. Китаец был бы оскорблен.

Все уже простились дружески и перешли на пароход, его колеса и винт канонерки заработали, а китайские матросы, наваливаясь на весла грудью, погнали разукрашенную джонку мандарина к стене Кантона.

---

* Флаг перемирия.

Глава 6

УЛЬТИМАТУМ

Опять Элгин на корабле. Колесный пароход «Фьюриос», с небольшой осадкой, пригодный для прохода по рекам, только что после ремонта. На этот раз для посла постарались: каюта приготовлена из трех отделений, большая, удобная и обставлена со вкусом. Много цветов, как на двухэтажном китайском плашкоуте. Цветы в кадках разной формы. Качки на реках не предвидится. Элгин признается, что охотно перенимает китайские привычки и понемногу сам становится китайцем. Можно понять Майкла Сеймура. Он тоже свыкся здесь за полтора года. В колонии время идет медленно, и кажется, что живешь тут давно. Сеймур не дает балов на корабле и не ищет общества.

На «Фьюриос» погрузились спутники и сподвижники посла, все, кто мог ему понадобиться и должен быть под рукой. Все заняты, готовятся к самым серьезным событиям, которые когда-либо начинались в этих морях. Все должно быть предусмотрено, проведено и обдумано.

Приближалось Рождество. За минувший год Элгин много плавал и подолгу бывал в одиночестве. У него было время подумать, и он всегда думал о том, что и как предстоит исполнить. И он в конце концов придумал, хотя планы несколько раз исправлялись и каждый раз обдумывались заново. Элгин все же решил то, что ему необходимо. Он составил в уме схему предстоящих дипломатических действий.

Его ультиматум, отправленный в Кантон губернатору Е, выражал лишь небольшую часть намерений, которые наготове. Требования предъявлены скромные, это подчеркивалось. Но в эту скромность завернута была острая бритва или, может быть, шило, которое Е должен был нащупать и почувствовать, что ему грозит, чем это пахнет и что ему сулит близкое будущее. Открывать сразу все карты Элгин не намеревался ни в обращении к своему противнику, ни при обсуждениях предстоящих действий со своими сподвижниками и спутниками. Единственный, кто знал про все замыслы, — родной брат Джеймса, сопровождающий его, как дипломатический советник Фредерик Брюс. Адмирал Сеймур знает лишь то, что написано в ультиматуме, который отправлен в

Кантон. Сеймур недоволен всем, что происходит и как составлена диспозиция предстоящих военных действий флота. Он командующий эскадрой, но не брат, и поэтому в подробности не посвящен.

Обмен новостями между Гонконгом и Кантоном происходит непрерывно, с удивительной быстротой. Все становится известно у китайцев прежде, чем на паровых судах проходят официальные сообщения. Содержание листовок, с призывами к населению островов, стало известно в Гонконге в день раздачи их на Хонане, за несколько десятков миль. Среди кантонских китайцев широко распространился слух, что адмирал Майкл Сеймур, который командовал прошлогодним сражением у стен Кантона, ныне якобы сменен. Вместо него командовать будет приехавший генерал. Эти слухи были так назойливы, что даже ко всему привычный адмирал покинул свою эскадру и решил доказать обратное. Стоя на палубе канонерки, рядом с генералом Штубензее, он прошел под стенами города, где его все знали, и множество зрителей имело возможность убедиться, что циркулирующие слухи ложны. Сеймур, кажется, неприятен китайцам. До некоторой степени он неприятен Элгину. Но долг превыше всего, и они оба готовятся к предстоящим действиям, сохраняя вид согласия. Сеймур лишь не посвящен в сокровенные тайны.

У Элгина опять есть время подумать о том, что было и что будет, в то время, как весь его штаб, идущий на корабле «Фьюриос», занят делом. Посланный в Кантон ультиматум готовился Элгином долго и был тщательно продуман.

«Нижеподписавшийся имеет честь известить имперского уполномоченного Е, губернатора двух Гуаней и пр., что он послал письма доверия, рекомендующие его как чрезвычайного посла Ее Величества королевы Великобритании, посланного для переговоров к императору Китая, и далее, что он уполномочен вести переговоры от имени Ее Величества и облечен полной силой и доверием, что подтверждается личной подписью королевы и большой государственной печатью. Он уполномочен вести переговоры с министром или министрами, которые были бы наделены такой же силой полномочий и власти Е. В. И. Китая, для подписания договоров, конвенций или соглашений с тем, чтобы избежать в будущем непо-

нимания и недоразумений и способствовать развитию торговых отношений между двумя странами».

«Правительство Е. И. В. королевы Великобритании, назначая это посольство, было воодушевлено лучшими чувствами доброй воли к китайскому народу и правительству... С удовлетворением наблюдались счастливые результаты увеличения удобств и развития коммерческих отношений между Великобританией и Китаем, обеспеченных договором 1842 года. Трудолюбивые подданные Е. В. императора Китая получают всевозрастающий возврат выгод за свои товары. Одновременно поступающие в таможню государственные сборы увеличивают богатство китайской империи. Чувство взаимной оценки между китайским народом и иностранцами несомненно. Словом, во всех портах, открытых для иностранной торговли, с сопутствующими ей развитиями коммерческих отношений, происходит процесс, способствующий национальному процветанию Китая».

«У этой благоприятной картины есть одно прискорбное исключение. Повторяющиеся оскорбления иностранцев и отказы честно выполнять условия подписанного договора властями провинции Гуандунь, часто за период, о котором идет речь, ввергают в опасность дружественные отношения Китая с договорными державами — Великобританией, Францией и Америкой, которые были принуждены искать угрозами или применением силы восстановления справедливости. Все это продолжалось до тех пор, пока не было нанесено оскорбление британскому флагу, с последующим отказом гарантировать возмещение убытков в целях полюбовного примирения, и при этом произвести встречу представителей обеих стран внутри города Кантона, чтобы показать весь эффект дружественного примирения. Все это принудило офицеров, на обязанности которых было защищать британские интересы, применить насилие против Кантона, так как действия китайских властей, вызывающие все это, несовместимы с гуманностью и правилами ведения войны, принятыми у цивилизованных наций. Пожары и убийства, совершаемые по приказу властей Кантона, вызывали ответные действия возмездия».

«Нижеподписавшийся вправе напомнить китайскому представителю, что правительство Е. В. королевы Великобритании, стремясь закончить положение дел, ведущих к плачевным результатам, не ограничивает свои

представления, адресуя их лишь местным властям Кантона. В 1819 году виконт Пальмерстон, Е.В. секретарь по иностранным делам, предупредил правительство Пекина о последствиях, которые явятся от невыполнения условий договора. Он писал: «Если китайское правительство удовлетворяется таким положением, то все, что может случиться в будущем между двумя странами и станет неприятным для Китая, ляжет ответственностью на китайское правительство... Пусть китайское правительство помнит, что вина ляжет на него». И снова в 1854 году сэр Джон Боуринг настаивал перед представителями, посланными для переговоров с ним из Пекина к устью реки Пейхо, о гарантиях английским подданным допуска в Кантон. Но эти представления в духе гуманности были не приняты во внимание, и результаты доказывают, что сдержанность английского правительства была неправильно понята. В заключение необходимо сказать, что время увещеваний прошло и что Великобритания не одинока. Неуважение к договорным обязательствам и упорный отказ устранить препятствие обязывает британские власти прибегнуть к оружию. Поступки китайских властей возбудили негодование императора Франции правительством Китая. Правительства Англии и Франции объединены в решимости искать энергичными решительными действиями репараций за убытки в прошлом и добиваться безопасности на будущее».

Элгин поделился своими сокровенными намерениями с Путятиным при последнем посещении Макао, когда знакомил его с подготовленным к отсылке в Кантон ультиматумом. Он поделился с одним лишь Путятиным, о котором был высокого мнения. Евфимий Васильевич почему-то некстати ответил, что в Макао был иезуитский монастырь, собор и школа, и все сгорело. Что он хотел сказать? Может, это была крайняя степень честности. Путятина, с его скромными претензиями, Элгин желал бы иметь союзником. Он и его люди производили хорошее впечатление, глядя на адмирала, на его офицеров и команду всегда здоровых матросов «Америки», верилось, что на Россию можно положиться, как на каменную стену.

Элгин скромен в требованиях, которые он предъявлял. Казалось бы, так. Настаивал на допуске в Кантон. На переговорах с китайским представителем, который

был бы уполномочен для этого императором Поднебесной. Чего, казалось бы, скромнее и проще.

Цель Элгина — получить право держать представительства западных держав в Пекине. Право передвижения по всему Китаю. Право торговли. Но об этом рано говорить в первом ультиматуме. Если Е согласится вести переговоры в застенном Кантоне и запросит у Пекина полномочия на это, то там-то, при выработке нового трактата, предъявлено будет требование о допуске в Пекин. Это будет означать ломку всей политики консервативного китайского правительства и начало новой эры в отношении страны со всем миром. Тут уже трудно будет отпереться, когда уступки сделаны, допуск в Кантон иностранцами получен. При подобных переговорах можно будет говорить со всей силой и требовательностью.

Но к скромным и вежливым настояниям, изложенным в ультиматуме, добавлено еще одно, незначительное на вид, ценой в пенни, копеечное, которое, однако, одним упоминанием подействует на Е и раздразнит его, как испанского быка красное. Написано, что Англия требует возмещения всех убытков, понесенных подданными ее величества, а также теми, кто пользуется покровительством Великобритании. Вот этот малый последний пункт о тех, «кто пользуется покровительством», как наживка на крючке для рыбы. Е вспыхнет и, проявляя вежливость, начнет развивать свой гнев в форме деликатного протеста, за которым также, как шило, почувствуется скрытая острота ненависти. Как бы то ни было, но Элгин прекрасно понимает, что тут все можно решить лишь войной. Он и намерен воевать, но все готово к этому не зря. Конечно, лучше бы обойтись без войны, если вдруг Е уступит, что не в его характере и чего вообще невозможно ожидать от китайцев, пока им не нанесешь сокрушительный удар. Мирное решение дела было бы приятно парламенту... Поводы для войны окончательно даст сам Е Минь Жень. Вежливый и чуть ли не почтительный ультиматум оставляет для этого удобную возможность.

«Нижеподписавшийся при этих обстоятельствах должен заявить, что его долг отчетливо представить Имперскому Представителю, что он не может взять на себя ответственность задержания развития враждебных операций против Кантона, пока требования британского

правительства не будут безусловно и совершенно приняты, включая свободный доступ британских подданных в город и компенсации... британским подданным... и лицам, пользующимся протекцией.... эти скромные требования, а также и те, какие император Франции через его высокого представителя благоизволит представить, должны быть приняты за десять дней, начиная с сегодняшнего двенадцатого декабря, тогда блокада реки будет снята и коммерческое движение на реке возобновлено».

Элгин не хотел резкостей, неприлично в документе напоминать о грозном акте агрессии. Пусть этот упрямый губернатор получит то, что заслуживает, то, чем он сам занимается, к чему он привычен... О занятии Хонана, как и предполагалось, ни слова, словно остров давно занят нами.

«Но английские войска, в соединении с французскими силами, будут удерживать Хонан и все форты на реке в качестве гарантии до тех пор, пока условия договора не будут подписаны и все другие вопросы между правительством Великобритании и Китая не будут приведены к согласию, чтобы между нижеподписавшимся и представителем, равным ему по рангу, назначенным императором Китая для переговоров, которые согласятся... не будет ратифицирован суверенами... Напротив, если имперский комиссар встретит эти требования отказом или под уклончивым предлогом... то нижеподписавшийся будет обязан исполнить свой тяжкий и болезненный долг и передать дело в руки морского и военного командования и приказать им произвести с новыми силами и рвением... против Кантона, сохраняя за собой право в этом случае на последующие дополнительные требования к Китаю в той мере, в какой измененные условия это требуют и могут показаться, на их взгляд, справедливыми». «Нижеподписавшийся... и пр., Элгин и Канкардин». Чего ясней!

Как же все это принял и что почувствовал мудрый и великий государственный деятель, а на досуге некроман, Е Минь Жень?

Сведения об этом, конечно, были запрошены людьми Смита из Задней Приемной ямыня. Но их опередил быстрый ответ самого Е. Посол получил его четырнадцатого декабря.

* * *

Чиновники, в своих красивых слегка постеженных халатах, по случаю зимнего сезона, стояли перед губернатором, запоминая, что он говорит. Никто и ничего не записывал, но все запоминалось до единого слова.

Е — второй человек в империи, поэтому он завел у себя в ямыне высочайшие капризы. Есть в Поднебесной особые чиновники, которые могут быть названы запоминающими устройствами, людьми совершенной памяти, по сложности своих голов превосходящими паровые машины дьявольских кораблей.

Эти чиновники запоминают все сказанное губернатором Е до единого слова. Такой штат при ямыне в Кантоне существует по примеру дворца Сына Неба.

Выслушав губернатора, каждый из этих чиновников, удалившись, все записывал на память. Потом тексты сверялись. Старший чиновник окончательно все сверял и к назначенному времени представлял Е. Все, как всегда, исполнено добросовестно, но на этот раз Е Минь Жень не сразу подпишет документ.

Приемы варварской дипломатии очень грубы. Это доказывает неразвитость рыжих дьяволов.

Доступ иностранцев в Кантон невозможен. Не только потому, что застенный город имеет значение патриотической священной гордости и что это символ недоступной чистоты и национальной тайны. У Кантона есть романтический оттенок любимого сундука со старой рухлядью времен утех молодости. В нем масса фабрик и мастерских, банков и магазинов. Кроме того, там, вперемежку с роскошью и государственными сокровищами, содержится всякая дрянь, вроде тюрьмы, где крысы съедают особо опасных связанных преступников, и где, кроме этого, много всякой всячины, чего не надо показывать никому, даже самым дружественным торговым представителям из других стран, а упразднить невозможно. Будет недопустимая ломка традиций. Потребуется согласие Пекина. А там скажут: если упразднять, то во всем Китае, а не в одном Кантоне. На решение понадобится много лет. Отказаться от торговли с европейцами также нельзя. Она продолжается столетиями. Обогащает корпорации купцов, дает заработок фабрикам и народу, немалая часть доходов попадает в карман Е и в сокровищницу государственных драгоценностей.

В крысиной тюрьме муки узников устрашают народ.

Уничтожить это нельзя в государстве воров и нищих, иначе не запугаешь население. Элгин пусть видит лишь трудолюбивое население на полях и на фабриках Китая. Из-за традиций нельзя пускать никого и никуда. Народ вполне свободный в Китае, все ездят на базар. Неуступчивость — самое великое достоинство сильной, уважающей себя державы, которая издревле именуется Срединной, так как находится в самой середине мира и служит примером всему человечеству. Как бы вы нас ни уверяли в обратном, а вы с нами ничего не сделаете! В этом суть величья и созданного на веки благоустройства. От пальбы варваров по городкам и деревням страдают и гибнут китайские люди. Но не власть. В стране все остается по-прежнему. Власть крепка. Это доказано при рубке голов тайпинов. У нас людей много. Е сторонник строгих порядков, в этом он настоящий и надежный китаец, полная противоположность Вунгу, который исправно присылает ему деньги, а сам помогает варварам одевать наемные войска из самих же китайцев. Император Франции прислал 900 человек завоевывать Китай. Его солдатам придется нелегко. Вера Е в кантонские стены священна, как вера Франции в 900 пехотинцев с далеко стреляющими ружьями.

В письме Элгин старается быть цивилизованным человеком. Но приемы его очень грубые. Так не составляются бумаги лицами высокого положения.

Чиновники Е, записывающие со слов своего губернатора, не являются секретарями, как чиновники Элгина. Они любят свое начальство, каждое его слово ценят на вес мексиканского серебра. Может быть, они перепутали что-нибудь? По сведениям, поступающим из Гонконга, от свидетелей разговоров в мастерской художника и у парикмахеров, сообщается, что посол королевы очень спокоен, но его невозможно остановить.

Е в своем ответе советует послу королевы не отправлять своих солдат на Хонан, потому что жить там в плохих домах им будет неудобно; имеются купеческие склады и лачуги бедноты, а хороших бараков, в которых можно сытно пообедать и выспаться, не имеется. Кроме того, упомянуто, что население там очень свирепо и приведены исторические примеры, когда, как это подразумевается, качества эти выражались жестокостями. Это о прошлом. Казалось бы, неопасно для Элгина. Никакого требования не предъявлено, нет официального настояния

не занимать Хонан. Было бы невежливо просить о том, чем пока не угрожают и о чем не советуются. Посол в своем письме не сообщает, что займет Хонан. Он только объясняет, что занятый Хонан будет удерживаться до капитуляции Пекина. Поэтому в ответе Е нет требования не брать Хонан. Но, по сути дела, составлено очень грозное возражение. Поймет каждый умный человек; совершится резня, и всех варваров уничтожит не власть, а сам народ. Это и есть ответное требование. «И тут же китайская улыбка», — скажет Элгин. Это может его взбесить? Нет, это смягчает. Элгин сам знал, какое место больное и как его задеть, когда сочинял письмо и при этом сам же его писал, и секретари сидели и писали, может быть, даже при нем, хотя посол как лицо доверия, что подтверждается на его полномочиях большой государственной печатью от имени королевы, хочет жить с Китаем в мире.

Вопреки обычаю Е, досыта накормленный шпионскими сведениями из Гонконга, сам уже втайне от окружающих, давно стал европейцем и перенял многие варварские, но удобные и приятные привычки. Поэтому он сел за стол, выгнал всех чиновников, сам взял кисть и тушь и занялся правкой документа. Все выверил, кое-что дописал, что-то и вычеркнул, что-то пояснее затуманил, чтобы не дразнить собак. Бумага шла к западным людям, к варварам, и тут шутить нельзя. Все незыблемое достоинство Китая оберегается. Е сам знает, что вокруг него, как и вокруг Небесного Владыки в Пекине, много глупых людей, что все их понятия отжили, все надо давно менять. Е прекрасно все знал, он изучал, интересовался тем, что делается на свете. Он же приставлен для этого. Но если он объявит о перемене своих убеждений и о приверженности новым, идущим из Гонконга в Китай, понятиям, то ему свои же срубят голову, как политически отсталому и коварному предателю... Лучше гибнуть от врага, чем от своих. Китаец в мандаринском ранге по натуре верный человек, как фазаний петух. Свою горячую приверженность новизне и европеизму Е, в пределах допустимого, выразил, приступив в Кантоне к постройке здания западного типа для местного провинциального правительства. И подтвердил это, пошел еще дальше по пути обновления Китая, назначив проверенного шпиона начальником строительства, который является символом новой жизни.

Е толст, неподвижен, он будет соблюдать китайскую

важность и неподвижность имперской величественности до самого последнего момента. Но, когда посол, как он обещает, начнет восстанавливать варварскую справедливость, это значит, что Сеймур примется лупить из пушек по ямыню, и последняя бомба, которая пощадит Е, докажет, что дальнейшее терпение не приносит плодов, губернатор, как рыжий «фулоо», начнет драпать, пустившись во всю прыть так, что его никто не догонит; поступит без предрассудков, чисто по-европейски, как они умеют, кидаясь на своих длинных ногах на врага, как рыси, и быстро, как волки, исчезают, когда опасность очевидна и другой надежды спастись нет. Конечно, такие же правила существуют и в китайской стратегии. В одной из книг по военному обучению командующих содержится 20 правил ведения войны. В том числе есть рекомендация для полководца поспешно спасаться бегством, если положение оказывается безвыходным.

Е доказал свое бесстрашие. За свою жизнь он перерубил много голов преступникам и тайпинам ради порядка и неприкосновенности священного сундука императора Поднебесной. Он будет поступать по обстоятельствам.

Изучив, а также исправив текст своего письма к послу королевы, вызвал чиновников, как будто они варварские секретари, сделал указание, велел все переписать, и документ с необычайной быстротой был доставлен на эскадру к Сеймуру, старому знакомцу Е и его чиновников по тем дракам, которые не раз с ними происходили. При этом было убито и ранено множество людей, сгорели дома, но сам Е, как и Сеймур, оставались невредимы и улыбались как после горячей игры, при этом побежденных не было, а каждый чувствовал себя победителем.

Элгин, получив 14 декабря в своем замке в Гонконге письмо Е, сразу ясно понял, что автор этой конфуцианской эпистолы намеревался сказать. Он без труда расшифровал, что вице-король не предъявляет к нему никаких требований, что он крайне вежлив и так же скромен в своих возражениях, как сам Элгин в своем ультиматуме. Очевидно, что Е не предъявлял требований, но также очевидно, что если не будут приняты во внимание его дружеские предостережения, то ножи будут приставлены к горлу, а все двери по-прежнему окажутся наглухо закрытыми, как и ворота там, где есть стена. Это любезное послание испещрено ненавистью, которая проступает сквозь туманы. Конечно, Е надо отдать справедливость,

он не боится смерти! Элгин также давно себя приучил к мысли о неизбежности ее! И он идет на риск, туда, где опасность грозит его жизни. Он может быть убит под стеной Кантона.

«Е, императорский уполномоченный, генерал-губернатор двух Гуаней, вступая в коммуникацию, отвечает. 12 настоящего я получил письмо от посла, высланное в этот же день и высоко удовлетворен, что ваше превосходительство направлен с полномочиями в Кантон».

«На основании договоров коммерческие отношения успешно развиваются... Но в письме... упоминается... что эта приятная картина имеет одно исключение. В течение столетия ваша нация вела торговлю с одним Кантоном, а в 4-х других портах ничего подобного не происходило. Они открыты по договорам 42-го и 44-го года».

Первый щелчок по носу, по образцу тех, которые испытал Путятин. Е опровергает важный довод Элгина, что договора не соблюдаются...

«Кантон действительно... проложил свой путь в торговле... давно учрежденной, и этим разнится от других портов характером отношений... но коммерческие взаимосвязи и принципы всюду одинаковые... Не было здесь или где-либо еще оскорблений иностранцев... О допуске в Кантон, в марте 1847 года уполномоченный королевы, присланный Девис на этом настаивал, чтобы Кантон был открыт для иностранцев, назначил срок в два года, но из-за жалоб на него иностранных купцов он сам был через год отозван».

Поэтому требование Девиса оказалось несостоятельным, похоже, что так...

«...был заменен уполномоченным Бохемом впоследствии... который прибыл в Гуандунь... и происходила длительная переписка между ним и ныне находящимся в отставке уполномоченным и губернатором Сью... Споры о допуске в Кантон наконец были отброшены, и... уполномоченный Бохем выпустил... от имени правительственной конторы в Гонконге, что... губернатор не разрешает иностранцам входить в город Кантон. На это я сам, Е, представитель его величества императора Китая, сообщил в Пекин в памятной записке, что англичане окончательно отбросили вопрос о допуске в Кантон, и имел честь в ответ получить следующий императорский декрет...»

Вот что тут дальше начинается, Элгин не сразу может сообразить. Текст декрета:

«Стены городов, существующие для защиты населения, в случае если события заставят их развалиться, должны быть предусмотрены в лучшем виде. Руководствуйтесь этим. По сведениям из авторитетных английских газет за 1850 год, известно существование высочайшего письма английской королевы, которое прибыло в Гонконг, адресованное уполномоченному Бохему: «Мы извещаем обо всем касательно происшедшего в городе Тяньцзине и в пяти портах Китая. Мистер Бохем, как губернатор... он, без сомнения, в этом деле проявил большую проницательность, был осведомлен, что Сью, губернатор двух Гуаней, секретно подготовил меры, в которых Е, губернатор Вантунга, северной провинции, также принимал участие, и они вместе обратились к китайскому правительству, чтобы послать в Пекин секретную экспедицию на салонских судах для обороны города Тяньцзиня».

Мистер Вейд, переводивший это письмо, присутствовал тут же и, как знаток Китая, давал пояснения послу. Элгин продолжал чтение перевода. Е, как и каждый мандарин, обладал, конечно, литературным мастерством. У них при сдаче экзаменов на право получения чина обязательно умение сочинять стихи, возможно, в таком случае, и новеллы. Письмо Е обнаруживало творческие способности автора. Вряд ли император в своем декрете упоминает такие достоинства Е, сведения о которых рассчитаны на западных варваров. Либо все это Е ввернул в императорский декрет для придания веса себе в глазах своих соперников, либо весь этот огромный декрет является каким-то коллажем, мешаниной, которую Е подносил не от своего имени, а якобы от имени императора, который будто бы все это писал для Е. В таком случае, если мы начнем войну, разгромим Кантон, взорвем его стены и нам покажется, что мы поставили врага на колени и опозорили императорский Китай, показав китайскому народу его ничтожество, то на самом деле все это будет очень умело объяснено приближенным императора и самим Сыном Неба в декретах. Просто объявит, что это величайшая ошибка Е, только его одного. Он за это будет казнен, а Китай как был, так и останется непобедимым. Тяжелая задача.

«Хотя наши суда хорошо работают в плавании толканием и тягой, чтобы сражаться здесь, Бохем, зная, что приличествует его собственной нации и будучи хорошо знаком с китайскими обычаями, объяснил визит в порты

Китая как исследование страны, благосостояния его жителей и все остальное... если будем сражаться, то китайцы скажут, что наши люди плохие. Это свидетельство, что Бохем справился удовлетворительно, не нарушая прав».

Элгин попросил объяснить, что такое солонские лодки и чем, по мнению императора, как утверждает цитирующий его Е, они оказались так страшны для Бохема.

Вейд пояснил, что устья великих рек Китая связаны каналами, по которым «тягой и толканием», как сказано в декрете, успешно движутся суда. Каналы эти проложены в древности, как известно, и идут параллельно морскому берегу, вдоль которого торговое движение затруднено постоянными штормами, приливами и отливами и множеством мелей. По Великому Каналу на север к столице идут продовольственные грузы из богатых и плодородных провинций, а также множество всевозможных изделий, потребных светскому обществу столицы, в том числе и английских товаров, даже таких, как батистовые носовые платки и дамское белье из Европы, которое очень нравится знатным китаянкам с их переломанными ради моды, забитыми в колодки с детства, ногами.

— А солоны — это туземное племя маньчжурско-тунгусского происхождения, родственное русским инородцам, которое всегда обитало на Амуре. Солоны искусно управляются с парусами, их лодки гораздо подвижней тех, что ходят по каналу, они могут выходить в море. Е делает вид, что они могут представлять опасность для парового флота.

— Все понятно, — сказал Элгин.

«Поэтому Бохем заслуживает любви, и пусть Бохем будет возведен в титул Вай Ла Па...»

— Это что еще такое?

— Вай Ла Па... Е цитирует императора, император цитирует указ королевы и приписывает ей все похвалы Китаю, при этом все перепутано, а загадочный титул — это какая-то смесь звания барона с награждением рыцарским званием, с вручением ордена Бани.

Е, император Китая или королева, по их мнению, продолжали: «Королева также передает Бохему знак почетной оценки его хорошего поведения, и английские власти и коммерсанты в Гонконге, надев церемониальные одежды, приходят, неся ему поздравления».

«Так купцы вашей нации думают, что Бохем прав, а

Девис не прав. Так и вам, в непослушание данных вам инструкций, следует взять пример с Бохема. Также велено вам не повторять ошибки и не брать примера с Девиса».

«Про допуск в город ясно, что это не было утверждено прежним императором и поэтому не может быть принято его преемником. Обещания не было, и царствующий подтверждает все, как прежде. Нет этого в ратифицированном договоре».

«Флага оскорбление. Но когда хватали лодку с китайскими преступниками, которые пользовались протекцией Гонконга, то по исследованию оказалось, что флага на мачте не было, он лежал в трюме, и никто не знал о нем. Видели, что приехали преступники и схватили. Умысла не было. Лорча — большая лодка, построена в Китае и нанята на имя Су И Чин, на кого капитан и зарегистрирован. Команда вся из беглых преступников, осужденных в наказание за пиратство во внутренних землях, нарушителей китайских законов. Двое из них, Ле Минь Та и Ли Ху Фу, судились за самое страшное пиратство. По настоянию консула Паркера, который тогда от гонконгской конторы был представителем вашего государства около стены Кантона, я вернул ему двенадцать преступников. Паркер вместо извещения, что получил их, внезапно и без причины враждебных действий, начал атаку и разрушение фортов, а три партии английских войск жгли здания и жилища в разных направлениях. Каждый разумный англичанин и каждый иностранец убеждали Паркера, делали все, что в их силах, чтобы убедить его и отвлечь, но он не хотел слушать. Он заявил, что сам берет ответственность за все, что случится, а в январе поехал в Гонконг и представил список потерь и убытков, поставленных в счет всех пострадавших купцов, что показывает, что все сделанные компенсации он забрал себе. Так он давно поступал. Но это Китая не касалось, не дело Китая. Сожаления о тяжких убытках, павших на головы вашей нации. Но так было на обеих сторонах. Мой двор, как высший суд, заполнен джентри, которые толпятся вместе с горожанами и жителями пригородов, и все умоляют меня написать вам об этом, чтобы ваше превосходительство вошло в дело и исследовало, убеждаю возместить и ликвидировать их потери. Я не вкладываю в пакет их петиций. Но если вы не верите мне, то я пришлю вам их письменные жалобы в другой раз, со следующей

почтой, для изучения и руководства вашему превосходительству беспристрастно. Что же о Хонане, то джентри и народ там очень свирепый. В октябре 47-го года, когда купцы нации вашего превосходительства хотели взять себе участки на Хонане, джентри и народ подали петицию, генерально подписанную, уполномоченному Девису, который заметил в ответе, что дело будет так, как оно есть, все останется по-прежнему. Ваше письмо говорит о военной оккупации Хонана и фортов на реке...»

— Это все королева говорит? — спросил Элгин, изнемогая от умственной усталости. Такой головоломки он никогда еще не разбирал...

— Да...

— Королева или богдыхан?

— Да, да...

— Что вы, мистер Вейд, как мандарин, мне отвечаете? Или это сочинение самого Е от имени королевы согласно его понятиям?

Сесть за стол переговоров. Это означало получить допуск в Кантон. А на переговорах потребуем допуска в Пекин и все остальное; многое продумал Элгин во время своих скитаний по волнам морей. Окружающие недовольны. Сеймур готов протестовать, все находят требования Элгина слишком скромными. Возмущены, хотя и не выражают, молчат, но догадаться можно. Всем понятно, что надо всю разваливающуюся страну брать под свою опеку, а то возьмут другие, и тогда начнется хаос, который не остановить. На тайпинов пока нет никакой надежды.

Смысл письма Е, его стиль, путаница удобны для придирки, еще более убеждают Элгина, что надо переучивать Китай и брать все в свои руки. Они сами запутались и нас путают. Они не могут сами толком сказать или написать то, что они хотят.

Наши затраты на Китай велики и будут еще больше, придется потребовать со временем, чтобы доходы государства собирались нами, взять китайские таможни в свои руки.

Ответ Е окончательно убеждает, что терпеть дальше нельзя. Больше никаких переговоров. Надо нанести самый ужасный удар, на какой мы только способны. Бросить на стены Кантона наших бульдогов, которые вцепятся мертвой хваткой, а потом начнут грабить. Китайцы сами потом спасибо скажут, как японцы говорят теперь, благодарят Перри и мечтают об экспансии, хотят постро-

ить свой Париж в русском Приморье, а свой Лондон на Камчатке и перещеголять американцев.

Путятина желал бы Джеймс иметь союзником, помня лучшее мнение о нем соотечественников и старую истину о России, как о каменной стене, ограждающей Европу.

Ресурсы Китая безграничны. Я потребую передать китайские таможни нам. Это укрепит финансы и даст приток в казну Сына Неба. Мы унизим его, а потом, может быть, начнем наводить порядок, крепя его власть в растерзанной стране.

До сих пор Элгин полагал, что Е умен, и хотя сам пустился с ним на хитрости, дозволенные в дипломатии и в политике, но все же верил в Е, что как китаец, человек великой нации, древней цивилизации, он в чем-то все это должен выражать. У настоящего китайца, как предполагают многие европейцы, есть безукоризненный вкус, он обладает тонкостью чувств и остротой мысли, силой воображения и знанием истин. За ним, может быть, будущее, и это предвидел Тот, в Чье писание мы верим. Не был ли он учеником китайцев?

Элгин разочарован, ожидал, что ответ Е будет более серьезным, что тут-то перед лицом опасности второй человек империи подымется в полный рост. Нет, ничего подобного не произошло. Элгин понимает, что от Китая нечего ждать чуда. Дело придется брать в свои руки. Слаб, слаб Е во всех отношениях.

...В понедельник шестнадцатого декабря Лоуренс Олифант и Вингров Кук прибыли в форт Макао на южной оконечности острова Хонан. Это не форт Камоэнса в городе Макао. Здесь прекрасный курортный вид. Форт также на высоком холме, издали похожем на скалу, отделен огромным плоским островом от Кантона на реке Жемчужной и с его вершины хорошо виден Кантон. Да, Элгин прав: чтобы рассмотреть город, необязательно применять «шпионские стекла», хотя в бинокль все видно ясней. На острове бесконечные плодородные поля, фермы, рабочий скот, луга, рощи. В этой цветущей стране военные действия начнутся, как в Лотарингии, среди виноградников.

Видно, как внизу по протоке идет флот. Майкл Сеймур двигался по речному рукаву с частью кораблей и десантов. От самого слияния этой протоки Макао с протокой Блэнхэйм за адмиральским кораблем тянулся необычайный караван. Канонерки, по просьбе китайских торговцев,

взяли на буксир их большие лодки с живыми быками, предназначенными на бифштексы во время войны. Население Хонана заранее оповещено прокламациями, что сегодня остров будет занят войсками союзников.

Внизу под фортом бесконечные вспаханные поля. Реки у Кантона почти не видно, но можно рассмотреть множество высоких мачт.

Форт Макао — ключ кантонской обороны на Хонане, взят давно, британцы обжили его, благоустроили и чувствуют себя как ни в чем не бывало, наблюдая издали за жизнью в деревнях и за Кантоном.

Форт приведен в порядок, переустроен. Китайские рабочие выбелили его стены внутри и снаружи, заделали щербины и выбоины от прежних бомбардировок. По заказу офицеров сделана простая удобная мебель. Морские солдаты получают из соседних деревень свежее продовольствие, добросовестно расплачиваясь мелкими монетами. Тут ходят дырявые чохи, пенсы, центы, испанская и мексиканская мелочь, также тяжелые серебряные монеты. Богатые торговцы ради серебра пригнали на Хонан откормленный на убой скот для британских «фулоо» прежде, чем те начали высадку.

Послышались пушечные выстрелы, и вскоре с вершины форта Макао стали видны красные и синие линии англичан и французов, передвигавшиеся по полям Хонана по направлению к пригороду Кантона на острове. Хонан почти без холмов и хребтов не представлял удобств китайским войскам для сопротивления. Солдатские бараки, которые находились на берегу рядом с купеческими складами, напротив самого Кантона, теперь пусты. Войска Е благоразумно покинули остров.

Иногда над рядами шагающих по полям англичан и французов появлялись клубы дыма, через некоторое время доносились щелчки выстрелов. Но это не сражение. Просто выражение желаний храбрых солдат и матросов показать свой воинственный дух и предупредить возможных противников, что к бою все готовы. Но противников не было.

Одновременно по дорогам Хонана следом за войсками потянулись отряды милитери * кули. Все они в одинаковых шляпах. Несут на руках артиллерийские орудия и разные грузы.

...Элгин просил собрать сведения о причинах, которые

* Военных.

побуждают китайцев вступать в английские войска и сражаться против своей отчизны. Лорд желал выяснить степень их надежности и поручил Олифанту со знатоками Китая пересмотреть наемных добровольцев этой оригинальной армии перед отправкой их под Кантон. Причин, как объясняли сами китайцы, две: во-первых, материальная выгода. Англичане платят заработанные солдатами деньги исправно, в то время как китайское правительство подолгу задерживает платежи. Другая причина в том, что многие китайцы, особенно молодые, испытывают ненависть к существующим в стране порядкам. Среди солдат есть совсем молодые люди, прибывшие в Гонконг из далеких горных районов. Они не имеют семей и не боятся кровавой мести Е своим родственникам. Среди милитери кули есть солдаты из армии тайпинов, которые, видимо, посланы не зря. Им не отказано продолжать службу в английских войсках.

По совету знатоков Элгин велел не выплачивать деньги солдатам этого китайского корпуса до окончания военных действий из опасения, что, как только они получат деньги и окажутся на родной земле, то могут дезертировать.

Хонан занят. Напротив Кантона, над опустевшими казармами, взвились британский и французский флаги.

Ночью с 16-го на 17-е стояла полная тишина, когда часовые услыхали плеск весел на протоке. Немедленно доложили дежурному офицеру. Шел первый час, на форте еще никто не спал, обсуждали события минувшего дня.

Прибыл мандарин с письмом от генерал-губернатора Е для передачи лорду Элгину. С ним целая свита чиновников и переводчиков. У Кука нашлись знакомые. Они попытались объяснить, что, по их мнению, может содержаться в письме вице-короля.

...18 декабря Элгин на «Фьюриос» стоял на вилке реки, где сходятся протоки Вампоа и Бленхэйм, у 1-го бара. Здесь, на глубокой стоянке, похожие на древние замки лесных рыцарей, «бревенчатые» корабли с большой осадкой, в том числе «Калькутта» Сеймура, и флагман французского адмирала. Дальнейший их подъем вверх по реке невозможен, хотя капитаны рвутся в бой, уверяют, что пройдут. Легкая «Фьюриос» со своей минимальной осадкой, как яичная скорлупка перед черными караваями. Здесь же флот парусных, колесных и винтовых судов, которые понемногу покидают рейд, отправляясь к

Кантону. Там перед городом, у самых его стен, имея в тылу занятый морской пехотой Хонан, перед началом бомбардировки выстраиваются линиями британская и французская эскадры. Некоторые быстроходные суда возвращаются к флагманам, выполняя посыльную службу. Снизу, с моря, подходят новые корабли. Все время слышны рабочие песни матросов, крики офицеров, гудки, время от времени на всех кораблях одновременно бьют склянки и по эскадре прокатывается перезвон. На «французе» веселая музыка, там готовятся к праздничному спектаклю.

С уходом из Гонконга Джеймс погружался в тяжкие и неприятные дела. Теперь не оставалось никакой отрады, никакого намека на нее. Он создан для исполнения строгих и обязательных повелений и сам умеет отдавать их. Лишь исполняя планы, он глупеет. В Маниле испанка сказала: «Никакие путешествия не совершаются в одиночестве». Что она хотела сказать? Она не делала тайны из собственного мнения и прямо все выкладывала. «Прощаясь со своими близкими и отправляясь в далекий путь, обрекая себя на долгую разлуку, вы, едва расставшись, уже невольно начинаете обращать свое внимание на тех, кто вблизи... Так каждый... Не правда ли?»

Чем дальше, тем все более нелепым казалось Элгину его собственное положение. Он, в конце концов, без воодушевления, но честно и с энергией исполнял свою миссию. Никакой ненависти к Китаю и к китайцам у него не было. Не было желания посвящать свою жизнь англо-китайским отношениям. Китай оказывается страной, которой надо либо заниматься как следует, либо не лезть в нее с поучениями и авантюрой. Планы Пальмерстона и собственное положение обязывает, и дело доводится до конца.

Китайцы воевать отказывались. Наши грозные приготовления к военным действиям их не пугали. Мы остаемся в дураках. Тут еще некстати замешалось Рождество.

Энн, безусловно, одна из самых выдающихся женщин, каких ему приходилось видеть. Хотя она очень молода, но это очевидно. Конечно, влияние на него оказала и необычайная встреча в парке епископа Джонсона, ее очарование, которое было заметно и тогда, и потом на балу и приняло там новый оттенок. Длительное одиночество, неприятные дела, за каждым из которых подразумевается

кровь и преступление против человечности... Но пока Джеймс был в Гонконге, в своем замке и Энн была где-то рядом, он, как и каждый англичанин в своих личных делах, был очень застенчив и не решался сделать следующего шага. Точнее сказать, он трусил, как каждый, кто привык быть преданным закону, а может быть, опасаясь ее сопротивления. Она была так близка, к его услугам были все возможности, хотя бы изредка можно было кратко поговорить с ней. Это одно давало ему бы некоторый смысл жизни. Не всей жизни, которая обнимает для него очень обширные понятия. Нет, речь шла о жизни здесь. Там, где он исполнял правительственное поручение, которое неприятно, но цель которого направлена на решение одного из самых важнейших вопросов мировой истории будущего. Он это понимал, умел взять себя в руки и повелевать людьми.

...А пароход «Фьюриос» бросил якорь в островах, неподалеку от Кантона. Смит прибыл после поимки китайских преступников. Он отыскал проточную канаву и слепой рукав реки, на котором помещался Чертог Миролюбия и Патриотизма. В подвале брошенного дома оказались скованные цепями крестьяне, которые отвергали требования самозванцев платить им налог, как представителям британской короны. Рассказы Смита могли составить остросюжетный роман. Как и литературные упражнения Е, они походили на произведения модных европейских декадентов и нигилистов, полагавших путаницу главным смыслом художественной литературы. С открытиями Смита еще придется разбираться.

Наблюдая ловкую фигуру молодого капитана, замечая его быстрые движения, слушая его энергичную и выразительную речь, Элгин находил в нем схожесть с Энн Боуринг и вспомнил циничное замечание графа Путятина в располагающем к лени и эстетству Макао.

Олифан и Кук с форта Макао прислали письмо Е. Можно предполагать, что это протест против занятия союзниками острова Хонан. Оказалось, что Е направил на форт Макао еще одну копию своего ответа на ультиматум Элгина, который посол получил 14 декабря. Е решил еще раз напомнить. Протеста нет. Есть уже известное упоминание о свирепости жителей Хонана и о неизбежной резне. Какие хитрости!

Смит доставил перевод доносов из Задней Приемной. Видя, что посол занят, он намеревался уйти.

— В вас есть общее с Энн Боуринг, — сказал вслед ему Элгин.

Смит обернулся и глянул испуганно. Все лицо его по уши залила краска. Элгин подумал, что неожиданно попал в цель. Какая новость! Ясно, он тут замешан!

Воспитанные люди никогда не совершают неприличных поступков, не разговаривают грубо и без толку, не оскорбляют подчиненных, не обижают ближних и не бьют слуг. Если же аристократ позволяет себе неприличный поступок или несет чушь, это принимается обществом как оригинальность. Осмелься на то же самое выскочка, человек пера или бакалейщик, все сконфузятся, а его осмеют и постараются вытеснить из общества. Элгин знал, что у людей его положения не бывает ошибок, и поэтому есть право на неприличия. Нельзя быть всегда любезным. Собственная вежливость с приближенными самому набивает оскомину. Смит всегда слишком одинаков: исполнителен и дисциплинирован. Он заслужил, чтобы в его тихую воду сэр Джеймс без причины запустил камнем. Результат налицо.

Элгин дал понять, что не имеет больше в нем надобности, и Смит ушел.

А может быть, он покраснел не за себя? Неужели он все знает? Как хорошо, что я не приглашаю его к обедам. Теперь смутился Джеймс. «Во всяком преступлении вини женщину», — учил известный французский коллега и собрат Смита.

Глава 7

МЯТЕЖ ВАРВАРОВ ПРОТИВ ЗАКОННОГО ВЛАДЫКИ МИРА

— Крестьяне на этих островах снимают по два и даже три урожая в год, — говорил Чарлз Эллиот, стоя с послом на палубе канонерки, вооруженной шестью пушками и обращая его внимание на поля с созревающими хлебами и на террасы с рисом, которые как ступени подымались по склонам гор.

Коммодор Чарлз Эллиот, бывалый моряк, кавалер ордена Бани, на вид еще молод, без седины в усах и бакенбардах. Про Эллиота говорят, что это человек-легенда, он подлинный, но непризнанный основатель Гонконга, такая

репутация придает ему блеск и вызывает зависть друзей и врагов. Китайцы много раз имели возможность убить или отравить Эллиота, и было за что, но не делали этого. Сам он, еще при прошлой встрече с Элгином, уверял, что это все twaddls — пустая болтовня и волшебные сказки, и что он не Ахиллес, и пуля стережет его в любой миг, для этого китайцу не надо целиться в пятку.

Элгин чувствовал симпатию к Эллиоту, угадывая в нем что-то родственное.

Перед уходом со стоянки Вампоа, Элгин принял капитана 59-го пехотного полка Хелуорда, который отправлялся со своим батальоном на баржах к Кантону.

Хелуорд сказал, что служит в Гонконге первый год, но имеет преданных друзей. У него есть невероятные сведения, которые при тщательном рассмотрении могут оказаться похожими на правду. Якобы адмирал Майкл Сеймур обещает Е сохранить жизнь, если пушки Кантона во время боя не будут портить его кораблей. «Они все тут знают друг друга! — сказал возмущенный Хелуорд. — Я не могу нести ответственность за то, что мне говорили, но я не имею права утаить этого от вашего превосходительства. Адмирал предлагает весь огонь китайской артиллерии обрушить на десантные колонны? Мои красные мундиры будут гибнуть от артиллерийских снарядов, предназначенных для кораблей?»

Вот-вот будут видны стены и пригороды Кантона. На сторожевом корабле, несшем бранд-вахту, сообщили, что у Кантона все спокойно, послу можно следовать. Канонерка шла между полей гаоляна, бобов и пшеницы; повсюду разбросаны дома под соломой, видны персиковые и абрикосовые деревья на плантациях. Иногда заметны фанзы побогаче, среди обширных угодий и полей ставленные наособицу.

— В одном из таких уединенных поместий и нашла себе убежище Британская Контора Мира и Патриотизма, — заметил Элгин.

— Компрадор Тин вряд ли рискнул на такое предприятие, не имея покровителей... — ответил Эллиот.

— Вы знаете их?

— Да.

— Похоже, что эти покровители на нашей эскадре. Достаточно самозванцу пройти на нашей канонерке на виду у здешних деревень, как его басни станут правдоподобными.

— Вы знакомы с Тином?

— Да, конечно... Смотрите, как красиво. Изобилие плодов земных. Это горная страна, сквозь которую прорвалась огромная река, обладающая китайской силой и терпением.

На гористом острове виден лес. Эллиот сказал, что там много бука, белой акации, растет мирт, лавровишневое и красное деревья, много пород кустарников, неизвестных в Европе. По словам коммодора, тут есть острова величиной с целое графство. Эллиот показывал поля и груды фанз с вдохновением хозяина, словно он был графом кантонским.

— После встречи с вами в Макао Рид обратился с письмом к Е. Он согласился встретиться с послом Америки, но только вне стен Кантона.

«Руководствуясь этим», вспомнил Джеймс фразу из императорского указа.

— Е меньше всего боится американцев. Угрозы Рида ему не страшны.

Эллиот рассказал, как пятнадцать лет тому назад, когда Гонконг был пустынным скалистым островом среди моря, он высадился со своими матросами на берегу. Среди пустынных скал и перелесков душистой сосны стояла одинокая гьяссу маньчжур, совсем такая же, какие видел Муравьев на Амуре. Смехотворное сооружение, подобное крепости каннибалов, частокол, как у Робинзона Крузо. Сэр Чарлз приказал разбить несколькими выстрелами эту крепость и сжечь дотла... На месте гьяссу теперь склады и собственная пристань торговой компании Джордин и Матисон, а дальше проходит вдоль берега великолепная Куин Роуд с магазинами, банками, дворцами магнатов, замков епископа Джонсона. А Джордин был противником занятия Гонконга и добился в свое время, чтобы Эллиота убрали на много лет, а сам постепенно превратился в дожа колонии.

— Вы знакомы с Муравьевым?

— Случайность помогла ему избежать знакомства со мной. Как и Путятин, он чуть не попал ко мне в плен. Я знаю их. Я не стал брать их в плен. У нас были другие цели. Пусть хвастаются своей «Авророй». Мы не проявляли излишнего рвения в этих морях. Муравьев напрасно церемонится с китайцами на своем Хей Лу Цзяне. Пора сносить прочь остатки китайского величия из гнилых бревен и старых шкур. Я был на Амуре и на

побережьях Охотского моря. Великий проповедник и путешественник епископ Иннокентий — мой друг; я пригласил его из церкви, где он служил в маленьком порту, за обеденный стол на свой корабль, и мы с преосвященным выпили бутылку итальянского вина... Я не рискнул, зная обычаи ортодоксальной церкви, попросить епископа совершить обряд над этим вином, чтобы превратить его...

Элгину самому казалось, что, разбив остатки китайского влияния на севере, Муравьев поступил бы благоразумно. С этим многие не согласны. Адмирал Сеймур — главный противник Муравьева, грозный и убежденный. С тех пор, как со своей эскадрой он описывал побережье Приморья, твердит, что на севере в более удобном и привычном для европейца климате мы должны создать второй Гонконг. Великий ученый Джон Боуринг — сторонник Майкла Сеймура. Элгин полагает, что безумием было бы брать то, что привело бы к новым конфликтам... Он желал бы совместных дипломатических действий с Путятиным.

Открылся Кантон. Эллиот переложил руль. Канонерка быстро пошла вперед с наведенными на город пушками. Кантон подплывал во всю ширь. Город без глав церквей, без башен и памятников, как сооружение утопического будущего, весь с плоскими крышами, с одинаковыми строениями, из домов чиновников и магазинов. На берегу стоят стены, а вокруг них беззащитные лачуги, склады и пристани.

...Правительственное поручение, данное Пальмерстоном, неприятно, хотя цель его ясна и благородна. Предстоит решить один из важнейших вопросов мировой истории.

...Энн должна презирать и своего отца, и Элгина. Она всюду и всегда одинока.

Если говорить про Энн, то это именно та «встреча во время путешествия», которая, по словам манильской приятельницы Джеймса, бывает неизбежна. Нервное напряжение оказывало свое влияние. Мимолетное увлечение все глубже проникало в существо Джеймса. Несогласно с его принципами, но это реальность. Решались дела жизни и смерти, дипломатии и экономики, войны и мира, а где-то в памяти существовала Энн, привлекавшая Джеймса и отталкивающая его. Он задет ее кроткой и насмешливой надменностью.

Праздничную службу будут служить на всех кораб-

лях, а для солдат морской пехоты на Хонане — в очищенном китайском складе, куда поместятся все 1200 человек. Тем временем маринеры вломились в один из соседских складов, съели там имбирь, а остальные ящики с товаром разбили и все рассыпали, китаец-хозяин пришел жаловаться и удивлялся, зачем было бить все и ломать. У командира канонерки, известного арктического исследователя Пима, матросы высадились на берег у одного из рукавов реки, затеяли в деревне ссору, неясно из-за чего, пустили в ход оружье, крестьяне разъярились, дали отпор, убили четырех матросов. Канонерка Пима открыла огонь и снесла всю деревню с лица земли. Дело нешуточное. Пока невозможно расследовать все подобные происшествия, когда война на носу.

Адмирал Сеймур отдал приказ по эскадре: «Перед началом активных операций против Кантона командующий призывает всех капитанов, офицеров, моряков и маринеров сохранять жизни и имущество мирных и невооруженных жителей, не только на основании преданности понятиям гуманности, но и ради сохранения доброй воли тех классов китайского населения, чьи материальные интересы и склонности отделяют их от мандаринов и военных, против которых единственно мы воюем... Контр-адмирал обязан внушать всем своим офицерам и рядовым, активно занятым в боях, свое решительное намерение не одобрять и пресекать грабежи и разбои, как не только аморальные, но и разрушительные для нашей собственной дисциплины, существенно необходимой при стремлении к успеху».

Такой ж приказ отдал французский адмирал, хотя во Франции, как известно, нет морского закона, запрещающего мародерство и грабежи. Командование стремилось успокоить противную сторону. Листовки были отпечатаны.

Смит прислал сообщение. На Хонан перебежал из Кантона дезертир. Сообщил, что Е разослал приказание собрать в обоих Гуанях все силы для обороны Кантона, и запросил из Пекина северных солдат, в том числе маньчжурских солонов.

— Да вон, видите, и сейчас еще не все ушли, — сказал Эллиот.

Жилища на лодках отплывают от берега, они отрываются от города и уходят прочь, река становится все шире, а город меньше. Вон поплыл двухэтажный дом, весь

в цветниках, чья-то счастливая семья спешит поскорее убраться с поля боя.

На островке, совсем близко от стен Кантона, работают красавцы саперы, сбивают деревянную платформу. Батарея мортир устанавливается под самым боком Е, чтобы через низкую стену, в упор палить по его дворцу, крыша которого, с резными головами зверей, отлично видна. Ямынь строен на возвышении. На одной из канонерок капитан поднял бочку на грот-мачту, чтобы из нее наблюдать за тем, что происходит в Кантоне. Корреспондент «Таймс» Кук залезал в это гнездо, смотрел в бинокль и видел, как он утверждал, двух молоденьких жен Е, которые были заняты каким-то хозяйственным делом во дворе дворца, кажется, они умывали идола...

Наши пушки ставятся на островках и на побережье Хонана. А на лодках и на обоих берегах толпы китайцев так смотрят на все происходящее, словно идут приготовления к празднику. По всей реке стоят на якорях военные корабли англичан и французов. Другие суда движутся, выбирая себе назначенную позицию. Слева остров Хонан. С реки Элгин еще не видел Хонана, и он не видел Кантона, иначе как с вершины форта Макао. На Хонане тесные кварталы жилых домов, время от времени их масса расступается, и открываются правильные улицы, выходящие на реку. Виден Красный Форт, покинутый маньчжурами, склады купцов, китайский док, где строились джонки. Над большими зданиями подняты британские и французские флаги. Хонан подобен графству Соррей за Темзой и ничем не отличается от города на другой стороне реки. Он составляет единое целое с городом. Только через реку тут нет мостов, видимо, по той причине, что все находящееся за стенами, городом не считается и заботе городских властей не подлежит.

Какой же Хонан остров! Это сам город, быть может, самая торговая, рабочая, фабричная его часть. Мы уже заняли половину Кантона. Мы идем по самому центру Кантона. Справа стены цитадели, китайский кремль, а вокруг него бурлит жизнь. Зачем же китайцам впускать нас в музей? Там, как драгоценность со своими понятиями, хранится Е. Но этот экспонат жесток и опасен. Наши флоты вошли в самый центр города без всяких церемоний, врезались в глубь чужой жизни, бросают якоря, наводят пушки прямой наводкой на ямынь и жилые кварталы, и тут, как на стоянке у Вампоа или в гавани

Гонконга, бьют склянки, поются рабочие песни... Солдаты Е пока лишь выглядывают из бойниц. Вот они наводят пушку на нашу канонерку, но не стреляют. Как бы чувствовали себя лондонцы или парижане, если бы чей-то, например, американский флот, расставил бы свои корабли по всему течению Сены или Темзы и навел пушки на Нотр-Дам, или на Вестминстер, или на королевские дворы? Для того чтобы подтвердить доводы, изложенные в письме на имя правительства, давая десять дней на размышление.

Неужели Е так слаб и так безучастен к судьбе народа. Ведь он не маньчжур, а китаец. Его власть чужда китайцам. Когда тайпины подошли к Тяньцзиню, то приказчики, работники и купцы отковали себе оружье и вышли защищать свой торговый город от разорителей. Здесь не чувствуется ничего подобного. Хотя быть не может, как говорят знатоки, военные и миссионеры, чтобы в Кантоне и в его окрестностях не возникали заговоры с целью оказать сопротивление иностранцам. Власть Е подточена огромной торговлей Гонконга с Кантоном. Товары со всего мира, доставляемые на европейских кораблях, хлынули в Кантон и через него во всю страну, побеждая предрассудки и подтачивая власть династии лучше, чем повстанцы с ружьями. Иностранцы действовали не только торговлей... А эксплуатация патриотизма даже в Китае имеет свой предел.

Элгина разбирала оторопь, похожая на ужас, от сознания того, что тут начнется, в таком людском месиве.

Элгин уже не смотрел на каменные стены и форты и на гнутые крыши ямыней за ними, на возвышенностях застенного города. Перед ним флот, встающий линиями, море лачуг и складов, город, расползающийся во все стороны, а на самом берегу множество стариков, детей, женщин и взрослых мужчин, словно весь миллионный Кантон вышел на берег, заполнил причалы, лодки, крыши домов, чтобы видеть, как выстраиваются для бомбардировки их города великие эскадры.

На Хонане слышен стук железа в кузницах и крики разносчиков. По эскадре от судна к судну ходят лодки торговцев, предлагают фрукты, сласти, разную мелочь, рыбу, живую птицу и поросят. На других лодках целые выставки разноцветных мануфактур.

— Посмотрите, какое всюду движение, какое трудолюбие! — говорит Эллиот. — Но для обновления Китая

нет людей. Власти Китая всегда искренне желали для своего народа спокойствия и процветания и постарались все предусмотреть. У них все предопределено. Это началось давно, устоялось и было подтверждено великими философами и религией. Поэтому в народе не могут развиваться личности. У этой прекрасной нации нет людей с современным государственным мышлением. Истины и открытия былого не обогащают их.

Эллиот поднес к глазам бинокль, оглядывая все, что происходит на Жемчужной. Бинокль замер в его руках. Он всматривался в какое-то судно, которое, казалось, стоит не на воде, а прямо на суше кантонского берега, оно как бы выброшено на городскую отмель. Это канонерка отряда Эллиота, и вокруг нее толпа китайцев.

— Что там происходит? — не вытерпел Элгин.

— Наша канонерка «Дрейк», командир Артур, на мели у самого Кантона.

— Около нее китайцы?

— Да, — спокойно сказал Эллиот. — Он не стал менять курса.

— «Дрейк» на берегу?

— Нет, «Дрейк» на воде. Отсюда только кажется, что на берегу. Канонерка недалеко от берега; она на мели. Все будет хорошо. Сейчас снимут.

Шлюпки завозили якоря, на палубе крутили шпили, но судно сидело крепко. Капитан вышел на нос канонерки. Его светлые, не покрытые фуражкой волосы поблескивали на солнце, как зеркальце.

Подать помощь? Опасность? Но тогда Артур подал бы сигналы. Командир канонерки на что-то надеется. Он спокоен, вылез на своем судне чуть ли не на неприятельский берег.

Канонерка посла безучастно продолжала свой ход.

* * *

— Эу, — крикнул командир канонерки лейтенант Артур, обращаясь к толпе китайцев, и поднял руку. Судно не стягивается, а уже пора быть на месте. Он заметил проходившую канонерку под флагом посла, но обратился за помощью не к ней. Скоро пройдет адмирал, и все корабли должны быть выстроены линиями для начала бомбардировки.

— Надо пиджен! Чин-чин! — кричал Артур, стоя на

самом носу судна над водой, как на доске от качелей, на виду у всего Кантона, на глазах бедных горожан, кули, лодочников и множества детей.

— Иди сюда! — подозвал Артур китайца на лодке. Китаец кормовым веслом сделал несколько движений к борту.

— Надо кули!

— Моя ноу кули. Моя одна штука хозяин. Капитейна кули надо? Много штуки кули, — махнул китаец на толпу у кромки воды.

— Эй... кули! Лайла-ма! Пиджен * надо, много кусок кули. Гуд пиджен! Кули много штука надо! Ноу фулоо намбер ван! ** — прокричал Артур.

Китайцы стали залезать в лодки. Многие толпой вроссыпь побрели по воде, вскоре оказались у канонерки и окружили ее.

Артур скомканной панамой вытер пот на шее. Он стоял на баке среди бухт канатов, цепей, плехтов, окруженный выбившимися из сил босыми лохматыми матросами. Некоторые из его людей оставались в шлюпках, ожидая, что им опять отдадут команду. Перепробовали все средства. Завезенные якоря не держали, по илистому дну легко приползали обратно на мель, а канонерка не трогалась с места.

Китайцы стали залезать на палубу канонерки. Коренастый кули снял куртку и повесил ее, перекинув на пушечный ствол, а шляпу надел на конец дула. Китайцы взялись за деревья, которые подали матросы, и стали подводить их под борта, привезли с берега бревна и, стоя в воде, начали раскачивать судно, а несколько лодок потянули вместе со шлюпками канат, от которого, как ветви, отходили концы во все стороны. За них ухватилось множество народу. Канонерка зашуршала и сползла с мели, а китайцы, довольные, что работа хорошо окончилась, побрели к берегу, кивая и улыбаясь матросам. С корабля подали им ящик сухарей, и тут началась драка. Вскоре все кули ушли на берег.

— Чинк, наш капитан ноу фулоо намбер ван! — объяснил матрос китайцу, который укладывал веревки на палубе. — Наш мастер *** — фулоо, он-то и есть фулоо намбер ван ****, напоказ городу велели держать такие па-

* В этом случае — рабочих.
** Умных парней (букв.: не дураков номер первый).
*** В этом случае — штурман.
**** Глупый (то есть сглупил как дурак первый номер).

ры, а он показал курс, канонерка разогналась среди мелей... и врезалась... без пиджен кули не снялись бы долго. Понял?

— Шибко понял!

Китаец пошел по трапу, но вспомнил, что его куртка висит на пушке, и вернулся.

— С радости забыл? — спросил матрос.

* * *

Коммодор Чарлз Эллиот с видом некоторого превосходства наблюдал за чрезвычайным послом. Проходили мимо пригорода и пристаней, усеянных множеством детей. Это те, кому некуда уходить. Они молчали и смотрели внимательно, словно хотели о чем-то спросить. Посол опустил плечи, он осунулся, как джентльмен, которому грозит потеря состояния.

— The trip seemed to have made you sad? * — спросил Эллиот с оттенком снисходительности, как новичка, которому впервые в жизни дано оружье и велено стрелять в человека.

— Yes, — несколько оживая и принимая свой обычный вид, ответил посол. — I am sad, because when I look at this town, I feel that I earning for myself a place in the Litany immediately after «plague, pestilence and famine» **.

Но что же делать? Спасение уже невозможно, теперь начинать что-то другое поздно. Что начато, то должно быть доведено до конца.

Эллиот сам довольно мрачен. У него резкие расхождения с адмиралом Сеймуром, посол знает. Может, поэтому он симпатизирует Элгину. У Эллиота свои счеты с Е, во время этой омрачающей поездки он кое-что рассказал про себя. Эллиот попросил, чтобы его назначили командиром первой штурмовой бригады, составленной из моряков, которая будет собрана с кораблей, как только закончится подготовительная бомбардировка.

— Завтра домашний семейный праздник, а я должен стрелять по жилищам китайцев, которые сняли мой корабль с мели, — сказал Артур, явившийся вечером на шлюпке по вызову посла.

* Прогулка, как кажется, омрачает вас.

** Да... Я печален, потому что, когда я смотрю на этот город, я чувствую, что я заслуживаю для себя место в молитве о спасении, немедленно за словами: «Чума, мор и голод».

«Вот до чего доводит нас героическая жажда барышей», — подумал Элгин.

24 декабря, в сочельник, ответ Элгина был послан в Кантон губернатору Е. Его извещали, что десятидневный срок, во время которого была возможность прийти к соглашению, окончился. Посол королевы передает дело в руки военного командования.

Ночью Элгин вышел на палубу, он стоял у борта, смотрел на огни. На французском биваке, на острове Хонан, среди болот, раздавались веселые крики. Там шло братание союзников. Перед лицом смерти сэр Джеймс думал о жене и детях. Но даже они не представлялись ему ясно. В Лондоне еще вечереет, там готовятся к празднику, в тумане не зажглись звезды.

Подошел Чарльз Эллиот.

— Китаянка любила вас? — неожиданно для себя спросил сэр Джеймс.

— Как у всех женщин, ее любовь была глубоко интеллектуальна. Она была предана мне. Очень осторожна в суждениях, всегда как бы перепроверяя свои мнения по моим. Ей приятно было мое внимание. Китайцы в большинстве случаев щуплы, свою слабость они пытаются восполнить изощренностью. Но одного хорошего порыва искренней любви бывает достаточно. Знаете, сэр Джеймс... От нее у меня растет сын. Я очень люблю его. Как я люблю смотреть в его глаза! Он смотрит и, кажется, всегда что-то хочет спросить у меня и не смеет. Моя ужасная слава! Я думаю, что из-за моего сына мне не дают и никогда не дадут адмирала! Но я ни на йоту не раскаиваюсь. Наше лицемерие! Я останусь преданным сыну, а не красной тесьме! Так мне предстоит встреча с Е! Я надеюсь, что наконец взгляну ему в лицо.

Смит склонен предполагать, что из Чертога Миролюбия и Патриотизма, от профессиональных мастеров шантажа, через третьеразрядных компрадоров нити преступления могут тянуться на наши суда. Он предполагает, что достаточно было кому-то из авантюристов пригрозить крестьянам британскими законами, а кому-то — нашему судну, как бы в подтверждение его слов, пройти любой протокой, где понадобилась такая демонстрация, что в пору промеров и составления карт вменялось в обязанность командирам кораблей, как цель была достигнута. Канонерка наводила страх одним своим видом, подтверждалась законность поборов. Но попробуйте дока-

зать, что капитан — соучастник компрадора, хотя он и не будет отрицать, что видел его когда-то. Как профессиональный охотник, Смит знает, где водится дичь.

В ночь под Рождество Элгин помолился на корабле «Фьюриос» со всеми своими близкими, с офицерами и командой. Он провел вечер в семейном кругу.

В первый день Рождества на острове Хонан Джеймс отстоял рождественскую службу в складе китайца, огромном, как сухой док, где вместились все 1200 маринеров. Хоры маринеров разучили духовные гимны Гайдна и Баха и средневековых английских композиторов. После торжественного богослужения французы дали блестящее представление, на репетицию которого барон Гро уже приглашал лорда. Спектакль, которому может позавидовать Комеди Франсе! Как всегда, если нет поблизости профессионалов, любители показывают мастерство.

Бульдоги отдохнули в рождественский праздник. Служба успокаивала. Все почувствовали отдых и торжество, когда голоса сливались в благодарении и чувстве веры в лучшее.

Адмиралу Сеймуру не по душе составленная диспозиция, но он взял дело в свои руки. Адмирал уступал скрепя сердце. Мы напрасно погубим своих людей. При этом штурме будут большие потери. Только ради того, чтобы в парламенте не поднялась буря. Ядра и бомбы — это не рождественские кульки, и смерть от них неизбежна. Думать надо, чтобы меньше было потерь среди своих. Посол жертвует моими людьми ради престижа гуманиста. Но как бы ни были осторожны, все равно китайцы начнут гибнуть тысячами.

Так думал адмирал Майкл Сеймур, простившись с Элгином после поздравительного праздничного визита и обеда.

26 декабря утром из Кантона приплыл мандарин на джонке и доставил послу еще одно письмо Е. Дул ветер, и небо стало сумрачным. Ответ на второй ультиматум ничего не менял. В конце письма Е сообщал послу королевы, что он молится идолу, который стоит в его саду, и чертит палочкой на песке знаки, обозначающие предсказания...

27 декабря в шесть часов утра Элгин, спавший тяжело, как под камнем, с трудом проснулся на «Фьюриосе» от грохота орудийного выстрела над своей головой. Послы-

шались выстрелы на других судах. Заговорили пушки всей эскадры.

Зная точность Элгина и его привычки, что он встает в одно и то же время, военные, в руки которых было передано дело, ждали шести.

Эскадры заговорили. Мятеж западных варваров против законного владыки мира начался.

Глава 8

СТАРЫЕ КРЕПКИЕ УЗЫ

На улицах Пекина падал легкий снежок. Отец Палладий Кафаров шел по торговому ряду с вывесками по обеим сторонам, которые, как цветные полотенца, с росписями разных размеров, развешены поперек движения в таком множестве, что им тесно, и вся улица пестрит красками. Глаз прохожего невольно бегает вверх и вниз по столбцам иероглифов с именами купцов и рекламами.

На улице полно народу, скоро новогодние праздники придут с новолунием. Несмотря на морозец, у многих торговцев ларьки распахнуты. Покупатели берут товар, расплачиваются к празднику с долгами, купцы, лавочники и ростовщики ходят друг к другу, все предъявляют какие-то бумажки с записями, расписки, хозяева заглядывают в долговые книги, щелкают на больших, а покупатели на маленьких карманных счетах, бегают опрятные мальчики с большими иероглифами на спине, означающими названия фирмы. Пекин живет обычной жизнью, хотя тревожные вести доносятся со всех концов страны.

Палладий идет деловой частью китайского города, а неподалеку, за низкими крышами множества обычных лавок и магазинов, возвышается тучная стена с многоэтажной башней над воротами в ней, напоминая о могуществе столичной власти.

Запретный Город с его зеркальными прудами, схваченными в эту пору льдом, с садами, дворцами, с гигантским Алтарем Неба, представляющим собой компаунд драгоценностей архитектуры, скульптуры и резьбы, соединенных воедино и посвященных всем силам природы и всем их повелителям-богам, огражден собственной стеной с каменными и фарфоровыми башнями и воротами. Императорский Город — за своей стеной, в нем живут всегда под рукой нужные государю чины. Маньчжурский и Китайский города в своих стенах и весь город в могущест-

венной стене, по вершине широкой, как Невский проспект. Но вместо торцов — море грязи в непогоду, лед в мороз и пыль в жаркий день; стена между основ из камня сбита из грязи. Это вал, взятый в стены из кирпича и камня. Во всех частях города много чудес, храмов, памятных ворот, есть целая стена из фарфора, висящая, как ковер, — знаменитая Ширма Драконов.

А ворота, сквозь которые идет движение, самый многолюдный поток, малы, узки, и сама башня велика и невзрачна. Пекин — город порядка. Много сделали за века для своего народа императоры и художники. У них, как полагает Кафаров, было две цели. Первая — пропаганда могущества династий и прочности традиций, ради чего воздвигнуты богатейшие сооружения, некоторые явно бесполезные, на взгляд европейцев, вроде многочисленных памятных ворот. Но в то же время признаешься при виде подобной бесполезности, что много в ней мастерства, труда и вкуса, что это своеобразные украшения города, произведения искусства, выражающие целую эпоху. Вторая цель, которая преследовалась при устройстве горо-

да, — согласие и порядок, которые внушаются народу, и понятие, что перед законом все равны. Требуется от всех одинаковое повиновение: от князей, чиновников, военных и простого народа. Все разделены не только стенами. Чиновникам, ученым и художникам, как и философам, всем одинаково присвоены чиновничьи степени. Войска делятся по знаменам. Желтое знамя означает землю и подавляет воду. Желтое знамя самое почетное. В войсках желтого знамени служат далекие потомки русских албазинцев, казаков, взятых в Китай во время войны с Россией на Амуре два века тому назад. Голубое знамя означает воду и подавляет огонь. Красное знамя означает огонь и подавляет металл. Так, все наготове, чтобы подавить друг друга и предотвратить опасности, и все наблюдают. А бунты бушуют по всему Китаю, длинноволосые повстанцы из армии Хуна рвутся на север, нравственность народа пала, дороги кишат разбойниками, многие жители Пекина в такой нищете, что целыми семьями кончают жизнь самоубийством.

А базар шумит как ни в чем не бывало; скоро скромные улицы с деревянными домишками в окошках с бумагой или со стеклом и в ставнях, как и в любом русском городке, засияют множеством цветных фонарей. Весь город превратится в волшебный мир, толпы китайцев весело пойдут со множеством своих детей. Некоторые дома тут с огородами, с садиками, зайдешь в такой уголок, и все там, как в деревне. Однако и с сельского поля внутри Пекина видится всемогущая, ограждающая стена или башня о семи этажах. У православной духовной миссии в весьма почетной части города есть свое поле и сады, есть собственная мельница и молочный скот. Когда-то в старину здания теперешней миссии составляли Южное Подворье, в котором принято было отводить помещения для приходящих из России в Пекин торговых караванов.

Как ни привычны духовные к стенам монастырей, семинарий и академий, но в первые годы жизни в Китае чувствуешь себя в Пекине как в тюрьме. Пекинские стены с их узкими грозными воротами долго громоздились в памяти Палладия и наяву и во сне, пока он привык. Отлучки за город в редких случаях предоставляются, но члены духовной миссии стараются не злоупотреблять своей подвижностью, которая всегда тревожит китайские власти. Каждый человек должен быть при своем месте, под рукой и удобен для проверки. Архимандри-

ты полным соблюдением всех порядков страны добились некоторой свободы для себя и для своих отцов, и к ним никогда не придираются. За эти годы, что существует миссия, католические проповедники были изгнаны из Пекина, в обсерватории трудятся отцы православной церкви, а католический собор пустует.

Православные миссионеры признаны нужными здесь. С Китаем во всем требуется терпение.

Зазвучал колокольчик входной двери, из глубины лавки донесся взрыв хохота, как бывает, когда молодежь от избытка сил смеется по пустякам; скорее всего идет игра у приказчиков, пока хозяин в отлучке.

Кафарова заботят происходящие политические события. Они могут принести не только перемену в положении русской духовной миссии в Пекине, но и нарушить весь мерный ход жизни Китая и переменить отношения его с Россией.

Англичане вцепились в южные порты Китая и лупят там по городам беспощадно. Иностранцы могут со временем начать все ломать и перестраивать по-своему во всей стране, они коснутся всех сторон жизни Китая.

Никому, кроме как Палладию, из русских не приходится так близко познавать жизнь китайцев в их же отечестве. Он — поп и как поп связан по рукам и ногам, так считается у нас в России. В русском обществе к духовным является большое недоверие и большие претензии, образованный класс не считает их ровней, не видит в них проку для науки и развития, скорее тормоз, источник предрассудков, укрепляющих безграмотность и темноту народа. Не ценят нравственное влияние церкви. Многие желают превращения приходских школ в светские, забывают заслуги церкви при распространении грамотности в народе за многие века, в том числе и в пору татарского ига.

В Пекине отцы-миссионеры из века в век вкладывали кирпичи в самую передовую науку России, что и объяснил Пушкин нашим высокомерным умам, опубликовав свой отзыв на труды одного из предшественников архимандрита Палладия, известного теперь на весь мир Иакинфа Бичурина.

Архимандрит Палладий, идя в город, надел китайскую одежду; удобен в холодную погоду длинный стеженый халат, обшитый мехом, и коленям тепло, и легко, и духовному званию прилично. Смеются европейцы над всем

китайским, утверждают, что неудобно, некрасиво их платье. Они не знают ничего как следует. А будет время, сами, наверно, оденутся в маньчжурские халаты, когда постигнут, каков чувствуешь комфорт. Пригодится лицам всех званий и дамам всех сословий.

В халате не виден склад фигуры и осанка отца архимандрита. Но костюм и борода не могут скрыть энергии и характера.

Хилому нельзя доверять православную миссию в Китае. Палладий крепко скроен, он много ходит, помнит заветы Бичурина, который не чурался никого из китайцев, знакомых имел во всех слоях общества. У Палладия ноги болят немилосердно, не от немощи суставы ноют, а от ходьбы. Ждет весны, поедет к приятелю даосу принимать горячие воды. Даос живет неподалеку от Пекина, при уединенной кумире у входа в леса и горы, как и полагается служителю веры, восхваляющей чистоту и праведность естественной природы и благотворность влияния ее на человеческую душу.

Пушкин хвалил Бичурина, много пособившего появлению в России интереса к Китаю, который всегда считался чем-то отсталым, вроде продолжения тюркских орд. От них-то и надо отступиться России, чтобы развиваться в самостоятельную европейскую державу, что на триста лет задержано было выходцами из Азии. И сейчас полагают, что не с Китая же брать нам примеры. Что у них там хорошего в Азии? У нас от них остались: кнут, алтын, базар, ясак, да еще матерные слова и терпение. Каков сам Китай в своих корнях, в своем искусстве, произведениях ума — мы не знаем, может быть, все из-за тех разделяющих нас с ним орд, расстояний и европейских предрассудков, от которых они, англичане, уже отказываются; и рвут Китай на части, и тут же изучают его...

А Бичурина убрали из Пекина с позором, упрекали, что, будучи в православной русской духовной миссии в Пекине, он унижал свое звание, бывал хмелен, разгуливал по китайской столице, одеваясь в туземное платье, бывал у китаянок и потом превозносил их достоинства. Много забот и хлопот доставлял он отечески попечительствующим русской духовной миссии китайским властям.

Отцу Иакинфу надо отдать справедливость: прошел Пекин вдоль и поперек, и по Китаю поездил, пображничал с китайцами и потолковал с ними про европейские науки, шел он в своих исследованиях и верхом и низом,

изучал подлинные древние рукописи, читал и современные книги, а не одну лишь единственную газету — официоз, издаваемый в китайском государстве. Он легко изучал труды мудрецов, летописцев и философов. Потом уж, находясь в России и преподавая китайский язык будущим православным миссионерам, он увлекал их своими рассказами про Китай, открыто признавался, что вряд ли познал бы так эту великую нацию, если бы каждый день не ходил по лавкам и на базар, где у него завелось множество знакомых простолюдинов. Многое из его поучений и рассказов запало в душу Палладия. Несмотря на свежесть и бодрость и на еще небольшие годы, отец Палладий Кафаров — теперь сам архимандрит, возглавляет миссию в Пекине, со всеми ее школами, с приходом, с паствой из потомков наших казаков, служащих теперь в Желтом Знамени. Миссия эта, как он знает из европейских газет, доставляемых в Южное Подворье из Петербурга, как бельмо на глазу для дипломатов западных европейских стран и повод для претензий и упреков, которые делают китайскому правительству удаленные в свое время из Пекина духовные рыцари ордена иезуитов.

Много чудес в Пекине. Чтобы народ покоренного Тибета был горд своим существованием под властью Сына Неба и жил счастливо, в столице построен китайскими мастерами и художниками ламаистский храм. Тибет и Монголия осчастливлены этим чудом из чудес. Конфуцианский храм с Лестницей Духов, подобной ковру из резьбы, косо поставленному между двух лестниц... Подымайся, читай, познавай, вдохновляйся, будь образован и скромен, как сам этот храм, кроткий, уступающий отделкой Лестнице Духов, встречающей путника торжественной красотой, гораздо более богатой, чем сам храм со сдвоенными низкими входными дверьми из кедра.

С поры Иакинфа Бичурина храмы и дворцы стоят неприкосновенными, а времена переменились. Китай ввергался в международные отношения нехотя, не веря, что кто-то мог бы поколебать его могущество, но уже испытывая сильные толчки извне и изнутри. Многие влиятельные сановники, опасаясь впасть в ошибки, признают неизбежность грядущих перемен. И чем сильней наседали на Китай иностранцы, тем все более искал двор Сына Неба, богдыхана, как называли его русские и вся верховная власть страны, поддержки и советов. Палладий Кафаров не был светским сановником или дипломатом,

он служитель церкви, учитель детей. В бессилье не раз обращались к нему за советом китайские вельможи, признавая архимандрита надежным другом, приверженным старым связям великих стран-соседей.

Сан архимандрита ко многому обязывает, но, живя шесть лет в Пекине и зная в совершенстве китайский язык, приобретаешь знания нецерковные. Отцы-миссионеры, сами из семей мелких духовных или из горожан небольшого достатка, а бывает, что из мужиков, как Бичурин, все они, прибывая в Пекин, с интересом распознавали, как живет-может простой народ в Китае. Мелкие знания эти собирались, обретали смысл и научное значение, когда бывали сведены в труды и подкреплялись выводами умных голов, на досуге, когда, отслужив свои семь лет в Пекине, возвращались члены миссии в Россию. Там публиковались статьи и книги, составлялись учебники для молодых миссионеров. Немало рукописей оставалось и в Пекине, в библиотеке Духовной Миссии.

Казаки-албазинцы были природными русскими и православными, потомки их — паства духовной миссии, сохранив веру, приняли обличье китайцев от своих матерей и бабушек. Все ходят с косами, все стали китайцами, не раз, как казаки за царя, ходили в походы воевать за богдыхана.

С их предками ушел с Амура пожилой поп Леонтий. Казаки унесли с собой в Пекин икону святого Николая Албазинского. Император Китая Кхан-Си принял приветливо пленных. Китайцы предоставили отцу Леонтию под церковь один из своих храмов в Пекине. С этого все началось. Впоследствии выговорили наши дипломаты право держать для потомков русских, остающихся преданными своей вере, духовную православную миссию в Пекине. Что удобно было и самим императорам Китая.

Кафаров зашел в магазин. Хозяин усадил его пить чай. Собрались соседи и приказчики. Как ни скудна и ни коротка жизнь, а простые радости доставляют много удовольствия. В этом Кафаров согласен с китайцами. Чай с мороза приятен.

Как и в европейском обществе, сначала принято осведомляться о здоровье и обменяться мнениями о пустяках. Но переглядывания хозяина с сидевшими за столом приятелями-купцами и со стоявшими приказчиками весьма многозначительны. Есть у них что рассказать своему другу и клиенту. Когда человек покупает у тебя в лав-

ке, с ним можно поговорить откровенно, ни тебе, ни ему нет надобности выдавать друг друга. Да теперь столько всяких разговоров ходит, что на них внимания никто не обращает, все открыто говорят между собой, что государь молод, слаб и неопытен и не может вдохнуть в своих окружающих новые силы.

— Мандат неба, данный царствующей династии, заканчивает свой срок, — сказал хозяин, — англичане взяли Кантон!

Торговец этот славился умом и стремлением к знаниям, какие бывают и у нас в России в торговом классе, среди малообразованных, но способных людей, интересы которых не умещаются в заботы торговли.

— Кантон пал! На базаре все знают. А в «Пекинской газете» еще нет ничего об этом.

Собравшиеся соседи также не делали тайн из государственных забот и неурядиц. Все знали, что Кафаров бывает в Верховном Совете по делам, суть которых никогда и никому не бывает известна. При этом он соблюдает молчаливость, независимость и достоинство. Как служитель религии и должен поступать. Известно только, что он помогает правительству Китая переводить иностранные бумаги и с ним толкуют при этом. Кафарову пришлось узнать, сидя в магазине, много новостей. В Ямынь Внешних Сношений известия доходят часто позже, чем в торговые ряды.

— А вы знаете, что еще на базаре говорят? Что в Кантоне англичане схватили своего врага Е, посадили его в клетку. Увезли его на корабле и сбросили вместе с клеткой в море!

— Что же они хотят? К чему стремятся? — воскликнул молодой рослый приказчик, державший пай в деле хозяина, имевший право излагать мнение, но не смевший сесть на лавку при старших.

— Да, взяли в плен и сбросили Е в море! — горячо подтвердил нервный сухонький купчик в железных очках. — Кто бы мог подумать! Ведь он был когда-то губернатором столичной провинции. Провинции Чжили.

Это название означает «Непосредственно Подчиненная».

Вечером к Палладию пришел даос, приехавший в город. Пристав миссии, маньчжур Сунчжанча, наблюдавший за миссией и сдружившийся с духовными отцами, потолковал с даосом и с Палладием. Обычно Сунчжанча

рассказывал Кафарову много новостей. Но в последние дни он приумолк. Даос тоже лишнего не говорил, он защитник природы и проповедник кротости людской. Политики не касались.

В «Пекинской газете» напечатан декрет богдыхана. Объявляется, что Е Минь Жень виноват в сдаче Кантона, он неумело действовал. Не слушал своих советников, поступал самонадеянно, во всем виноват он один. Е Минь Жень исключается из числа мандаринов, лишается всех чиновничьих степеней и наград, как единственно виноватый за поражение в Кантоне.

— Ему уже все равно! — воскликнул, прочитав газету, Сунчжанча. Маньчжур засмеялся, — англичане утопили его...

Тяжкий груз берет себе на плечи Муравьев, желая в эту пору соединить государственные интересы России и Китая и обоюдно заложить основу для защиты друг друга и в настоящем и в будущем, подать щит соседям и в пору невзгод помочь им прикрыться. Как подымет всю эту тяжесть Муравьев? Время от времени Кафаров посылал ему письма. Это не были дипломатические донесения, но ведь для смышленого слушателя не надо много слов. Кафаров не во всем сходился с Николаем Николаевичем. Разница между ними есть: Муравьев заканчивал Пажеский корпус, а Палладий учился в духовной семинарии. При этом схожести в них более, чем различий. Кафаров знает Китай, а Муравьев желает знать. Он нашел верное место при исполнении великого дела, которое задумал. Место верное, но бывают разногласия между духовным ученым и светским политиком. Письма Палладия подают осторожные советы.

Побывал отец Палладий у своего коллеги академика из управления астрономических наук. Слушал мнение, что все идет к худшему. В Китае есть люди, известные глубиной ума и широтой суждения, могли бы переустроить государственную жизнь, но у них нет прав и нет согласия между собой. Государь, по мнению академика, ничтожен умом и нездоров. Все говорят, что Китай обречен на тяжкую долю. Всюду вспыхивают восстания. Многие бедные люди не могут пропитаться и губят себя вместе с семьями, бросаясь в воды канала, окружающего

городские стены. При дворе все заняты интригами, тайные родовые распри многосотлетней давности занимают обитателей Запретного Города сильней, чем война с англичанами и восстание тайпинов. Женщины оказывают влияние на государя. Одна из его наложниц, Иехонала, сама из древнего и знатного маньчжурского рода, родила недавно сына государю, единственного наследника его. Еще молодая, двадцати двух лет, неожиданно берет она заботы на себя, читает государственные бумаги, исполняет обязанности за государя, решает с ним вместе дела по донесениям из провинций и от полководцев. Подает своему властителю советы, и, видимо, некоторые разумные распоряжения и декреты исходят от нее. Надежда на Иехоналу невелика. Она все-таки женщина. В истории Китая давно не бывало, чтобы женщина возглавляла государство. Предки рода ее жили в стороне верховий реки Уссури, ближе к корейской границе и вечно воевали с корейцами.

Сунчжанча, пристав при миссии от китайского правительства, любил поважничать и похвастаться в городе своей необычайной должностью наблюдающего при единственных западных иностранцах, живущих в Пекине. По сути же, был он славный малый, как и многие, обязанные служить на подобных должностях. Привык к отцу Палладию, бывал откровенен, сообщал ему, какие слухи ходят по городу, о чем говорят в обществе, не боялся раскрывать секретов, которые доводилось узнавать самому. Сунчжанча признавался, что когда Кафарова вызывают во дворец, чтобы услышать от него советы, то этого не может происходить без ведома самого государя. Палладий и сам понимал, что от него есть польза двору. Происходящие события возвышают значение его, маленького человека церкви, в глазах вершителей судеб гигантского мирового государства. Палладий много знал, и о нем многое знали. Смолоду, учившись отлично, усвоил он французский и немецкий, а также английский, и теперь владел этими языками одновременно с латынью, греческим и древнееврейским.

Сунчжанча зашагал по Императорскому Городу, неся портфель архимандрита Палладия с французскими словарями. Не в первый раз Кафарову приходилось садиться в Верховном Совете за переводы для правительства. На этот раз перед ним письма барона Гро, присланные из Макао, с изложением требований Франции. Упомяну-

то намерение содержать посольство в Пекине. Торговля во всех областях Китая. Плавание по рекам.

Письма из миссии посыпались не только в Иркутск, но и в Петербург.

Александр знал о происходящих событиях из европейских газет и донесений своих послов из столиц Европы. Приходили донесения Муравьева, Путятина и духовной миссии в Пекине. Путятин сообщал, что послал письмо богдыхану из Макао. Из Пекина писали, что при пекинском дворе получено письмо Путятина.

За множеством забот Александр не придавал слишком большого значения китайским делам. Но даже малая ошибка в деле, которое только что начато и у которого должно быть будущее, недопустима, как, безусловно, не могут быть терпимы никакие промахи государственных людей России.

Горчаков послал курьера с письмом Путятину. Государь повелевал ни в коем случае не выказывать враждебности китайскому правительству.

Все представления Муравьева были утверждены, и дело опять переходило в его руки. Явно ему на Амуре действовать удобно, он независим там от иностранных государств и политика его чиста.

Зима морозная. Путь через Сибирь нелегок. Но дело превыше всего. Государь приказал вызвать Муравьева из Иркутска. Муравьев-Сибирский привычен к скачке по снегам в трескучие морозы.

В своей жизни в Пекине бывали у Палладия случаи, о которых он никогда и никому не проронил ни слова. Подобного не случилось еще никогда и ни с кем. Нет обычая, от которого, даже в Китае, нельзя отступиться, когда бывает нужно. Палладия пригласили в старинный храм. Кафаров вошел в деревянное помещение, оно пустынно, и в нем нет никаких украшений. Храм так стар, что слышишь, как сыплются его истлевшие деревянные частицы, мельчайшие, как капли, словно внутри его идет деревянный дождь. Кафаров ждал стоя. Он был предупрежден, что с ним будет говорить сановник. Церемоний никаких не потребуется.

Пришел китаец, ничего примечательного в лице его не было. Небольшие седые усы и головной убор без знаков отличия.

— У России с Англией война продолжается или закончена? — спросил китаец.

— Война закончена, — ответил Кафаров.

— А, тогда понятно, почему Путятин ездит всюду, куда захочет! — сказано спокойно, но смысл слов насмешлив. Впрочем, неужели при дворе не знают, что война закончилась, быть того не может. Кафаров знает, что тут ни слова зря не говорят. Зачем Путятин там, где англичане? Кафаров сам недоволен и предвидит опасения китайцев. Ведь им может показаться, в присутствии нашего посла вблизи Кантона, не там, где, по их мнению, следует ему быть, — признак опасной перемены в политике России.

— Путятин действует вместе с англичанами? — спросил китаец.

Кафаров утвердился во мнении, что с ним разговаривает Юй-Чен, возглавляющий китайское правительство. Один из немногих умов при императорском дворе, известный своими знаниями и ученостью.

Палладий ответил, что Путятин лишь присутствует там, где находятся англичане. Но не принимает участия.

— Мы договоримся обо всем на Амуре, — сказал Юй-Чен. Он спросил, чего хотят иностранцы от Китая.

— Они хотят взять Китай в свои руки, — ответил Кафаров.

Сановник смолчал. Его взгляд стекленел от напряжения. Как мог быть Китай взят в чьи-то руки? Китай бывал завоеван, когда династия менялась. Но для завоевания Китая у западных иностранцев нет людей и нет сил. Как можно взять Китай в чьи-то руки, что это означает? Подобная мысль не воспринималась. Отец Палладий видел перед собой живой догмат консерватизма.

В Палате Внешних Сношений, в Верховном Совете и при дворе не все так глупы, как толкует людская молва. Своим присутствием вблизи послов Англии и Франции Путятин ставит пекинское правительство в неудобное положение. Ему приходится посылать отказы, иначе невозможно поступать. Согласие на встречу с русским по-

слом, который присылает письма из Макао, даст повод Элгину и Гро к претензиям.

— Дела между Россией и Китаем — это внутреннее дело соседей, — сказал Юй-Чен.

Тяжкий подвиг предстоит Муравьеву, без враждебных действий выйти к удобным для России южным гаваням и закрыть западным державам подступ к Китаю с севера. Он покажет, что Китай не одинок.

Мнение пекинского правительства о том, что договариваться надо на Амуре, дошло в Петербург. Александр не согласен, что посольство Путятина направлено напрасно. Россия должна всюду показывать, что действует самостоятельно и, как европейская держава, присутствует там, где происходят важные события, последствия которых могут коснуться ее. Он согласен с Муравьевым, что действовать надо на Амуре. Но не намерен отменять полномочия, данные Путятину. Нельзя не наблюдать за тем, что делают иностранцы в Китае. Присутствие наше там Путятин не обязан объяснять. Смысл его должен быть очевиден, объяснен желанием заключить договор. Главное же дело, одновременно, будет исполняться Муравьевым на Амуре.

В скором времени у Палладия состоялась еще одна встреча с Юй-Ченом. Опять в разрушающемся храме, куда архимандрит прибыл в паланкине через многие ворота, в снегу по карнизам башен.

— В верховьях малых притоков, которые впадают в большие реки, где плавает Муравьев на кораблях, находятся родовые земли предков нашего императора, — сказал Юй-Чен.

Тяжкий и непреодолимый довод! Основание для отказа.

Кафаров сказал, что родовые земли маньчжур, их прародина, известны Муравьеву.

Юй-Чен помолчал, глядя взором, темным от мрака мыслей, от неразрешимых забот и горьких ударов судьбы, предвещающих конец.

— Когда-то было в истории, — сказал Юй-Чен, — что государь Китая династии Юань жил под охраной русской гвардии.

Мысли Кафарова переменились и ожили, он мог бы привести другой пример. Подобное же повторилось и при нынешней династии, когда Кхан-Си определил русских албазинцев в свою гвардию и выезжал из дворца под их охраной. Юй-Чен хочет сказать, что есть прецедент, когда китайские богдыханы находились под защитой русских. Не так ли? Далеко не узко судит, если приводит такое сравнение, которое не может не иметь в виду смысла современной дипломатии и политики, не может не показаться многозначительным символом. Нужный прецедент отыскан для оправдания своей политики и для подтверждения мудрости решений молодого государя. При этом не может не быть у них в империи сильной оппозиции, составленной из консерваторов.

Юй-Чен сказал, что Муравьеву будет дано согласие встретиться с ним на Амуре.

Кафаров уверен, что ни единого намека на подобную перемену в политике не будет сделано в документах, которые посылаются из Пекина в Россию.

Напротив, бумаги пойдут, написанные все в том же стиле и тоне, как и всегда. Листы китайского Трибунала Внешних Сношений будут сохранять все признаки неуступчивости и твердости, как всегда в общении с иностранными государствами. По-прежнему будут требования к нам, чтобы мы исполняли обычай «ко тоу», то есть коленопреклонения и простирания ниц, и в прямом, и в переносном всеобъемлющем смысле. Будет сохраняться китайская важность, внушая отвращение даже нашим терпеливым дипломатам, среди которых есть и далекие потомки татарских ханов и мурз; у нас у самих еще крепки татарские нравы. Герцен пишет: «Поскреби русского — обязательно найдешь татарина». Много интересного вычитывал Палладий в лондонских изданиях эмигрантов, которые пересылали духовные отцы с Руси вместе с не подлежащей цензуре почтой духовного ведомства.

Вот англичане им и показали себя за это «ко тоу».

Ни уступки, ни намека на уступки со стороны пекинского правительства не будет упомянуто в официальной переписке с Иркутском, где Николай Николаевич взял на себя право сноситься с сопредельными государствами,

---

* Предок основателей династии Цин.

минуя Петербург, так, словно сам был министром иностранных дел, а министерство уже располагалось не на берегу Невы, а вблизи Байкала. У нас ненадобно для такой перемены обсуждений в палатах парламента. Государь повелел. И Муравьев возвысился в глазах Пекина, он на горе власти, как у них самих кантонский вице-король, которого теперь сбросили в клетке в воду. Именно Кафарову придется писать обо всем этом в своих письмах к Муравьеву. А прямо писать нельзя. Палладий — архимандрит, а не генерал-адъютант и не действительный тайный советник. Писать ли о том, что будет противоречить официальным листам от китайского дипломатического ведомства? Но как бы ни старался Кафаров избегать прямого вмешательства не в свои дела, а Муравьев из его писем должен угадать суть перемен в китайской политике. Как же сообщить об этом? Муравьев попам не верит. Не верит он и в бога. Может счесть все выдумкой духовных пастырей в Пекине. А надо, чтобы он знал. Тайпины и англичане затягивают петлю на шее маньчжурской династии.

На другой день Кафаров, по заранее присланному приглашению, отправился из своего подворья в астрономическое управление. В обсерватории он пособлял своему приятелю академику переводами разных сведений из книг. Наработались досыта. Академик устал к обеду. Он отвлекся от дела, снял очки. Для начала подали чай.

При перемене блюд за обедом академик неожиданно спросил Кафарова: «Почему русские мало помнят свою «Аврору»?»

Если англичанам набило оскомину все еще продолжающаяся хвастливость русских моряков подвигами своей «Авроры» в океане в прошлую войну и победой над эскадрой Прайса на Камчатке, то китайцы, напротив, смотрели на это совсем по-другому. Им было удивительно, как русские могли забывать свои подвиги, не понимать значения своей огромной победы, величия ее.

— Ради чего вы отказываетесь от плодов такой победы? Ах, какая ошибка! Над англичанами никто и никогда не одерживал такой победы, их никто и никогда не побеждал.

Видимо, он полагал, что если русские не говорят об

этом, не гордятся и даже забывают свое геройство в минувшую войну, а теперь плавают туда, где находятся англичане и ведут с ними любезные разговоры, то это недостойно великой державы. Это совершенно непонятно им. Размеры побед в Севастополе и на Камчатке не осознавались китайцами в сравнении. Они мало знали про общий ход минувшей войны. Иностранные газеты в Пекин не приходили никогда. Изредка Е присылал какую-нибудь вырезку из гонконгского еженедельника. Над переводом ее, исполненным отцами-миссионерами, ломали голову члены Верховного Совета. Севастополь был для китайцев где-то далеко. Но, видно, по их мнению, недальновидны русские политики, если они устанавливают дружбу с англичанами у ворот Китая. Разве значение Китая стало меньше, разве можно его сравнить для соседнего государства со значением Англии, с которой только что была война? Обе великие страны соседи. У них много земли.

В подворье из Палаты Внешних Сношений прибыли два чиновника. Явились к Сунчжанче. Просили узнать у архимандрита, будут ли письма в Россию.

— Едут нарочные в Монголию и в Кяхту, передадут русские письма Муравьеву в Иркутск, — сказал отцу архимандриту пристав миссии, — будет оказия. Кони и верблюды. — Почта, как объяснили Сунчжанче, пойдет на «быстрой лошади».

С почтой миссии ездили свои люди. Были при подворье правительственные служащие. Их возглавлял чиновник министерства иностранных дел Храбровицкий из Петербурга. У него есть особые курьеры: русские и крещеные буряты.

Подтверждались предположения Кафарова. Отечество китайцев в опасности, и правительство намерено действовать. Архимандрита китайцы поторапливают, чтобы уразумел, известил Муравьева поскорей.

Глава 9

БЛОК Е

Первый выстрел с варварского корабля застал Е Минь Женя за утренним туалетом.

Пальба продолжалась. Выстрелы с дьявольских кораблей участились, разрывы бомб раздавались неподалеку, как в грозу, когда непрерывно гремит сильный гром, а из низких туч бьет в город молния.

Е Минь Жень не обращал на это никакого внимания. В хорошо устроенном государстве цена деятеля определится после его смерти. Поэтому сейчас не время думать про опасности.

Бомба попала в постройку здания европейского образца, которое возводилось под наблюдением писателя, возвратившегося из эмиграции и хорошо знакомого с западной цивилизацией. Чем же его теперь занять, если Ашунг остался жив? Вошедшие чиновники доложили, что на постройке западного здания начался пожар.

Несмотря на осадное положение, жизнь в Кантоне идет своим чередом. Губернатор, который заведует гражданской частью, Пей Квей, также находится в своем ямыне. Прокламации непрерывно составляются его писателями, печатаются и распространяются. Казни продолжаются, как и вчера. В эти дни казнили изменников. Сегодня казнят трусов и дезертиров. Если такие не попадаются, то дано повеление казнить кого попало, объявлять при этом, за что им рубятся головы. Особо опасных преступников помещают в подвал тюрьмы связанными, где имеются крысы. Происходит воспитание народа в духе единства. Цин Кун сообщает, что орудия в порядке, ружья и пушки на руках у бывалых солдат.

Ближайшие помощники Е Минь Женя: губернатор Пей Квей, китаец со ржавчиной на физиономии и маньчжур генерал Цин Кун, командующий войсками, у которого по документам семь тысяч образцовых солдат. На них из Пекина присылаются деньги. Сам маньчжур огромного роста. Оба на боевых постах в своих ямынях. Непрерывно присылают сообщения, что происходит. Бомбардировка дьявольских кораблей не в силах помешать главному передвижению государственных документов внутри города. Чиновники Е также докладывают, ходят и устно все излагают.

Оставаясь один, Е гадает во время боя.

Про маршала Е, подававшего в этот грозный час пример самообладания, нельзя все же сказать, что он споко-

ен. Сегодня он мучается, и мучается жестоко, ему не дает покоя его старый недуг — зов смерти. Он так много пытал и убил людей, что сроднился со смертью. Он увлекался книгами по некромании. Е женат, но у него нет детей. Его больной племянник — последний в семье Е. Смерть подбирается ко всему старинному роду. Кроме смертей и пыток, Е Минь Женя ничего не интересовало. Он все чаще обращался к предсказателям, и за плохие предзнаменования приказывал их мучать. Он обращался к гадальным книгам и постоянно навещал деревянного болвана в своем саду. Идол чертил палочкой на песке знаки, означающие предсказания судьбы. Может быть, болван при ветре двигался, Е рад был ветрам и все толковал по-своему. Е стремился вычистить отвратительную свалку нечистот в своем мозгу. Свои тайны он умело скрывал. Улыбка бодрости неизменно появляется, когда он слушает о возрастающей опасности. Он написал в последнем письме к Элгину, что как к последнему утешению прибегает к предсказаниям идола. При всей вере в предзнаменование и в судьбу он страшился Элгина и под конец попытался быть с ним откровенным. Это и насмешка над всесильным варваром, который не верит в наши предрассудки, и горькое признание, что Е готов ко всему, покорно ожидает свою судьбу. Начинайте!

И вот они начали!

— Идите! Идите сюда! Что? Они уже идут!

Удар бомбы прямо в стену ямыня. Вышиблены камни, и образовалась дыра. Это они хотят, чтобы миллион кантонцев и тридцать миллионов жителей провинций, подвластных Е, узнали и увидели, что сделали варвары со стеной ямыня. Опять бомба... Флот усиливает пальбу по городу.

Доложили, что одна ракета ударила в посольский корабль и убила там людей. Может быть, посол и адмирал убиты? Надо объявить народу!

Ночью все вокруг пылало, но по ямыню Е не стреляли. Е не ложился спать и не терял свежести. Он сидел в кресле, его голова вполне ясная.

Утром доложили, что с реки высаживаются англичане и французы. Составляются прямоугольники из красных и голубых мундиров. На берегу расставлена артиллерия.

Эллиот появился под западной стеной Кантона со своим морским войском. Они высадились выше Кантона совсем с другой стороны и переправились через канаву, которая течет параллельно городской стене, прошли мимо хутора под ивами и через пригород с лачугами и с опустевшими блоками иностранных купцов. Морская бригада выстроилась недалеко от кантонской стены. С ней вместе отряды китайских предателей с лестницами, как с огромными деревянными ногами.

Французы начали битву. Пал форт Лин.

Англичане снимают ранцы и складывают из них целые горы. На Хонане красные мундиры готовятся к переходу реки. Когда прибудут — увеличат число штурмующих. Они также оставили ранцы. У них в руках только ружья. Они садятся на множество шлюпок. Французы уже все переправились через реку. После взятия Восточного форта они готовятся к атаке на Северный. С ними пушки англичан. И всюду: на Хонане, на судах и на кантонском берегу на север, на восток и на запад от Кантона, отряды гонконгских китайцев. Англичане с западной стороны Кантона. Французы с восточной. Варвары окружают город и хотят встретиться на севере.

Морская армия на суше, которой командует Чарльз Эллиот, двинулась всем своим широким строем к стене. Вместе с англичанами кули несут складные лестницы. Они также несут все грузы, которые понадобятся английскому стрелку в сражении. Французы несут грузы на своих спинах.

Отряды английских китайцев составлены из людей большого роста. Они сильные, исполняют все быстро и умело. В китайской одежде, все с косами, но вместо иероглифа, который нашит на кофте у правительственных солдат, у них на халатах и на конических шляпах английские надписи. Всем будут срублены головы за измену, они знают, на что идут.

Англичане разбились на отряды. Лезут на стену, рычат при этом, как и наши, залезают на стену и дерутся молча. Часто стреляют в маньчжурских солдат из пистолетов.

Е все еще не шевелился. Его лицо принимает выражение лукавства, словно он, как сказочный лис, хотел бы стать оборотнем и выскользнуть. Он не приказывает поднять свое тучное тело и отнести на городскую стену, что-

бы видеть панораму боя. Татарский генерал также не смотрел битву и не поднялся на стену. Гражданский губернатор и не обязан этого делать, в его распоряжении налоговые книги, полиция, тюрьмы... Также сокровищница. Так все командующие остаются в своих дворцах, давая указания из-за стен, обдумывая ход событий и веря в победу. Но лучше куда-нибудь убраться в более безопасное место.

Тысячи штурмующих окружили Кантон. Адмирал и генерал англичан и адмирал французов замечены, они переправились и высадились на берегу. Их войска еще продолжали высаживаться. Выстроились тремя колоннами и долго стояли. Подняли разноцветные знамена. Двинулись. Заиграла музыка. Оказывается, их очень много. Кули с ними. Общее количество все время увеличивается. Глазам не веришь, что такая масса народа могла быть доставлена на кораблях.

— Мне кажется, их несколько десятков тысяч... Форты пали... — пояснил племянник Е, который любит все новое и загадочное. У Е нет сына. Это его сын. Ему все прощается. Он приходил и с удовольствием рассказывал про врагов, что у них делается на поле боя. Кантон окружен! А он этому радуется!

Французы взорвали мину в подкопе. Стена обвалилась. Французы не лезут на стену, они хлынули в пролом и вошли в город.

Под огромным деревом ивы, за канавой, с северной стороны Кантона, находится целая деревня из крестьянских фанз. Она занята англичанами. Там под большой ивой появился лорд Элгин. Он верхом на небольшой лошади, одет очень просто. Пальбой его солдат и пушек снесены со стен все защитники. Только кое-где храбрые солдаты сопротивляются. Взрыв! Грохот! Еще один подкоп под крепостную стену. Амурские солоны с луками и стрелами пошли в бой.

Е велел срезать голову Ашунгу в два приема, рубить до половины, а потом допилить. Это будет доказательство бдительности. Докажется достоинство Е в глазах правительства Пекина, засвидетельствует присутствие духа во время опасности.

На стене храбро сражаются отряды добровольного сопротивления из кантонских горожан. Прорываясь через англичан, бьют и убивают английских китайцев. Видя, что войска не могут справиться, жители массами броси-

лись на защиту города. По документам и отчетам в Кантоне семь тысяч маньчжурских войск, но на самом деле их гораздо меньше, часть средств уходит на разные другие нужды. Недостаток войск и нехватка оружия восполняются патриотизмом китайцев. Своими листовками Е объяснил цели врагов и призывал население к защите города и к борьбе против захватчиков. Англичане лгут, объявляя в своих листовках, что население Кантона их ждет.

Бомба лопнула над Восточной приемной ямыня. В Западную приемную до сих пор бомбы не попадали, туда не стреляли. Ямынь Е долго щадили по какой-то причине. Они хотят взять Е живым.

Е угнетает догадка, что Элгин все рассчитал, все знает, что делается в городе, и определил, где кто и как должен действовать. Эта бомбардировка подобна крысам в кантонской тюрьме. Понемногу, кусками, взрывы губят город. Элгин и Боуринг не берут себе денег королевы, назначенных на флот и армию, а подсчитывают расходы и хотят захватить Китай и заставить его за все заплатить.

Эллиот спрыгнул со стены на плечи моряка и с пистолетом в руке бежит сюда. За ним, как волки за вожаками, мчатся рыжие дьяволы.

Взрыв бомбы на крыше ямыня. Хлынул поток черепицы, с конька полетели резные и глиняные звериные головы. Еще взрыв. Идол в саду разлетелся в прах и в щепы по песчаной площадке, где он чертил палочкой знаки, корректирующие судьбу Е. Образовалась яма. Черная яма. Это летающая черная дыра, символ смерти, идеал некромана. Идолу так и надо! Он свое получил. Е изучал смерть и любил превращать живых в мертвых, он философ и поэт смерти. У него есть библиотека по этим вопросам и предметам. Смерть не пощадила идола, предсказателя судеб хозяина жизни и смерти. Е злорадствовал. Он открыл рот от удовольствия, но почувствовал что-то неприятное, донесся запах гниения; это от длительного соблюдения важности и молчания.

Эллиот? Я убил его китайскую жену. Это хорошо, подумал Е. Иди, иди сюда!

Элгин перешел канаву, слез с коня. Он вышел из-под ивы и стоит с двумя варварами в двухстах локтях от стены и смотрит, как на стенах еще дерутся. Докладывающие встают, волнуются и все путают.

— Но... О-ё-ха! — Бомба лопнула над головой Е. С потолка и со стен ему на шапку и на стол, на лицо и на лысину полились потоки хлама. Все вокруг в пыли. Е приподнялся в кресле, как на пружине, вскочил и, вытирая пыль и пот шапкой, стремглав выбежал из комнаты на своих крепких ногах лихого воина и опрометью помчался по двору. Е при этом почувствовал, какие у него еще молодые силы. Он испытывал облегчение. Больше не было зова смерти, а было спасение от нее во всю прыть.

Глава 10

БАСТИОНЫ МОГУЩЕСТВА

Шел дождь, переходя временами в тропический ливень, приносимый ветром; возбужденные «бравые» и французы, а с ними не уступающие им в ярости бенгальцы и пенджабцы, с еще большей решимостью сражались в хлещущих потоках воды и добивали «небесных» всех и всюду, мстя за своих отравленных газами и изуродованных товарищей. Это продолжалось и после боя, расправа шла в лавках, домах и в магазинах. Чинчин сноровист, он скалится и норовит обмануть и зарезать острым оружьем, ему тоже строишь рожу и валишь его выстрелом или ударом штыка. С кем поведешься — от того и наберешься. Пока не схлынул жар битвы, ясно, что в плен не брали, их некуда девать, если брать, то может сдаться весь Китай, все захотят в плен; насмотрелись на сытые физиономии наших кули. Впрочем, не очень-то просятся они в плен, был момент, когда хлынула из города такая масса оборванцев, вооруженных чем попало, что даже опытные парни оторопели. Команды кораблей слишком долго поглядывали на богатый город и выслушивали благородные назидания капитанов и командования про гуманность.

Кули уносят наших раненых, спасают их от добивания кантонской чернью, сами бьют и убивают мародеров, а там, где на бастионах бой еще продолжается, сбрасывают, сталкивают «небесных» братьев со стен. Английские китайцы подбирают брошенное оружие, подают припасы, подносят воду. Без них британские солдаты, как дети без нянек.

Стены Кантона взяты. Город в кольце союзных войск.

На стены подняты пушки. Пыл боя стихает. Маринеры, пехотинцы и «синие жакеты» разбиты на отряды. Во главе каждого опытный офицер. Смит спешит в ямынь Е, с ним Вунг и команда красных мундиров. Эллиот уже там. С ним неизменный сподручный и телохранитель «коксвайн» * Том и команда «синих жакетов», все уже в ямыне Е. С коммодором детективы из Гонконга, владеющие пиджин. Несколько чиновников дают показания. Смит и Вунг поспешили на помощь.

— Где Е?

— Не знаем, — отвечал один из чиновников.

— Он тут был? — вмешался Смит.

— Нет, тут никого не было.

Ждать и толковать некогда. Смит оставил Вунга с Эллиотом, чтобы помог разобраться.

Смит в ямыне в первый раз, но он тут как у себя дома, знает все ходы и выходы. С планами и донесениями шпионов все сходится. С чиновниками пусть разбирается Эллиот с переводчиками и Вунгом. Смиту некогда. Он на острие бритвы: «To be or not to be?» **

Смит с солдатами без лишних поломок открыл запоры и решетки на дверях хранилища. Архив тут. Бумаг много. Какая поэзия и какое страдание для разведчика! Как все это охватить? Ведь тут могут быть драгоценности. Могут оказаться письма Путятина. Тут все доносы американцев и китайских шпионов из Гонконга. Тут государственные бумаги самих мандаринов. Тут можно узнать, как высшие властители Китая между собой переписываются и как они судят о нас. Сразу не разберешься. Но где же мои верные корреспонденты, мои друзья из Задней Западной Приемной? Без них и не найдешь сразу того, что срочно надо. Шпионили, писали, а когда надо — струсили и исчезли. Искать их? Может быть, их казнил Е? Не всех же. Смит чутьем улавливал, что его корреспонденты должны быть где-то поблизости. Если они живы, то трутся вперемежку с мандаринами, которые притворяются и врут, отвечая на вопросы Эллиота.

В ямынь Е прибыл командир корпуса китайских кули капитан Холл. У него на мундире нет ленты, как у его кули, с надписью по-китайски и по-английски, но иероглиф на груди: «Отец и наставник». С ним офицеры и

* Загребной (в этом случае загребной на коммодорском вельботе, обычно самый сильный гребец).
** Быть или не быть?

старшины военных кули. Рядовые кули не входят, они ждут у входа, всегда у отца под рукой.

— Это не ямынь Е, — объяснил тем временем Эллиоту чиновник с усами.

— А что же это?

— Просто контора, — сказал молодой человек.

— Такая большая?

— Да.

— Они врут, — пояснил Вунг.

Коксвайн Том, уловив никому не заметный знак коммодора и делая вид, что ему самому надоело вранье, схватил молодого чиновника за косу. Из гуманных соображений обычно начинали бить молодых, а к старым переходили по мере необходимости. Коксвайн въехал своим кулачищем, похожим на боксерскую перчатку, в физиономию чиновника. Тот упал. «Синие жакеты» принялись его охаживать и не давали встать.

Чиновник катался по полу и закричал, что Е здесь. Просил больше не бить.

На крики пришел Смит.

— Он здесь. Но убежал. Сам убежал.

Смит поднял избитого и, отозвав в сторону, что-то тихо сказал ему.

— Да, это я, — ответил чиновник.

— Здорово же тебя разделали. Наш человек! Ну, так бывает. Свои обычно кажутся подозрительными. Привык притворяться и перестарался. В нашем деле приходится помнить, что свои же могут разделать под орех.

— Мы разберемся, сэр, — сказал Смит коммодору и увел своего шпиона с таким видом, словно намеревался его утешить.

— Е нет. Сокровища вывезены? — шел допрос.

— Где Е?

Мандарины стали посговорчивей.

— Про сокровища знает Пей Квей. Он этим заведует.

— Где он?

— Близко.

— Идем... Где Е?

— Найдем человека, который знает.

— Кто пойдет? Ты...

— Я...

— Пошли!

Коксвайн и «синие жакеты» повели мандаринов под

штыками. Усатый шел и вытирал кровь на лице рукавом халата.

— Прочь с дороги! — приказал Вунг у входа в ямынь гражданского губернатора. — Бросайте оружие!

Четверо маньчжурских солдат положили ружья.

— Открыть двери! — велел Эллиот. Он ждал у входа. С ним капитан Холл и лейтенант Артур, подошедший со своими матросами.

Смит не мог удержаться, чтобы не принять участия в подобном приключении. Он оставил своих шпионов под сильной охраной солдат и офицеров пятьдесят девятого полка, а сам с двумя красными мундирами прибежал, как лягавая на дичь.

Смит, Вунг и отряд «синих жакетов» вошли первыми в просторную комнату ямыня гражданского губернатора, или, как называли британцы, лейтенант-губернатора. За ними вошли коммодор и офицеры. Прошли через анфиладу комнат. Пусто. А известно, что Пей Квей здесь.

— Где он? — взял мистер Вунг за ворот усатого чиновника.

— Здесь.

— Где здесь?

— Дальше.

Держа чиновников под приставленными к их спинам штыками, пошли дальше.

— Здесь!

Дверь торжественная, как священная скрижаль, как вход в сокровищницу империи, тяжелая и огромная, как ворота, вся в резьбе и золоте.

Оказалась толстая и заперта наглухо. Резьба полетела в щепы. Несколько ударов ломами и топорами, и дверь треснула и распахнулась. За столом сидел Пей Квей и кушал палочками рис. Перед ним стоял слуга и почтительно подливал соус в кушанье, а в маленькую чашечку ханшин.

— Лейтенант-губернатор Пей Квей? — спросил Смит.

Пей Квей что-то процедил сквозь зубы, вытер усы.

Пей Квей предложил садиться, поглядывая на изломанную дверь.

— Где генерал-губернатор Е Мин Жень?

— Разве он не у себя?

— Где?

— Там, где всегда. В губернаторском ямыне.

— Там нет никого.

— Он должен там быть.

— Нам сказали, что известно вам, где Е.

— Кто сказал?

Ему не ответили.

— Разве? Тогда он куда-то ушел, — с недоумением отвечал Пей Квей.

Губернатора допрашивали. Толку пока не было. Вокруг ямыня собралась толпа любопытных. Жители города начали успокаиваться и проявлять любопытство. Тут же сильная оборона. Бить Пей Квея нельзя. Еще может пригодиться, Элгин велел не обижать высших администраторов. Как обычно избивают тех, кто действует не своим умом, а исполняет.

— Мы напали на след, — сказал один из офицеров, прибывший с патрулем.

— Нашлись люди, которые знают... — подтвердил детектив, — но надо проверить.

Губернатор пояснил, что сам он ведает гражданской частью, что Е не сообщал ему заранее о своих намерениях. Гражданский губернатор заведует налогами, порядком в городе, тюрьмами...

Охранять гражданского губернатора оставили отряд «красных мундиров» с двумя офицерами.

— Вызовите слуг Пей Квея, — отдал распоряжение Эллиот переводчикам. Приказал позаботиться о доставке губернатору продовольствия. — Не лишайте его всех привычных удобств. Не спускайте с него глаз, — приказал он офицерам. — Держите в ямыне внешнюю и внутреннюю охрану. Пусть Пей Квей находится под строгим домашним арестом.

— Тут неподалеку еще один ямынь, уверяют, что Е там... — докладывали Эллиоту.

Никто не чувствовал усталости. Когда шли по улице, в домах слышались вопли женщин и детей, оттуда выглядывали «синие жакеты» и при виде коммодора и офицеров шли по свисту товарищей, предупреждавших об опасностях, выскакивали, приводя себя в порядок. Эллиот послал коксвайна с матросами наводить порядок. Он знал нравы «жакетов». Особенно рьяные успевают грабить во время схваток. Грабежи и насилья, без убийства или ранения, преступлениями у них не считаются.

— Нам сказали, что в этом доме прячется Е, — быстро входя в ямынь, сказал Смит, направляясь к столу,

заваленному бумагами, за закоторым сидел молодой китаец с видом ученого.

— Да, это я.

— Вы... Вы? Это вы? — удовлетворенно и с оттенком злорадства воскликнул Смит.

— Да, это я... — с важной осанкой, разваливаясь в кресле, ответил ученый. Он не так молод, как показался на первый взгляд, в среднем возрасте.

— Вы генерал-губернатор, командующий армией и так далее. Но вы такой худой, щуплый. Как я рад. Я не узнал вас.

— Да, да!

— Вы мистер Е, ваше достопочтенное имя... Как я тронут! Как счастлив! Ведь я знаком с министром Е. А ну, встань! — зарычал Смит, выдвигая нижнюю челюсть и выводя ученого из-за стола, опять перешел на любезный тон. — Мне кажется, что вы не мистер Е... Отвечайте. Мистер Е очень толст и он выше вас. У него бычья крутая голова... Ах, как вы похудели. А ну выйдите на середину комнаты. Джек, помогите ему, поддайте по заду. Да вы же совсем маленького роста по сравнению со мной. Что вы так смутились? Вы усохли, мистер Е? Что с вами... Смотрите, что-то летит прямо вам на голову.

Китаец испуганно отшатнулся, подымая голову влево, и в это время Смит своей длинной ногой ударил его сперва по щеке.

— Какой маг и колдун Е, он ревнив и мстит самозванцам, насылая на них таинственные удары. Все летят на вас. Ах, я понял. Вы правы. Вы — Е. Но вы же племянник маршала Е. — Опять удар ногой по морде.

— Простите меня.

— Где комиссионер Е? Немедленно говорите!

— Это я...

— Идите со мной. — Смит толкнул китайца револьвером в спину.

— Он лжет! — сказал Вунг.

Эллиот и Холл оставили дело на руки Смита.

— Опять обман! — сказал коммодор.

По улице матросы вели человека огромного роста без шапки, со связанными руками. Смит, догнавший коммодора, сказал, что это маньчжурский генерал Цин Кун, командующий войсками.

— Как ни в чем не бывало сидел в своем ямыне, — сказал взявший его Форсайт, — они делают вид, что ни-

какой войны нет. С Форсайтом пришли Маркес и Вейд.

— Что он говорит?

— Что во всем виноват Е, — заметил участник захвата командующего, переводчик Маркес, английский еврей в форме лейтенанта, еще недавно служивший в конторе парижского Джеймса Ротшильда в Кантоне, как Вейд у епископа в Гонконге.

— А сам уверяет, что его все это не касается.

— У генерала самый большой ямынь в Кантоне, — продолжал Маркес, — огромный двор, как плац-парад, павильоны на тысячи спальных мест, но всюду пусто, с крыш валятся на полы куски гнилого дерева. Этот генерал не ремонтировал свой ямынь со всеми казармами и залами, прокурил казенные деньги... А сам жил в угловом флигеле. У них солдаты живут с семьями по домам, а деньги на содержание войск идут в карман генерала. Вы только посмотрите на морду этого страшилища...

— Зачем ремонтировать помещения, в которых никто не живет? — спросил Маркес по-китайски у генерала.

Генерал кивнул головой.

А мешки с серебром уже несли из сокровищницы. Назначенная комендатура Кантона добралась до государственных драгоценностей генерал-губернатора. Сокровищница находилась на одной из ближних улиц. Мешки с серебром несли кули под охраной солдат. Тут же офицеры с револьверами. Множество жителей города предлагало свои услуги. Многие подбегали, плакали, жаловались на грабежи и насилия.

— Сама сокровищница взломана, и там творится что-то невообразимое. Дождь льет, а там грабят сами китайцы. Свою государственную казну! — рассказывал офицер, руководивший конфискацией казны Е. — Мы взяли золото и серебро, как нам было приказано Элгином. Запрещено брать что-либо, кроме металлов и драгоценных камней. А там меха, фарфор, дорогие одежды. Там побоище из-за всего этого... Да, посол запретил нам брать что-либо, кроме металлов.

Смиту пора браться за архив. Ученого, назвавшегося племянником Е, посадили в одной из комнат ямыня и приставили охрану. Смит попросил его подумать, где находится Е.

— Может быть, Е бежал из города? — говорили между собой офицеры.

— Нет, город окружен, ворота охраняются. Многие кантонцы стараются покинуть свой город, но в каждых воротах стоят люди, которые опознáют Е, — говорил комендант города, битвы и крепости Моррисон. — У нас точные сведения, что Е в городе. Если кому-то приказали выдать себя за Е, то хотели выиграть время. Живо за дело!

Из города кули выносили на носилках убитых и раненых.

Сегодня между адмиралом и сэром Джеймсом произошло объяснение.

— Сэр, — говорил Сеймур вернувшемуся на свой корабль послу. Адмирал также возвратился на корабль, но обстоятельства требовали его обратно в город. Там шел грабеж. Свирепствовали китайские мародеры и убивали попадавшихся им в одиночку британцев и французов. Город взят, но оставался вне нашего влияния. — Убитыми и ранеными мы потеряли девяносто шесть человек. Это по предварительным подсчетам. Погибло пять наших офицеров. Цена гуманной диспозиции генерала. Я предсказывал, что так и будет. Небывалые потери!

Майкл Сеймур сквозь холодность обнаружил негодование. Он объяснил причины, по которым возвращается в город.

— Дипломатическая уловка внушать враждебному народу, что воюют не с ним, а с его эксплуататорами! Почти сто жертв на алтарь парламентского лицемерия!

Войска ночевали в палатках. Дождь стихал. Лагеря союзников с козлами ружей и кострами, расположенные на стенах, охватили город кольцом. В самом городе заняты ямыни и некоторые здания.

На рассвете небо было мрачным, и дождь мог возобновиться. Войска после вчерашнего боя и грабежей велено было поднять на стены. А также из опасения ночных нападений китайцев. Миллионный город в кольце, но что там происходит — неизвестно.

Сумерки рассеялись, и часовые увидели на главной улице Кантона, на проспекте Миролюбия, отрезанные головы с косами, воткнутые на шесты и образующие подобие аллеи, обсаженной деревьями. Казни совершены ночью. Никто ничего не слышал. Во тьме были слышны какие-то вопли, мало ли что могло происходить. За всем не уследишь. Вчера «синие жакеты», перебив в бою защитников Кантона и добровольцев, с яростью мстителей ворвались

на Магазинный Холм, который давно манил всех матросов на эскадрах южных морей, как недоступная обетованная земля. Все ринулись на торговые улицы и в богатые кварталы и учредили там такой разгром, что адмирал не на шутку встревожился, приехал и кричал на офицеров в ямыне Е, что надо немедленно отдать приказ и вернуть всех на борт кораблей. Адмирал не желал расхлебывать всю эту кашу. У «синих жакетов» свои понятия. Уж не говоря о французах. Солдаты пехоты поскромней, все они живут на берегу в Гонконге, со всеми вытекающими из этого последствиями. Афганцы и бенгальцы при грабежах теряли облик человеческий, но побаивались британцев и французов.

Сегодня все команды моряков снова готовы к вступлению в город, но объявлено, что никто и никуда не пойдет. Предстоит торжественный въезд посла в завоеванный город. Все войска приготовились к параду.

Никто не предполагал, что за ночь совершатся кровавые злодеяния. Очевидно, это сделано с целью доказать захватчикам, что Кантон не сдался и миллион его жителей живет своими глубокими убеждениями. Заодно это напоминание кантонцам, что ждет каждого из них, кто откажется добровольно сопротивляться «заморским дьяволам». В городе скрывался Е и упорно требовал от горожан самопожертвования.

По улицам, для наведения порядка, прошли сильные патрули союзников. Нигде никакого сопротивления не было оказано. В любую часть входят отряды англичан и французов. Но никому отставать нельзя — зарежут. Такой случай уже произошел с утра.

Несмотря на запреты командования и свирепость кантонских мстителей, искатели приключений отлучались самовольно в любое время дня и ночи, чтобы проникнуть в дома и магазины.

На кантонских стенах грянула военная музыка. Всюду строились войска.

Гребной катер пристал к берегу, и посол со свитой сошел.

Издали послышались крики «ура!». Кричали на кораблях, в городе и на стенах. Войска под стенами, и на берегу, и на улицах. Крики нарастают и приближаются. Масса жителей заполняет улицы. Многие приветливо машут руками и флажками. Посол едет верхом на пони, окруженный офицерами, в сопровождении сильного эскор-

та. Марш открывают «красные мундиры», краса и гордость Британии. Шагают колонны моряков. Крики нарастают. Все в восторге при виде посла королевы. Он был вчера во время боя, стоял под ивой, сойдя со своего пони. Но считается, что посол впервые вступает в покоренный город. Это событие великого патриотизма. Гордость нации растет. Коксвайн Том, мастер гребли и кулачных драк, смотрит на посла, волнуясь, даже у него слезы восторга напрашиваются на глаза.

Шагает полубатальон бенгальцев. Идут пенджабцы в чалмах. Картинно маршируют красавцы французы с бородками. Рядом с Элгином едет в коляске барон Гро. Тут оба адмирала и оба генерала, масса офицеров.

Послы поднялись на одну из башен. Там устроено нечто вроде королевской ложи.

Оркестр грянул «Боже, храни королеву». Непобедимая, неприступная веками крепость Кантон, самая крепкая цитадель. Символ мощи Небесной Империи. Стена построена вокруг города. Вдруг весь миллион народа вздрогнул. Главная твердыня, башня, с которой еще вчера стреляла артиллерия Е, подпрыгнула и при грохоте, подобном удару грома, разлетелась, превращая ближние кварталы города в груды топлива.

— Но где же Е? — шел разговор в ямыне. Все офицеры хотели бы это знать, как и обратившийся к ним с подобным вопросом посол. Где же он, в этой массе кварталов, в этом миллионном городе?

Сидя в Задней Западной Передней, посол выслушал доклад Смита о том, что ему удалось выяснить.

Писем Путятина в архиве нет.

Элгин был уверен в этом. Приятно, когда сохраняешь хорошее мнение о порядочном человеке, которому веришь. При тайной проверке его бумаг таким он и оказывается. Это похвала достоинству и доверчивой твердости самого сэра Джеймса.

Разговор продолжался за огромным столом губернатора Е, который похож на алтарь в буддийском храме, где всегда должно быть достаточно места для жертвенных приношений, которые потом священники передают своим домашним и служанкам на кухню.

Во дворце Е для сэра Джеймса приготовлены комнаты. Здесь решатся дальнейшие дела. Но сэр Джеймс сказал, что на ночь он возвратится на «Фьюриос».

Погода менялась. Дождь прекращался.

После парада всех родов войск, музыки и торжественных маршев, после гимна и восторженных криков, обращенных к послу и главнокомандующему, после того, как была разыграна последняя карта и взрывы потрясли Кантон, а две башни взлетели на воздух и превратились в развалины, и опять гремела музыка и грохотали салюты, а население города заполняло и заполняло улицы, а пыль облаком неслась над крышами от разрушенных твердынь, — после всего этого произошло ужасное событие. Молодые сердца дрогнули.

По окончании торжества в экипажах был зачитан приказ адмирала. Всем командам немедленно возвратиться на борта своих кораблей... При этом, конечно, нет правил без исключения, в приказе не оговорено, но Эллиоту с его ударной силой дозволено задержаться. Там из «синих жакетов» и китайцев составляется отряд поимки Е. Экипаж «Сибилл» и коммодор Эллиот исполняют особое поручение.

А жаль... Жаль остальным морякам уходить в свои плавучие общежития. Велено немедленно садиться в шлюпки и баркасы и убираться вон из города. Как жаль... «Синие жакеты» поглядывают на Магазинный Холм, как на покинутую возлюбленную. А с китаянками ничего не станет. Их же не резали и не убивали. Они только кричали: «Ое-ха! О-е-ха!»

Посол ехал на пони в окружении конвоя пенджабцев. Он возвращался на ночь на корабль. «Синие жакеты» восторженно приветствовали его. На этот раз им казалось, что посол примерно в таком же положении, как и они. Как им, ему также ничего не дозволяется, приходится уезжать на ночь из города.

На груди у картинных пенджабцев огромные кинжалы, на головах чалмы, у всех бороды, а в руках обнаженные кривые клинки. Полубатальоны красных мундиров открывают и замыкают шествие. По сторонам улицы стояли бенгальцы с ружьями. А китайские кули движутся вереницей с закрытыми телами на носилках. Это маленькое шествие замыкает «отец и наставник» капитан Холл с иероглифом на красном мундире.

На кораблях моряки могли разбирать и оценивать свои находки. У них не рылись в мешках, никто не доходил до такого унижения.

Сеймур не шутил, он мог наказать за пустяк. Мог забить палками насмерть.

Было еще светло. Долго «синие жакеты» поглядывали из-за бортов, как с плавучих гауптвахт, на город — мечту моряков всего мира. Знали и прежде, что Кантон богат, но никто не ожидал, что там такие магазины, зайдешь, и чуть-чуть слышен запах модных шелков и травяных духов, висящих в мешочках для придания аромата множеству первосортных товаров. Учтивые приказчики безукоризненно вежливы. Моряки сбивали с них шелковые шапочки, хватали их за косу и выбрасывали вон. Теперь даже не верится, как все происходило... В магазинах, видно, ждали покупателей. Если магазины закрывались, матросы их взламывали, разбивали двери складов. Туда же лезли грабители китайцы, резали британских моряков. Начиналась стрельба. Прибегали патрули наводить порядок...

Глава 11

NO LOOTING*

— The eccentricities of the British Sailor are held under strong repression! ** — сказал корреспонденту Вингроф Куку, шагая с ним при ярком утреннем солнце по кантонской стене, в сопровождении своих офицеров капитан Моррисон, — провост-маршал. Это очень почетное звание, напоминающее деканов университетов, а также маршалов в армии и при дворе. Оно дается офицеру, назначенному на время боевых действий на должность, которая в других армиях именуется начальником военной полиции или комендантом взятой крепости. Провост-маршал располагает почти неограниченной властью и всеми нужными полномочиями.

Моррисон при палаше, в мундире с пуговицами, сияющими в лучах восходившего солнца еще ярче на фоне красного сукна. Он в сапогах и в белом шлеме из пробки, на которой накинута белая хлопчатая материя. Все офицеры при оружье, в белых шлемах. Тут же мистер Вунг. У него разные обязанности, и он много помогает. Капитан Холл, «отец и наставник» батальонов кули «милитери сервис», по левую руку Моррисона. За ними «Red coats» ***, солдаты с примкнутыми штыками. Капитан

* Никаких грабежей.
** Выходки британских матросов строго наказываются.
*** Красные куртки (солдаты).

Холл и двое «военных кули» — богатыри в халатах с гордыми надписями на груди.

Утренний обход аванпостов по широкой, как highway, * крепостной стене, уже обжитой англичанами и французами. По всей стене пылают костры. Войска готовят завтрак. На фортах и башнях союзные флаги. В стенах зияют провалы от двух взорванных вчера башен.

— Каждого, кто замечен хотя бы в десяти ярдах от наших аванпостов, я приказал немедленно пороть! — тоном, в котором не слышно ноты компромисса, продолжает провост-маршал.

— Но люди, которые готовят свой завтрак у всех этих костров.. — заметил мистер Кук вежливо и твердо, как человек, чувствующий за собой мировое общественное мнение.

— Что бы вы хотели сказать? — не поворачивая головы, вымолвил на ходу Моррисон.

— Свидетельствуют... о необычайном для наших мальчиков изобилии парной свинины и домашней птицы.

— Немедленно будет выпорот каждый, если только он не француз! — ответил провост-маршал. — Галантным союзникам мы не можем запретить. Флаг не приказывает флагу.

— В самом деле, свинина в изобилии! — подтвердил капитан Холл. — Where did you loot this pig, gack? ** — спросил капитан Моррисон у одного из морских солдат, жарившего на костре свиные вырезки. — Loot, sir, we never loot! *** — вытягиваясь, отвечал шустрый молодой солдатик с чистыми голубыми глазами. — There is an order against looting, and it's pretty strict as we know! ****

Его товарищи стояли навытяжку и смотрели так же ясно и уверенно.

— Но где же вы добыли этих свиней? А ну, отвечайте, джек!

— Я должен сказать, сэр... ночью холодно... Мы жжем костры всю ночь... также внизу на аванпостах. Кажется, я не ошибаюсь, если скажу, и это всем известно, что здешние свиньи так голодны, что идут на свет. Наши часовые принимают их за китайцев, подползающих с дур-

* Столбовая дорога, тракт. В наше время — скоростная автомагистраль.

** Вы посмели грабить, джек, откуда эта свинья?

*** Грабить, сэр, мы никогда не грабим.

**** Имеется приказ против грабежей, это строжайше запрещено, как мы знаем.

ными намерениями... за крадущихся китайцев. Они обязаны стрелять...

— Таким образом, каждое утро мы находим нескольких свиней с перерезанными глотками, — подтвердил солдат постарше.

Кук заметил, что капитан Моррисон, как и капитан Холл, и китайские воинские старшины, и мистер Вунг, нашли это объяснение вполне удовлетворительным.

Вооруженный патруль во главе с провост-маршалом пошагал дальше. Кук полагал, что тут может быть выдвинуто благоразумное объяснение, что китайцы режут свиньям горло, как изменникам, стремящимся в стан врага. Можно предположить, что это форма бдительности.

На пролете стены за следующей башней на кострах жарились и варились прекрасные золотистые карпы. Таких разводят в прудах при храмах.

— Подойдите сюда! — приказал провост-маршал. — Откуда карпы в таком изобилии?

Оказалось, что все началось вчера во время дождя. После ужасного происшествия, хорошо известного капитану Моррисону. Несколько солдат морской пехоты зашли в закрытый хозяином магазин. Им удалось открыть двери, так как они искали неизвестного, стрелявшего с крыши. Все были внутри, когда раздался взрыв. Оказалось, что под полом магазина находился порох. Один человек был убит, из наших два маринера ранены.

— Тогда мы обыскали соседние опустевшие дома, а также кладовые. Было обнаружено много пороха...

Все это походило на уловку.

— No Looting, sir! * — уверяли солдаты.

— Найденные запасы пороха надо было обезопасить, — уверяли солдаты. — Мы выбрасывали их в воду, совершенно не зная, что это храмовый пруд с золотыми карпами. Все рыбы всплыли, и нам приходится их съедать, чтобы не допустить гниения.

Какое дельное объяснение. Как обстоятельное научное исследование. В каждом из этих солдат таится ученый.

«Как бы они объяснили, — подумал Кук, — если бы Моррисон спросил, откуда попали в костры доски и брусья, обломки стен и крыш, полов, части переломанной мебели?.. Голодная свинья еще могла сама передвигаться, завидя свет, но... Впрочем, ответ придумать просто, остатки зданий, разграбленных китайцами во время бомбар-

* Никаких грабежей.

дировки и пожаров... Они могли бы стать пищей для поджигателей. Мы убрали руины, из которых в нас стреляли лазутчики! В которых они могли бы скрываться. Как можно оставлять такие завалы...»

Все это потом окажется материалом для статей мистера Кука, интересно для прессы и общественного мнения.

Стены заняты, но город все еще в руках китайцев. Что же дальше? Е где-то в городе. Он скрылся. А о курицах и свиньях, прилетающих на огонь, как бабочки, — потом...

— Мой дорогой! — воскликнул Эллиот, встречая мистера Кука, спустившегося со стены после обхода аванпостов и явившегося в ямынь генерал-губернатора Е вместе с мистером Вунгом. В саду при ямыне цвели азалии и миндаль. Вышел Смит и сказал, что пока не может найти некоторых нужных ему документов. Видимо, часть архива Е вывезена.

— Я покажу вам, что старый Е не дремлет. Идемте.

Коммодор повел корреспондента на балкон, с которого видна главная улица — «Проспект Справедливости и Милосердия». Она уходила в глубь города с его массой крыш. На балконе появился Смит, уставший за ночь от занятий, и зажмурился от солнца. На картах Кантона эта аллея человеколюбия очень широка. Но на самом деле ее ширина — не более десяти футов. Даже земля главной улицы разворована на торговые постройки.

Опять за ночь этот проспект, как фонарями, с обеих сторон уставлен шестами с насаженными на них срубленными головами. Из некоторых еще течет кровь.

— Е казнит своих для устрашения, за собственную трусость. Он требует от народа непримиримости, — сказал Эллиот.

— Это ответ на взорванные вчера башни, — заметил Моррисон.

По лестнице поднялся офицер и доложил, что пришли двое китайцев, хотят видеть коммодора, уверяют, что есть важное сообщение. Все спустились вниз.

Довольно приличный на вид китаец, каких приходилось видеть в эти дни, несколько волнуясь, сказал, что знает, где скрывается Е и может показать.

— Кто с вами? — спросил Смит, кивая на его спутника.

— Мой помощник.

— Кто вы сам, чем занимаетесь?

— Я профессор...

— А-а! Это ваша кличка? Так вы были хозяином игорного притона?

— Нет, что вы! — испугался китаец. — Никогда! Я не умею играть в азартные игры. Никогда не играл... Так меня называют ученики: «Ван-профессор». Или «Ван-учитель».

— Почему вы решили прийти? Где ваша школа?

Посетитель сказал, что прочитал прокламацию адмирала с обращением к населению Кантона, и понял, что это относится к нему самому. Адмирал предупреждал, что англичане придут как друзья, чтобы избавить население от произвола и поддержать тех, кто их ждет и кто еще не погиб от руки злодея. Был тронут. Поверил адмиралу.

— Я всегда был недоволен произволом. Кроме того, — с виноватой улыбкой добавил распропагандированный адмиралом читатель его прокламаций, — я решил избавиться от бедности.

Хитрая бестия. Пришел и уверяет, что перевоспитался, намерен жить по-новому и просит хорошо заплатить за услуги.

— Объясните, где находится Е Минь Жень.

— Это трудно рассказать. Я покажу сам.

— В соседнюю комнату, — велел Смит. Он приказал охране встать у дверей.

— А я займусь консортом профессора, ваше превосходительство. Разрешите?

— Да, — ответил Эллиот. — Я внимательно слушаю.

— Разрешите, капитан, я допрошу учителя, — обратился Вунг, — я знаю такие способы допроса, которых китайцы очень боятся.

— Мистер Маркес, идите с ними и не давайте китайцу усердствовать, — сказал Смит. Учителя увели.

Его помощник испуганно оглядел лица окружавших и кинулся в ноги Смиту. Стал уверять, показывая рукой на дверь, что это не агент Е, но этот человек знает, где Е... Действительно, знает.

— Он знает?

— Да.

— И я... У нас есть карта, по которой мы поведем...

— Дайте мне карту.

— Я боюсь — увидят...

Помощник учителя оглянулся по сторонам, расстегнул

кофту дрожащими руками и достал из-за пазухи узелок, развязал его, достал желтую тряпку, на которой были нанесены планы улиц и кварталов.

Вошел довольный, улыбающийся Вунг со своим подследственным, а за ними Маркес.

— Он не стал запираться, — сказал переводчик в форме лейтенанта.

— У нас с ним оказались общие знакомые, капитан. Его прислали ваши люди, капитан, — сказал Вунг.

Очевидно «эти люди» сами по какой-то причине предпочитали держаться в тени.

Расследование еще продолжалось. Смит и переводчики во всем разобрались.

— Губернатор Е находится в ямыне, в северной части, в самой гуще города, там, где кварталы мелких торговцев и ремесленников. Вот этот ямынь на карте, — говорил Смит. — Он скрылся туда и велел одному из своих чиновников выдавать себя за Е. Эти люди присланы моими агентами.

— Но это похоже на ловушку, — заметил Моррисон.

— На поимку идет коммодор. Пусть он и решает, — ответил «отец и наставник».

— Пойдете под штыками и будете вмиг приколоты, — еще раз предупредил Эллиот проводников. — По следу, господа! Не теряя времени.

Из ворот ямыня пошел Чарльз Эллиот с отрядом матросов. С ним незаменимый коксвайн Том. На континенте он назывался бы унтер-офицером с адмиральского вельбота.

— Вперед!

Через некоторое время, сохраняя интервал в расстоянии и времени, следом за отрядом Эллиота отправился полубатальон пенджабцев, которые незаменимы при резне в тесных переулках.

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

ШКОЛА МАСТЕРОВ

ЭТО БЫЛ яркий запоминающийся праздник. К Московскому городскому Дворцу пионеров тянулись толпы людей. Они шли в Город мастеров!.. Хозяевами его стали подростки, учащиеся профессионально-технических училищ столицы.

Чего здесь только не было! Игрушки, инструменты, модная одежда, предметы домашнего обихода, мебель, электронная техника, сувениры... Интерес к творчеству ребят был огромен. Порой приходилось протискиваться через толпу, чтобы увидеть, какие изделия предлагают юные мастера покупателям.

Особое оживление царило у стендов среднего профессионально-технического училища № 64. Шла бойкая торговля расписными кухонными досками, принимались заказы на изготовление дачной мебели. За оригинальными столами на нестандартных табуретах и лавках сидели ребята, чьими руками и была создана эта мебель, солидно отвечали на вопросы посетителей. Многие из посетителей брали рекламные проспекты, где содержались самые разные сведения об училище, перечислялись специальности: столяр по мебели, столяр-краснодеревщик, столяр-реставратор, гравер, разрисовщик игрушек... Тут же записывали телефоны, по которым можно заказать понравившиеся образцы мебели. А те, кого интересовал сам процесс творчества, обступили резчика по дереву Станислава Максимова. Любители оригинальных игрушек покупали забавных гномиков, слоников или кошечек, сделанных искусными руками девушек-разрисовщиц.

Чуть в стороне, не скрывая удовлетворения, стояли директор училища Александр Семенович Рубцов, старший мастер производственного обучения Дмитрий Иванович Васильев, преподаватели училища. Еще бы! Интерес со стороны зрителей к творчеству их питомцев был огромен. Что и говорить, талантливы, умелы, самостоятельны эти

подростки, умеющие хорошо трудиться, когда работа доставляет удовольствие.

Стало заметно, как меняется отношение к профтехучилищам в целом. Давно ли поступать в ПТУ считалось делом непрестижным, а сейчас налицо своеобразный бум: во многих ПТУ столицы прошел конкурсный прием. Что касается училища № 64, то попасть сюда отнюдь не легче, чем в какой-либо модный вуз. Только в этом году, к примеру, на одно место претендовало семь человек. Шансы поступить сюда предпочтительнее у тех, естественно, кто наиболее одарен. Абитуриенты представляют свои живописные работы, изделия из дерева, затем сдают экзамен по рисунку. Стены коридора ПТУ стали своеобразной выставкой лучших живописных работ ребят, завоевавших право учиться в училище. Портреты, пейзажи, натюрморты пленяют и своим видением мира, и лиричностью, и ребячьим озорством, и неуемной фантазией...

С самых первых дней учебы ребята окунаются в атмосферу творчества. Обучение с самого начала соединяет теорию и практику. На первом курсе начинается знакомство со спецпредметами: рисунок, столярное производство, производство художественной мебели, изготовление мягкой и разрисовка резиновой игрушки, роспись стеклянных украшений. Практические занятия в мастерских наглядно показывают, как идет освоение спецпредметов.

Русь издревле славилась художественной обработкой дерева. Русские умельцы на протяжении веков создавали бесценные произведения декоративно-прикладного искусства. Понимание пластических свойств дерева развивалось в творческом опыте многих поколений народных мастеров. Высокие эстетические качества, содержательность изделий были всегда слиты с их утилитарностью. Это во многом определило и способы художественной обработки, и характер орнаментации, сохраняющей единство в монументальных произведениях домовой резьбы или скульптуры и в декоре домашней утвари — начиная от ткацкого станка и кончая посудой.

Лучшие образцы художественной обработки дерева бережно хранятся в разных музеях страны. Отдельные образцы находятся в музее СПТУ № 64. Это, в частности, изумительно инкрустированные секретеры, бюро, комоды, столики XVII — XIX веков.

Учащиеся, будущие мастера, не пропускают ни одной выставки, причем ребят интересует и то, как работают и что создают их сверстники за рубежом. А в стенах училища можно увидеть прекрасные работы его выпускников — и мебель, и игрушки, каких — увы — не встретишь на прилавках наших магазинов. Кстати, у каждой игрушки — свой характер, своя привлекательность. Множество кукол создано за годы учебы руками девушек, и некоторые по-своему знамениты: например, куклы в костюмах мира в полном составе, все пятьдесят, были представлены на Всемирной выставке в Монреале, другие снимались в мультфильмах. Многие игрушки, такие, как «Карусель», отмечены медалями и грамотами ВДНХ, получили призы на конкурсах профессионального мастерства. Ребята с удовольствием принимают участие и в зарубежных конкурсах. В минувшем году Светлана Прудовская за свой рисунок, выставленный в Японии, получила высшую награду.

И когда любуешься талантливыми работами учащихся, невольно возникает вопрос: когда же в столице будет открыт фир-

Константин Догадкин. Его будущая специальность — столяр.

В этом классе занимаются будущие разрисовщики игрушек.

Столярная мастерская. В центре — старший мастер производственного обучения Д. И. Васильев.

Андрей Бирюков будет краснодеревщиком.

Станислав Максимов. Резьба по дереву.

менный магазин, в котором можно было бы купить изделия, выполненные учащимися профтехучилищ! Подобные магазины уже успешно работают в Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литве...

Подростки стремятся утвердить себя. И это находит свое отражение не только в производственной сфере. Учащиеся ПТУ активно участвуют в органах ученического самоуправления, решая разные вопросы обучения, распределяют производственные заказы, обсуждают и утверждают, какую продукцию представить на ярмарку.

Сегодняшний учащийся ПТУ не хочет замыкаться лишь в рамках учебного процесса. Ему хочется о многом поспорить, что-то обсудить. В политическом клубе «Мир и молодежь», созданном в СПТУ № 64, проводят дискуссии на международные темы, обсуждают тенденции молодежной моды, спорят о выступлениях певцов и ансамблей, встречаются с журналистами, музейными и научными ра-

ботниками, людьми разных профессий. Многие ребята увлекаются поэзией, сами пишут стихи. В прошлом году на Всероссийском конкурсе поэтов — учащихся профтехучилищ ребята из СПТУ № 64 заняли первое место.

мебель, а часть заработанных средств переводят своим подшефным через Всесоюзный детский фонд имени В. И. Ленина.

Вот такие куклы делают в училище.

В последнее время мы часто говорим о милосердии, призываем «спешить делать добро». А для ребят из СПТУ № 64 это давно стало законом. Они — шефы Мытищинского детского дома и одного из московских интернатов. Подросткам, вероятно, легче найти ключ к сердцам малышей. Ребята не только приезжают к детдомовцам с подарками, они изготавливают для них

Более четырех десятилетий существует СПТУ № 64. За это время подготовлено свыше 12 тысяч специалистов, многие из которых стали известными художниками, реставраторами, скульпторами.

Успехов тебе, училище, школа мастеров!

О. ОЛЬГИНА
Фото А. ЕГОРОВА

НЕСКОЛЬКО месяцев тому назад инженер Виталий Макеев стал председателем инженерного кооператива «Термик». Задача кооператива — разрабатывать, конструировать и выпускать радиоуправляемые авиамодели,— не только как игрушки, но в первую очередь для нужд народного хозяйства.

А нужны ли такие модели народному хозяйству?

На этот вопрос Макеев ответил так:

— Когда случилась авария на Чернобыльской АЭС, для первоначальной разведки над зданием реактора прошел вертолет, чтобы замерить уровень радиации. Естественно, экипаж вертолета рисковал. Этот риск можно было устранить либо значительно уменьшить, если бы использовали радиоуправляемую модель самолета или вертолета со счетчиком Гейгера на борту.

Выпускник МАИ, Макеев пять раз был чемпионом страны, рекордсменом мира по радиоуправляемым моделям, многие годы вместе со своими друзьями работал в студенческом конструкторском бюро по авиамоделизму. И мысль о том, что летающие модели можно с успехом использовать в народном хозяйстве, давно владела им. Ведь модель может нести полезную нагрузку весом в несколько килограммов.

...В Кишиневском НИИ биологических методов защиты растений предложили вместо химического биологический способ борьбы с вредителями растений. На один гектар рассеивается всего 50 граммов особого вещества. Чтобы опылить сотню гектаров, достаточно пяти килограммов. Но не загружать же несколько капсул в самолет сельхозавиации Ан-2! Уж слишком дорого обойдется... А использование радиоуправляемой модели стоит буквально копейки, точнее — от 4 до 6 копеек за обработку одного гектара. Такой эксперимент был проведен летом 1983 года в одном из колхозов Краснодарского края.

Позже к Макееву обратились ученые географического факультета МГУ — им понадобилась аэрофотосъемка. Студенты-конструкторы МАИ сделали модель и провели съемку — все получилось.

Но моделей было немного, Макеев мечтал о большом народнохозяйственном эффекте, а для этого требовалось серийное производство. Нужны бы-

ли заказчики. И начались их поиски. Все проявляли интерес, готовы были предложить и деньги, но для серийного изготовления моделей требовались производственные мощности, а также комплектующие. Ни того, ни другого у заказчиков не было. Идея уходила в песок...

А тут появился Закон о кооперации СССР. Макеев понял, какие открываются возможности. Поговорил с друзьями-моделистами, и вместе решили организовать кооператив.

Опыт, конечно, отсутствовал, деньги тоже, было лишь желание.

Вначале хотели организовать кооператив при МАИ. Администрация удивилась: где это видано — авиационный кооператив? Вот если по ремонту дачных поселков — пожалуйста!

Пришлось договариваться с Нахабинской фабрикой игрушек, благо модель вроде бы игрушка. Помог Красногорский горсовет: разрешил арендовать пару подвалов. Банк дал ссуду на ремонт помещения. Нужно было искать первого заказчика...

Одна организация получила задание выпускать управляемые игрушки, в том числе авиамодели. Вот она-то и подписала с кооперативом «Термик» первый договор. Кооператив в соответствии с техническим заданием должен был разработать радиоуправляемую модель самолета, технологию ее промышленного изготовления, провести испытания макетного, а затем и промышленного образца.

Так уж получилось, что летные испытания образца модели на Тушинском аэродроме ДОСААФ совпали с интервью, которое Макеев дал Центральному телевидению. И буквально через несколько дней к нему обратились работники Минжилкоммунхоза: им срочно потребовалась аэрофотосъемка. Обратились и другие заказчики. Начались переговоры...

Макеев говорит:

— Сейчас кооператив может освоить заказ на двести-триста тысяч рублей в год. Но, к примеру, для аэрофотосъемки в крупных масштабах нужна хотя бы сотня летающих моделей. Если мы получим такой заказ — я говорю о перспективе,— то нам потребуется новое оборудование, иные мощности, фонды. Фонды и оборудование должен помочь нам получить заказчик, как это принято в промышленности. Если нам удастся выполнить несколько крупных заказов и мы накопим необходимые средства, то сможем сами строить свои мастерские, ставить туда новейшее оборудование, а тогда появится возможность выполнить такие заказы, как, например, строительство одноместного вертолета для геологов...

К сожалению, ведомственные заказчики еще не привыкли работать с кооперативами и «раскачиваются» очень медленно. Поэтому «Термик» вынужден в первую очередь заключать договора с теми организациями, которые поняли, что волокиту в отношениях с кооператорами допускать нельзя.

А пока, выполняя первый договор, кооператив, чтобы не простаивать, делает также и модели-игрушки. Реализовать их надо будет в этом году — такова договоренность с универмагом «Детский мир». Игрушки эти — модели самолетов и дельтапланов — будут относительно дешевыми. Кооператоры ставят задачу сознательно привить детям любовь к техническому творчеству, к моделированию.

Как организован кооператив?

Всего в нем девять членов, включая бухгалтера и юрисконсульта. Для выполнения разовых работ «Термик» заключает договора со специалистами — их несколько десятков. Часть своего помещения кооператив временно уступает другому инженерному кооперативу — электронщиков. Те в благодарность за услугу создают электронную начинку для моделей.

Как будут расходоваться заработанные деньги?

Прежде всего — возврат банковского кредита, затем — оборотные средства, зарплата и соцкультбыт. Решено, что самая высокая зарплата в кооперативе — 500 рублей. Мощное развитие получат объекты соцкультбыта, в частности, строительство жилья через посредство ЖСК.

Но дело не только и не столько в материальных благах. Кооператив дает возможность осуществить свои задумки: широко внедрять в народное хозяйство радиоуправляемые модели, приносящие ощутимую пользу.

Хочется надеяться, что инженерные кооперативы (и те, что есть, и те, что будут) станут прежде всего творческими объединениями энтузиастов-изобретателей, способных ощутимо двинуть вперед новую технику. Конечно, блюминг им не построить, а вот создавать целые серии новых моделей и внедрять их на заводах и полях они могут. И очень быстро. Если так же быстро (без бюрократических проволочек) с ними наладят сотрудничество заказчики.

Л. ЛИФШИЦ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

РАДИ ЖИЗНИ...

ВСЕ ДАЛЬШЕ уходят в историю события Великой Отечественной войны. Почти четыре года длилась кровопролитнейшая битва с фашистскими ордами, вторгшимися в пределы нашей земли. Через все пришлось пройти советскому народу, были и горечь поражений, и радость побед. Дорогой ценой заплатили мы за свободу и независимость Родины — двадцать миллионов советских людей отдали свои жизни, чтобы приблизить конец фашизма... Становятся историей давние сражения, но не угасает человеческая боль, а значит, и не меркнет память наша о священной войне. Никто не забыт, ничто не забыто!

Тема Великой Отечественной войны неиссякаема, к ней постоянно будут обращаться и историки, и писатели, и художники, и поэты... Скажет свое слово об этом величайшем событии в истории нашей страны и музей Великой Отечественной войны. Это новый музей Москвы, его не найти пока ни в одном путеводителе, он только создается.

— Сама идея его создания,— рассказывает заместитель директора музея по науке Владимир Александрович Григорьев,— возникла на стыке сорок второго — сорок третьего годов. По нашему мнению, его экспозиция — это сочетание истории и искусства. Сейчас заканчивается

создание общего проекта музея. Научную часть мы разрабатываем с помощью Института военной истории МО СССР, Института истории СССР, Московского государственного университета, ряда московских музеев. Задача весьма сложная, если принять во внимание изменение оценок отдельных периодов и даже эпизодов великого сражения.

Мы хотим создать хронологию войны, показать роль партийного, государственного, военного руководства в военные годы, значение и мощь нашего экономического потенциала. Надо в полной мере раскрыть ратные и трудовые подвиги советских людей, показать руководящую роль Коммунистической партии. Этому будут служить диорамы, картины, экспонаты военной техники, книги и документы военной поры. Мы стараемся установить тесные связи со всеми ветеранскими советами, они могут внести значительный вклад в нашу экспозицию, надеемся на книголюбов, которые помогут нам создать раздел «Книга сражается». В формировании экспозиции может участвовать каждый гражданин страны.

У музея много добровольных помощников. Неоценимую помощь ему оказывают поисковые группы Москвы и Подмосковья.

Заместитель директора музея по науке В. А. Григорьев.

Криминалист Марина Сосенушкина за расшифровкой солдатского медальона.

Они привозят из экспедиций и походов реликвии войны. На базе этих групп весной нынешнего года создано Московское объединение поисковых групп.

Это доставили в музей следопыты Подмосковья.

Большую роль в формировании этого объединения сыграл Московский городской комитет комсомола. Были определены задачи: розыск крупногабаритной техники для музея, поиск мелких предметов войны, розыск и перезахоронение павших воинов, работа с найденными архивами воинских частей. Работа предстоит большая, она только начинается. Руководит ею штаб объединения. Действуют пять групп: тяжелого вооружения

(танки, пушки), сухопутных войск (эта группа занимается розыском погибших и сбором предметов войны), по работе на фортификационных сооружениях (на базе каунасской экспедиции, в ней двести человек, и работает она уже пять лет), подводного поиска и, наконец, группа по строительству памятников и памятных знаков. Последняя группа — это поисковый отряд «Горячие сердца» московской средней школы № 703. Ребята устанавливают места захоронений и сами строят памятники: у них есть даже собственное маленькое производство!

Практически все участники экспедиций работают на чистом энтузиазме, тратя на поездки не только все свое свободное время, но и средства. А расходы немалые, они связаны с оплатой проезда, питания, места проживания. Музей старается оказывать им помощь, снабжает палатками, предоставляет бомбо- и миноискатели, средства связи, оснащение для подводного поиска. Московское поисковое объединение насчитывает сейчас 38 отрядов. Это 1200 человек. Музей вместе со штабом объединения координирует работу поисковиков, снабжает их методическими разработками, определяет конкретные места поисков. Наш представитель, старший научный сотрудник Сергей Монетчиков, сам бывает на местах поисков и, будучи членом штаба, вместе с ребятами решает те или иные проблемы.

Конечно, возможности музея пока довольно скромные. Сейчас делаются попытки установить более тесные контакты с армией, получать от нее более действенную помощь.

Поиски нередко сопряжены с большими опасностями. Учитывая специфику этой работы, штаб объединения выработал задачи отдельно для взрослых и для молодежи. Дело школьников — вести разведку. Ребята проходят по деревням, собирая у местных жителей информацию о былых сражениях. Все сведения они передают в штаб, который затем формирует поисковые группы взрослых.

Надо отметить, что район действия поисковиков обширен. Это не только Подмосковье, но и Карелия, Заполярье, Крым, Новгородская, Псковская, Калининградская области, Прибалтика — практически вся европейская часть страны.

Помещения музея пополняются военной техникой, многое найдено в болотах и реках. Недавно энтузиасты привезли обломки советского штурмовика вместе с установленной на нем пушкой...

Что касается военной техники, которая займет свое место в экспозиции музея, на площадках вокруг него, то надо отметить один небезынтересный момент. Найденная техника будет выставлена в том виде, в каком была обнаружена. В свое время Леонид Максимович Леонов впервые высказал мысль о танке «на высоком камне», установленном таким, каким он вышел из боя. Мысль эта в наши дни воплотилась, но — отчасти. Танк под номером 203, о котором идет речь в повести «Взятие Великошумска», стоит на 73-м километре Минского шоссе на пьедестале, однако — свежевыкрашенный, чистенький, без единой царапины, с четко очерченной цифрой на броне. Впечатляет! Еще бы. Но это н е т а тридцатьчетверка, с развороченной броней, разорванной пушкой, полуобгоревшая двести третья, которая описана в повести. И чем она отличается от таких же аккуратных тридцатьчетверок, установленных во многих городах Белоруссии или Украины! Наша молодежь (кроме тех, кто видел

искореженные груды металла в Афганистане) не знает, что такое бой на уничтожение, какими выходили из сражения боевые машины, нередко годные лишь в переплавку... Надо отдать должное штатным работникам музея и их добровольным помощникам: они покажут реликвии войны в том виде, в каком их нашли, в каком они вышли из боя, чтобы, пользуясь словами Леонида Леонова, всякий видел, «кто их от кнута и рабства оборонял...».

Усилиями следопытов найдены архивы дивизий, солдатские медальоны, другие полуистлевшие документы. Многие из них уже восстановлены, и семьи получили извещение о том, где погиб и похоронен их отец, брат или сын. Значительную работу по восстановлению документов выполняет на общественных началах сотрудник ВНИИ МВД СССР криминалист Марина Сосенушкина.

В отличие от Музея Вооруженных Сил СССР, музея ведомственного, музей Великой Отечественной войны можно будет назвать всенародным!

Экспозицию музея будут завершать документы, свидетельствующие о мирных инициативах Советского государства в послевоенный период. Это явится логическим завершением всей выставки, цель которой — показать, каких громадных усилий потребовала борьба с коричневой чумой во имя мира и жизни на земле.

ЧЕРЕЗ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ХОЧЕТСЯ ОБРАТИТЬСЯ КО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ: ПРИМИТЕ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ, ТОВАРИЩИ, В ПОПОЛНЕНИИ ЭКСПОЗИЦИИ НОВОГО МУЗЕЯ ХРАНЯЩИМИСЯ У ВАС РЕЛИКВИЯМИ ВОЕННОЙ ПОРЫ!

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

50 лет назад — 27 декабря 1938 года — Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена высшая степень отличия — Герой Социалистического Труда.

САМОЕ ПОЧЕТНОЕ...

Еще за десять лет до этого Указа решением ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1927 года за особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы и проработавшим в качестве рабочего или служащего не менее 35 лет присваивалось звание Героя Труда. Однако всенародного признания это звание не получило.

В положении о звании Героя Социалистического Труда говорится, что оно присваивается «лицам, которые проявили трудовой героизм, своей особо выдающейся новаторской деятельностью внесли значительный вклад в повышение эффективности общественного производства, содействовали подъему народного хозяйства, науки, культуры, росту могущества и славы СССР». Герою Социалистического Труда вручается высшая награда страны — орден Ленина и знак особого отличия — золотая медаль «Серп и Молот», а также грамота Президиума Верховного Совета СССР. За новые проявления трудового героизма это почетное звание может быть присвоено вторично. В этом случае в ознаменование трудовых подвигов на родине Героя либо в ином месте (по решению Президиума Верховного Совета СССР) устанавливается его бронзовый бюст.

Золотая медаль «Серп и Молот» как знак отличия Героя Социалистического Труда была учреждена несколько позже — 22 мая 1940 года. Она изготавливается из золота, вес ее 15,25 грамма. Автором эскиза медали был художник С. А. Поманский.

Первый Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении высокого звания состоялся 20 декабря 1939 года. Этим Указом звание Героя Социалистического Труда было присвоено И. В. Сталину.

Вторым Героем стал знаменитый конструктор стрелкового оружия В. А. Дегтярев. В числе первых награжденных были авиаконструкторы Н. Н. Поликарпов и А. С. Яковлев, конструктор стрелкового оружия Ф. В. Токарев, конструктор авиавооружения Б. Г. Шпитальный, конструкторы авиационных моторов А. А. Микулин, В. Я. Климов, конструкторы артиллерийских орудий В. Г. Грабин, М. Я. Крупчатников и И. И. Иванов.

В годы Великой Отечественной войны появились первые женщины Герои Социалистического Труда: стрелочница А. Н. Александрова, дежурная по станции А. П. Жаркова и машинист паровоза Е. М. Чухнюк. Своим самоотверженным трудом они многое сделали для обеспечения бесперебойных железнодорожных перевозок военных грузов на своих участках дороги.

За пятьдесят лет высшей степенью отличия были отмечены многие тысячи подлинных ге-

СКАЗКА

Наталья АБРАМЦЕВА

Жил-был дом, старый, деревянный. Крыша покосилась. Печка развалилась. Труба набок съехала. Окна не открываются, двери не закрываются. Щели в полу.

Когда-то в доме жили люди. Давно. Тогда он был новенький и красивый. А потом люди уехали. И дом расстроился. Стал скучать и стареть.

И сад вокруг дома тоже скучал-скучал и даже одичал от одиночества. Яблоки стали кислыми, вишни мелкими. Вместо цветов — высокая трава, крапива да лопухи выросли.

Вот и жил старый, заброшенный дом в старом, заброшенном саду.

Весной, когда стаивали огромные сугробы, выползало из-под снега кривое крылечко, дом и сад просыпались после долгого зимнего сна. Просыпались, потягивались, поскрипывали старыми досками и ветками. И дом говорил:

роев труда. Среди них рабочие и колхозники, инженеры и ученые, актеры и общественные деятели, писатели, работники культуры и искусства. Были и школьники. В марте 1948 года звание Героя Социалистического Труда было присвоено ученику школы имени Лахути Регарского района Таджикской ССР Турсунали Матказимову, который вместе со своим звеном собрал рекордный тогда урожай хлопка — более 89 центнеров с гектара. А в августе того же года Героем Социалистического Труда стала пионерка, председатель совета дружины Бобокватской школы Кобулетского района Аджарии Нателла Челебадзе: работая самостоятельно на участке чайной плантации, она собрала прекрасный урожай чайного листа, намного превысив норму опытных чаеводов.

Первые дважды Герои Социалистического Труда появились в послевоенные годы. 17 июня 1950 года Указом Президиума Верховного Совета СССР второй золотой медалью «Серп и Молот» были награждены женщины-хлопководы Азербайджана Багирова Басти Масим кызы и Гасанова Шамама Махмудалы кызы.

За выдающиеся заслуги перед государством в области науки и техники, в руководстве отдельными отраслями промышлен-

— А не думаешь ли ты, сад, что в этом году к нам могут вернуться люди?

— Думаю,— неуверенно отвечал сад.

— Мы должны приготовиться к встрече,— говорил дом.

— Конечно,— соглашался сад.

Им помогали ветер, дождь и солнце. Ветер влетал в дом через трубу. Проветривал комнаты, чердак и даже подвал. Потом вылетал в старый сад. Выметал прошлогоднюю листву, сухие ветки. Помогал, очень осторожно, развертываться нежным лепесткам диких яблонь и вишен.

После ветра за дело брался дождь. Дождь тщательно отмывал весь дом: от съехавшей набок трубы до самого крылечка. Конечно, особенно дождь старался, когда мыл окна. Ведь стекла все-таки, хотя и разбитые. Еще дождь своими сильными струями расчесывал уже густую листву сирени, разглаживал листья тополей. И землю в саду поил дождь. Жаль, конечно, что не розы на ней вырастут, а лопухи да крапива, но пусть и они лучше зелеными и крепкими будут, чем чахлыми.

За ветром и дождем приходила очередь солнца. Солнце хорошенько просушивало дом. Гладило золотыми лучами стекла в паутине трещин, чтоб блестели ярче. Золотило старые наличники на окнах. Потом лучи солнца скользили по саду. Заглядывали в каждый цветок дикой сирени, чтобы те светились маленькими искорками.

Затем снова прилетал ветер. Он где-то раздобыл семена кое-каких цветов, но ветер не был настоящим садовником и разбросал семена как умел. А потому одуванчики выросли не только в густой траве, но и на крыльце. А одна ромашка ухитрилась поселиться даже на крыше в какой-то щелочке.

Дом и сад ждали. Но люди не приходили. Вернее, приходили, но, посмотрев на дом и сад, уходили.

— Это старый дом,— говорили люди,— у него разбиты окна, и

ности ряд видных советских ученых и организаторов производства были награждены тремя золотыми медалями «Серп и Молот». В их числе академики И. В. Курчатов, М. В. Келдыш, Я. Б. Зельдович, А. Н. Туполев, С. В. Ильюшин, А. Д. Сахаров и другие.

Необходимо сказать, что в годы культа и особенно в годы застоя советские награды в какой-то мере обесценились. И не только потому, что в шестидесятые-семидесятые годы вручали их «скопом», «за выслугу лет», «по случаю ...летия» и т. д.— вручались они порой людям недостойным. В 1961 году «за выдающиеся заслуги в развитии ракетной техники и обеспечении успешного полета советского человека в космос» звания Героя Социалистического Труда был удостоен Л. И. Брежнев. Высокую награду имели Кунаев, Гришин, Медунов, Адылов... К счастью, таких носителей наград немного, тысячи подлинных героев труда по заслугам и с честью носят свои знаки отличия.

В тот же день, когда было принято решение об учреждении звания Героя Социалистического Труда, Указами Президиума Верховного Совета СССР были учреждены медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

крыша съехала совсем набок, и крыльцо развалилось. Разве это дом?

— Да, конечно,— соглашались другие люди,— и сад-то совсем заброшен. Яблоки мелкие, вишни кислые. А крапивы сколько-о-о! А трава-то как разрослась... Разве это сад!

— Нет,— решили люди,— лучше мы построим новый красивый дом и вырастим наш новый замечательный сад.

И люди уходили. Дом и сад очень огорчались и начинали ждать снова. Ждали, ждали, ждали... И дождались.

На покрытом пылью долгих дорог велосипеде к дому подъехал человек. За спиной рюкзак. На багажнике — огромный чемодан с разными наклейками. Через плечо яркая дорожная сумка. На другом плече — фотоаппарат. На голове широкополая шляпа. Конечно же, это бывалый путешественник. А путешественники, как известно, любят всякие странности.

Дом с ромашкой на покосившейся крыше, с одуванчиками на кривом крыльце, сад, в котором ветви диких яблонь переплетаются с ветками дикой сирени, как в сказочном лесу, а по земле стелются темно-зеленые лопухи, похожие на огромные зонтики,— разве это не странность! Почти волшебная странность.

— Ах,— сказал путешественник,— какое чудо! Заколдованная избушка в заколдованном саду.

«Вовсе мы не заколдованные,— подумали дом и сад,— мы заброшенные».

— Ах! — снова сказал путешественник.— Какая прелесть!

И он защелкал фотоаппаратом.

— Мы — прелесть... Мы — чудо...— почти задохнулись от радости, смущения, неожиданности дом и сад.

«Пожалуй, я поживу здесь»,— решил путешественник.

И путешественник вместе со своим усталым велосипедом, тяжелым рюкзаком, чемоданом с наклейками, дорожной сумкой и, конечно же, с фотоаппаратом поселился в заброшенном доме и одичавшем саду.

Что же из этого получилось? То, чего не могло не получиться. Яблоки стали крупными-крупными, вишни сладкими-сладкими. Среди лопухов расцвели ярко-красные маки величиной с огромные воздушные шары. Трещины на стеклах старых окон сложились в веселые рисунки. Крылечко перестало просто скрипеть, оно стало чирикать очень музыкально. А дверь, которая уже много лет не могла шевельнуться, с удовольствием и легкостью открывалась и закрывалась.

Почему же так вышло? Смешной вопрос... Ясно, почему...

А потом? Потом путешественнику пришло время отправляться в путь. Ведь он путешественник.

И что же получилось? То, что и должно было получиться. Жили-были заброшенный дом и заброшенный старый сад...

И потом пришла зима. Повалил снег. Сугробы в одичавшем саду. Сугробы на развалившемся крылечке. Сугробы на покосившейся крыше. Тяжелый зимний сон.

...А потом пришла весна. Прилетел теплый весенний ветер. Застучал теплый весенний дождь. Теплое весеннее солнце расправило длинные хрупкие лучи.

И старый дом сказал:

— А не думаешь ли ты, сад, что в этом году к нам могут вернуться люди?

— Думаю,— ответил сад.

Рисунки Ю. МАКАРЕНКО

Этим летом в Минске меня пригласили на аукцион. Не было на нем привычного ажиотажа торгов, не стучал молоток аукциониста. По-деловому рассудительно «покупатели» из производственных объединений и предприятий многих регионов страны знакомились с предложениями «продавцов» — студентов, молодых ученых и специалистов Белорусского политехнического института. Цену сами себе «утверждали» новые технологи, научные разработки и изобретения. Этот аукцион — деловую встречу науки с производством — проводило институтское НТО «Политехник».

ТРОЕ ИЗ «ПОЛИТЕХНИКА»

— Солидная фирма,— с уважением отметил один из «покупателей».— Дает широкую информацию о своей работе, заказы исполняет точно в срок, а «продукция» ее всегда рассчитана на перспективу в развитии производства.

Научно-техническое объединение, работающее при БПИ, справедливо можно назвать «детищем перестройки». Деятельность «Политехника» проходит по следующему циклу: выяснение потребностей заказчика — научное исследование — создание техники и технологии, соответственных задачам научно-технического прогресса,— внедрение их в производство. Работает НТО на основе самофинансирования, хозрасчета и научных «отходов» практически не имеет. Только в прошлом году выполнение хозяйственных договоров принесло «Политехнику» доход почти в 12 миллионов рублей, а экономический эффект от внедрения научно-технических разработок и изобретений превысил 25 миллионов. Но главное не только в экономике. В «Политехнике», где над созданием новых машин и технологий совместно со студентами и аспирантами работают кандидаты и доктора наук, рождается творческая личность специалиста.

Расскажу о трех питомцах НТО — Борисе Пышкине, Игоре Дьякове и Алексее Буселе. Думается, что их пути в науку, их труд и связи с производством, духовный настрой характерны для многих молодых ученых, сотрудничающих в объединении.

ВПЕРВЫЕ с Борисом Пышкиным я встретился лет пять назад. По звонкой от стужи заполярной дороге к буровым нефтедобытчиков Уренгоя колоннами шли трубовозы. Только один по сравнению с другими вел себя странно: то «жал» на полном газу, то приглушал двигатель и полз на малой скорости, пропуская своих деловитых стальных коллег. Нако-

нец, свернув на обочину, остановился. Из кабины выбрался паренек в «пингвине» — утепленном комбинезоне нефтяников, приставил лесенку и начал осматривать радиатор машины. Поломка! С водителем вездехода местного нефтегазодобывающего управления мы поспешили на помощь. Но помощи не потребовалось.

— Это я датчики проверяю,— объяснил паренек.— Мы испытываем прибор для контроля режима теплоотдачи.

Борис Пышкин, тогда студент-дипломник автотракторного факультета БПИ, с первого же курса увлекся исследовательской работой в «Политехнике». Это и понятно. Еще в школьные годы вместе с отцом, военным летчиком, Борис копался в семейной «Победе», внося в ее устройство всяческие усовершенствования. Поэтому и поступил на автотракторный в БПИ, и студентом не мог пройти стороной мимо дел научного общества. Дела были манящими, многообещающими, а поле деятельности широким. Любимый профессор студентов Георгий Михайлович Кокин, известный изобретатель, когда-то строил Минский автозавод, работал там главным конструктором и, конечно же, в институте помог своим ученикам наладить прочную связь с автозаводцами, увязать увлеченность научным поиском с конкретными нуждами и перспективами производства. И вот результат: Пышкин защищал диплом по созданному им же прибору, испытывал его и в обычных, и в экстремальных условиях — при зимних морозах Заполярья, при летнем зное на плато Устюрт...

— Прибор способствовал разработке нового изобретения,— рассказывает Борис Пышкин, ныне кандидат технических наук.— У наших автомашин, тем более современных большегрузных БелАЗов с их могучими моторами, система охлаждения оставляет желать много лучшего. В НТО «Политехник» от автозаводцев поступила заявка на разработку радиатора более совершенной конструкции. В лаборатории комплексной эксплуатации автомобилей, где я работаю, начался поиск...

С помощью прибора Б. Пышкина исследователи выяснили, что медь, из которой делают ячеистые радиаторы, не обеспечивает должного эффекта теплообмена. В морозы или в жару большегрузы вынуждены простаивать из-за переохлаждения или перегрева. А каждый час простоя, к примеру, сорокатонного БелАЗа обходится в сотню рублей. Необходимы были радиаторы с более динамичной, легко управляемой системой охлаждения. И материал для них требовался другой. Опробовали различные металлы и сплавы. Поставленным требованиям более всего отвечал алюминий. Изучили отечественные, зарубежные патенты и лицензии. В США, Японии существуют пока еще уникальные теплообменники из алюминия. Но их КПД не вызывал оптимизма. Продольные ребра для теплообмена с воздухом не обеспечивали оптимального режима. Нужна была иная ребристость.

Ответ на нерешенную проблему пришел «изнутри»: на факультете машиностроения БПИ группа молодых специалистов во главе с кандидатом технических наук Игорем Дьяковым создала теплообменник нужных параметров. На алюминиевых пластинах, трубках с внутренними каналами для прохода воды, подобно волнам, снизу вверх поднимаются слегка изогнутые тонкие ребра: увеличена площадь, повышена интенсивность теплообмена — воздух не только соприкасается, но и струится между волнистыми ребрами.

Для обработки алюминиевой поверхности Дьяков сконструировал простую, но эффективную оснастку, которая легко устанавливается на любом универсальном станке, в том числе на станках с ЧПУ. Технология безотходная. Оснастка подрезает и отгибает с поверхности заготовки тонкий слой алюминия — ни стружки, ни металлической пыли.

Молодой коммунист Игорь Дьяков — автор многих изобретений. Он сверстник Бориса Пышкина и так же с первого курса включился в исследовательскую работу НТО.

Эффект от внедрения алюминиевых радиаторов, как подсчитали экономисты, будет высок. Создание этой новой в автомобилестроении конструкции осуществил творческий коллектив молодых ученых из смежных кафедр и лабораторий института. Принципиальное отличие радиатора от обычных в том, что он не монолитный, а состоит из отдельных модулей. В жару и сушь необходима большая площадь теплообмена — модули наращивают, в холод — убавляют до нужного габарита, такой сборно-разборный алюминиевый радиатор универсален, способен обеспечивать эффективный теплообмен в любых, пусть и экстремальных, условиях. Конструкция с успехом прошла и стендовые и ходовые испытания, принята к серийному производству. Но на этом процесс творчества еще не завершен. Молодые ученые работают над проблемами автоматизации производства новых радиаторов при их серийном выпуске.

Не только создать, но и внедрить обязательно. Таков сам стиль работы в НТО «Политехник». А внедрение нередко оборачивается куда большей затратой творческих сил, чем открытие или изобретение. Беседую с Алексеем Буселом — молодым кандидатом технических наук, который перешел из «Политехника» в систему дорстроя из-за необходимости внедрения уже апробированных, нашедших признание разработок.

— В нашей молодежной газете как-то появилась статья с интригующим названием: «Нашли миллион»,— вспоминает Алексей Бусел.— В статье шла речь о новой технологии в производстве асфальтобетона, которую разработала группа аспирантов БПИ, в том числе и я. Потом товарищи, конечно, по-доброму, по-студенчески подшучивали: дескать, поделитесь найденным кладом. А «клад» тот, между прочим, сулил и сулит не один, а многие миллионы рублей...

Суть дела в том, что молодые ученые с факультета дорожного строительства БПИ разработали технологию, при которой вместо дорогостоящих и дефицитных компонентов в асфальтобетон включались «бросовые», экологически вредные отходы формовки, резинотехнической промышленности. Только в одной Белоруссии отходы формовочной земли составляют 900 тысяч тонн в год. Прибавьте к этому десятки тысяч тонн отработанных шин, отходов резиновой промышленности, и нетрудно представить, какую отдачу дадут «бросовые» материалы, если их использовать при изготовлении столь необходимых и теперь и в будущем дорожных покрытий. Испытания показали, что асфальтобетон из отходов более эластичен, устойчив к климатическим переменам и более долговечен в сравнении с обычными дорожными покрытиями. Магистрали Минска, которые, кстати, считаются одними из лучших в стране, «одеты» в асфальтобетон из отходов, подъезды к столице Белоруссии — тоже. Здесь, как отметил Бусел, большая заслуга специалистов из Управления дорожно-мостового строительства и благоустройства Минска. Они первыми создали благоприятные условия для массового производства и применения асфальтобетона. Только потом «раскачался», да и то еще не полностью, республиканский Миндорстрой. К выпуску покрытий из отходов подключены завод «Волна» под Минском, завод в Осиповичах. Но дальнейшее внедрение приходится буквально проталкивать через всевозможные ведомственные «заслонки». А вот межведомственные «плотины» одолеть еще трудней. Агропром республики, который

Окончание на стр. 158.

...Как мираж, как видения, возникли на горизонте сторожевые башни, бастионы, валы и рвы, красные черепичные крыши, стены из дикого, грубо тесанного камня, поражающие своей мощью и внушительностью...

Таким предстал нашему взору Баутцен — город, имеющий более чем тысячелетнюю историю, политический и культурный центр небольшого славянского народа — лужичан, проживающих на территории ГДР.

Удивительный издали, вблизи он оказался еще прекраснее. Узкие улочки, мощенные камнем, выразительная, разнообразная архитектура. В старой части, пожалуй, не найти двух одинаковых домов. Каждый — со своим лицом, одному ему присущими особенностями.

И все же не праздное любопытство и любовь к архитектурным памятникам привели нас с поэтом Вячеславом Левыкиным в этот удивительный край. Все теснее становятся контакты местных литераторов с советской общественностью. Антологии лужицкой поэзии изданы в Минске и Киеве, вскоре такая книга выйдет и в библиотеке журнала «Молодая гвардия». Все это добрый результат «прямых связей», лучшего узнавания друг друга. Нужно было видеть, с каким трепетным чувством поэт Бено Будар и литератор Альфонс Френцль рассказывали о Пушкинском празднике, Днях славянской письменности в Новгороде, в которых довелось им участвовать.

Мы тоже прибыли на фестиваль лужицкой культуры, на этот раз проходивший в деревне Вотров. Но об этом речь впереди, а пока прогуляемся еще немного по Баутцену...

Приблизительно в середине первого тысячелетия нашей эры здесь, в точке пересечения старых торговых путей, поселилось славянское племя мильценеров, построивших крепость с круглым земляным валом. Позже возник укрепленный замок, обосновалось духовенство с первым кафедральным собором Санкт-Петри, образовался зачаток средневекового города. Самоуправление и городской статут документально упомянуты в 1240 году. В первой половине XV столетия это была уже мощная крепость. Не случайно в

1346 году Баутцен возглавил союз пяти городов — Каменца, Бебау, Циттау, Герлитца и Лайбана.

Странное впечатление охватывает, когда застынешь в одиночестве у крепостной стены или взберешься на смотровую площадку сторожевой башни. Сколько романтических и кровавых историй могли бы поведать эти камни!

Осады гуситов, нападения рыцарей-разбойников и воровских шаек, восстания ремесленников в 1400 и 1405 годах, окончившиеся кровавым судом. В период Тридцатилетней войны город неоднократно подвергался захватам, разорению, пожарам. Саксонцы, императорские и шведские войска входили и выходили, оставляя каждый раз развалины и пустые городские кассы.

Но город всякий раз отстраивался вновь. И вот уже появились дома буржуа с богато отделанными фасадами в стиле барокко, на главном рынке поднялась новая ратуша. Среди местных достопримечательностей и «Косая башня», отклонение которой по вертикали в верхней точке составляет 1,44 метра.

Но сегодня Баутцен славен не только архитектурой, это живой, современный, пульсирующий город. Строительство железной дороги Дрезден — Герлитц в прошлом столетии подключило Баутцен к промышленному развитию. Однако фашизм, а вместе с ним война принесли городу вновь много бед. Постра-

Вид на город с моста через реку Шпрее.

дали три четверти зданий, были разрушены ценные культурные сооружения, взорваны все мосты. Сколько сил, терпения и искусства пришлось вложить в реставрацию башен Лауентурм и Рейхентурм, крепость Ортенбург, собора Петридом, церквей Либфрауенкирхе и Михаелискирхе. Появились и новые жилые кварталы, современная промышленность. Во многих странах завоевали признание вагоны пассажирских поездов, транспортные средства, машины для резки бумаги, сельскохозяйственное оборудование и... органы, обладающие прекрасным звучанием.

Бережно хранят лужичане собственную культуру, национальные традиции, обряды, обычаи. Конечно, многое перемалывается временем, однако в деревнях и сегодня нередко можно встретить женщин в национальной одежде. Ежегодный фольклорный фестиваль предоставляет прекрасную возможность прежде всего молодым прикоснуться к чистому роднику памяти. Целый день звучат в деревне старинные лесни, зажигательные танцы втягивают даже зрителей.

Много было у нас встреч на лужицкой земле, но одна из самых интересных с известным поэтом, книги которого переведе-

Эта улица в старой части города называется Богатой.

На празднике фольклора.

ны во многих странах,— Кито Лоренцем. Мы приехали к нему в тихую деревенскую усадьбу жарким июньским полднем. Говорили о книгах, о поэзии, о мире, который всем нам необходим, и хотя Кито с трудом подбирал русские слова, часто заглядывал в словарь, многое было понятно и без перевода.

Надолго останется в памяти сказочный Баутцен, его башни и шпили, и тишина его улиц, и шум Шпрее у подножия крепостных стен...

Виктор КИРЮШИН
Фото Рольфа ДВОРАЧЕКА

3 МАЯ 1901 ГОДА при входе на Большой Кронштадтский рейд новый военный корабль произвел салют. Со стенки Купеческой гавани ему салютовали в ответ семью артиллерийскими залпами. Крейсер пришел из Филадельфии, где сооружался американской компанией Крампа по заказу русского морского ведомства. В поставках для этого корабля участвовали десятки иноземных предприятий и лишь четыре отечественных: орудия готовил Обуховский завод, бронзовые торпедные аппараты — Петербургский металлический. Ижорский завод поставил камбузное оборудование.

Четырехтрубный, двухмачтовый, длиной около ста двадцати метров, с весьма мощной по тем временам артиллерией — таким этот крейсер сошел со стапелей. Головной корабль новой серии легких крейсеров, создаваемых для эскадры Дальнего Востока, получил имя «Варяг»...

28 декабря 1903 года командир корабля В. Ф. Руднев получил секретное предписание: «Сняться с якоря и следовать в Чемульпо, где принять обязанности старшего стационара». Этот роковой поход был задуман с целью организации связи между Порт-Артуром и Сеулом, а также сбора сведений о действиях японского флота, который готовился оккупировать Корею.

Однако события назревали гораздо быстрее, чем предполагало русское командование. Отрезанный от своего флота, в чужом порту, одинокий крейсер лишь подстегнул японцев к молниеносным действиям. 23 января 1904 года император Муцухито отдал приказ захватить «Варяг». 24-го японская эскадра на всех парах двинулась к Чемульпо. Утром 27-го Руднев получил ультиматум японского контр-адмирала Уриу: «Прошу покинуть рейд Чемульпо до полудня. В противном случае буду обязан открыть огонь».

Над бухтой вставал мрачный январский рассвет. Руднев выстроил на палубе команду.

— Мы получили приказ уйти с рейда. Я решил уйти. Но японцы могут атаковать нас у выхо-

да в море. Следовательно, идем на прорыв и вступим в бой с японской эскадрой, как бы сильна она ни была. Русские моряки не сдаются.

Командир французского корабля «Паскаль» Виктор Сэнес (одного из иностранных кораблей, стоявших в Чемульпо) писал в своем донесении: «Выходя с рейда, русские пели гимны и кричали «ура». Мы салютовали этим героям, идущим на верную смерть».

В 11 часов 45 минут огонь шести японских крейсеров и восьми миноносцев обрушился на «Варяг».

В архиве ленинградской семьи Банщиковых (потомков врача «Варяга» Банщикова) хранится редчайшее фото. На снимке запечатлен израненный «Варяг». И как бы комментарий к этой необыкновенной фотографии — строки из воспоминаний командира «Паскаля» Виктора Сэнеса: «Никогда не забуду это потрясающее зрелище. Насквозь пробитая

палуба залита кровью, всюду валяются трупы и части тел. Ничто на корабле не избегло разрушения...»

Сэнес прибыл на корабль, чтобы принять раненых. От бортов «Паскаля», английского «Тэлбота» и итальянской «Эльбы» к «Варягу» устремились шлюпки под флагом Красного Креста.

В 4 часа дня мощный взрыв потряс рейд — то взлетела на воздух канонерская лодка «Кореец». От взрыва крейсера пришлось отказаться по просьбе иностранных коллег — слишком тесен был рейд. На «Варяге» открыли все кингстоны. За агонией непобежденного русского крейсера наблюдал с борта «Асамы» разочарованный контр-адмирал Уриу. «Варяг» тяжело рухнул на борт, ушел в воду простреленный андреевский флаг, и ледяная вода сомкнулась...

О подвиге славного крейсера, не посрамившего чести русского флота, в народе сложены песни и легенды. Но мало кто знает, что жизнь корабля, оборванная в Чемульпо, продолжалась еще 20 лет! «Варягу» было суждено участвовать в первой мировой войне, пережить свержение царя, встретить Великую Октябрьскую революцию...

Еще не успела остыть от горячей схватки бухта Чемульпо, а деловитые японцы начали в ней спасательные работы. Поднять со дна моря корабль водоизмещением в шесть с половиной тысяч тонн было по тем временам чрезвычайно трудным делом. Подъем «Варяга» длился с марта по октябрь, а стоимость спасательных работ превысила один миллион иен — сумма по тем временам огромная.

Десять лет вернувшийся к жизни крейсер плавал в составе японского флота под именем «Сойя». В начале первой мировой войны между Антантой и Японией начались переговоры о передаче России трех русских кораблей. 15 марта 1916 года, вновь обретя свои русские имена, «Пересвет», «Полтава» и «Варяг» отошли от берегов Японии. «Варяг» взял курс на Мурманск. Северный русский флот нуждался в крейсерах, которые могли бы противостоять германским подводным лодкам, хозяйничавшим в Баренцевом море.

Вскоре, однако, стало очевидно, что для успешных боевых действий устаревший крейсер нуждается в капитальном ремонте и перевооружении. В феврале 1917 года «Варяг» отправился в свое последнее плавание — на ремонт в ливерпульские доки. Известие о свержении царя застало крейсер на подходе к Шетландским островам. Его принял радиотелеграфист Мартин Казеровский, поймавший сообщение немецкого радио. Командир «Варяга» Ден приказал ему держать язык за зубами. Лишь 4 марта, когда корабль пришвартовался в доках Ливерпуля, Ден вынужден был сообщить команде потрясающую новость. Громовое «ура» прокатилось по палубе. На стеньге фок-мачты затрепетал поднятый сигнальщиком красный флаг.

Матросы сошли на берег и двинулись в шекспировский театр Ливерпуля, где должен был состояться революционный митинг. Впереди колонны шел знаменосец с андреевским флагом, украшенным алой лентой. Такие же ленты красовались на груди каждого матроса. Вместе с матросами шел весь рабочий Ливерпуль. Старинный город приветствовал в лице легендарного «Варяга» всю революционную Россию.

Несколько месяцев волновался город. По вечерам, после работы, в доки, где стоял «Варяг», сходились радостные толпы людей. Английские рабочие братались с русскими матросами. Городские власти, охваченные паникой, не знали, что предпринять: как-никак мировая война еще шла и Россия продолжала оставаться союзником. Но ситуация резко изменилась, когда мир облетела весть о победе социалистической революции. Английский парламент тут же принял решение: задержать в своих водах все русские корабли.

Однажды ночью, когда команда «Варяга» была погружена в сон, на крейсер ворвались английские морские пехотинцы. Красный флаг был спущен. Матросов «Варяга» препроводили в тюрьму. Лишь три месяца спустя, вняв наконец настойчивым требованиям варяжцев о возвращении на родину, их перевезли из Ливерпуля в Ньюкасл и отправили в Мурманск на пароходе под португальским флагом.

А что же «Варяг»?

Крейсер остался у англичан. Долгое время судьба его была неизвестной. Последние сведения о нем сообщил немецкий журнал «Шифф-бау» в 1925 году. Оказалось, что проданный на слом по пути к заводу купившей его фирмы многострадальный крейсер наскочил на скалы в 500 метрах от шотландского побережья. Все попытки снять корабль потерпели неудачу. И несколько лет, подобно Прометею, прикованному к скале, «Варяг» оставался во власти стихий.

Пока море не поглотило его навсегда.

Л. ЛЕРНЕР

НОЧНОЕ небо до сих пор полно загадок, хотя астрономы приглядываются к нему с незапамятных времен. Сегодня на звездный небосклон направляют каждую ночь окуляры и антенны приборов, отвечающих самым последним требованиям науки и техники. Никогда в нашей истории число астрономов не росло так быстро. Открываются таинственные квазары, новые галактики, парадоксальные черные дыры, планетные системы.

Однако давайте остановимся на незапамятных временах. Достижения древних наблюдателей неба сейчас изучает палеоастрономия. Оказалось, что старинные фиксации звезд и планет чрезвычайно полезны современной науке. Вот один конкретный пример. По сообщениям древнегреческих историков известно, что строители египетских пирамид располагали гигантские сооружения точно по сторонам света. Проверка со спутников в наши дни объективно показала, что в направлении боковых сторон усыпальницы Хеопса на север есть небольшая неточность. Что это — ошибка строителей или проектировщиков? Нет, они были точны. Это было доказано в ходе совместных расследований причин вместе с геофизиками. Африканский континент, как и все другие, движется. За последние 4 тысячи лет он сместился, повернувшись вместе с пирамидами...

Не так давно между австралийскими и американскими астрофизиками завязался горячий спор о природе вновь открытого небесного тела. Первые утверждали, что обнаружены следы вспышки сверхновой звезды, а вторые — открыта небольшая звезда обычного типа.

Моделирование на ЭВМ показало, что вспышка, если она

была, могла произойти примерно 1400 лет назад. Стали просматривать летописи. И в китайских манускриптах обнаружили сведения о неожиданном появлении в южной части неба очень яркой точки. Правы оказались австралийцы. Кстати, изучение таких звезд полезно для понимания физической

номические наблюдения «вышли из моды» — вплоть до эпохи Возрождения. Тогда итальянские ученые, пересматривая каталог звезд Птолемея, нашли у него «ошибку» и исключили Сириус из разряда красных или золотых звезд. Чуть раньше то же самое сделал арабский астролог Аль Суфи.

ПОЧЕМУ СИРИУС СТАЛ СЕРЕБРЯНЫМ?

природы нашего Солнца, от которого зависит вся жизнь на планете Земля.

Теперь остановимся на проблеме Сириуса. В записях древнеегипетских жрецов эта звезда имела эпитет «красная» и «золотая». Ныне же любой школьник в кружке любителей астрономии может убедиться, что Сириусу присущ эпитет «серебряный». Когда и почему он изменил свою окраску?

Палеоастрономы давно обсуждают эту проблему, пролистали огромное количество древних документов. Оказалось, что Сенека, Птолемей, Цицерон, Плиний Старший и другие корифеи античности описывали Сириус как звезду красного цвета. И на очень древних клинописных табличках, возраст которых приближается к 4 тысячам лет, эта звезда называется «золотой». Вавилонские жрецы, занимавшиеся астрономией весьма усердно, тоже отмечали яркий красный цвет. Но вот что примечательно: последние наблюдения золотого оттенка относятся к VI веку нашей эры. Его зафиксировали византийские монахи в 577 году. Затем астро-

Разумеется, эта загадочная проблема цветовых метаморфоз Сириуса не могла не породить серию гипотез. Одна из них сразу же была отвергнута. Некоторые астрономы пытались приписать изменение цвета экологическим причинам, то есть чистому небу в древние времена. Ведь сейчас наблюдение звезд действительно затруднено, и их истинный цвет искажается, ибо воздух всей планеты насыщен индустриальной пылью. Но, конечно, следует искать более глубокие структурные причины.

Интересную версию предложили сотрудники университетской обсерватории в Бохуме (ФРГ). Вольфганг Шлоссер и Вернер Бергман говорят, что до VI века нашей эры Сириус действительно был красной звездой, и поэтому древние наблюдатели имели полное право называть его «золотым». Этой звезде поклонялись на протяжении многих веков, использовали ее появление над горизонтом для предсказаний весны и полевых работ. Никаких ошибок в эпитетах раньше не было. Чем же тогда объяс-

няется эта жгучая астрономическая загадка?

Жизнь звезд на самом деле динамична, подчиняется законам небесной диалектики. Картина ночного неба обманчива своим спокойствием. Везде идут сложные активные процессы развития с подъемами и падениями. Сириус — самая яркая звезда в созвездии Большого Пса. От Земли она находится довольно близко — около девяти световых лет. Современные ученые установили, что Сириус — бинарная звезда, то есть система из двух звезд. Конечно, в древности не было инструментов, чтобы установить факт вращения Сириуса Б вокруг Сириуса А. Астрофизики, приглядевшись с помощью точнейших приборов к малой звезде Б, поняли, что это так называемый белый карлик — небесное тело в последней стадии своего развития. Естественно, у него был период «агонии», перед которой он имел гигантские размеры и был красного цвета. Вот этот «золотой» оттенок и зафиксирован в древности. Конец фазы красного гиганта был пропущен в так называемые «смутные времена» после падения античной цивилизации. Да, наблюдений не было в Европе, но почему ничего не заметили восточные астрономы? Ведь произошла явная перемена в заметной на небе звезде...

Обычно физические метаморфозы, связанные с переходом от красного гиганта к белому карлику, длятся сотни, а то и тысячи лет. Судя по всему, делают первый вывод ученые, процесс на Сириусе Б был бурным и внезапным. Но именно это не укладывается в рамки современных представлений. На гипотезу В. Шлоссера и В. Бергмана накинулась целая армия приверженцев традиционных взглядов на процессы в звездах. Они утверждают, что коллапс, связанный с выбросом огромных масс раска-

---

ТРОЕ ИЗ «ПОЛИТЕХНИКА»

Окончание. Начало на стр. 147

курирует дорожное строительство в сельской местности, вообще игнорирует внедрение новой технологии на предприятиях ведомства. Спокойней, как говорят, «жить по старинке».

Ох как накладно обходится эта «старинка» селу! При изготовлении покрытий сельских дорог по-прежнему используется известь, которую как сырье асфальтобетонные заводы агропрома не имеют. Зато известняк получают хозяйства — для обескисливания кислотных почв. С хозяйствами заключаются кабальные договора: вы нам даете столько-то тонн извести, а мы вам строим столько-то километров дороги. А известковую муку выпускает только одно предприятие в республике — витебское ПО «Доломит». Известь — дефицит, тонна известковой муки при внесении в почву дает прибавку урожая (в пересчете на деньги) на

ленных газов и пыли, попал бы в средневековые летописи как отголосок легенд, сложенных суеверными людьми о небесном огне. Но таких сведений нет. Быть может, рассуждают далее авторы гипотезы, коллапс был специфическим, звезда Б угасла медленно и незаметно для людей. Случился какой-то очень плавный переход из золотого в серебряный цвет...

Однако и это пока не укладывается в рамки принятых теорий. Пытаясь прояснить сложный парадокс, ученые из Бохума заявляют: «Сириус скорее всего нетрадиционная бинарная звездная система. Он заставит нас пересмотреть сложившиеся взгляды на жизнь и метаморфозы звезд».

Есть ли какие-нибудь факты в пользу особенностей Сириуса Б? Да, они найдены. Спектрографические анализы показывают, что белый карлик содержит мало металлов, а на его большом собрате — Сириусе А — их больше, чем это обычно бывает на звездах подобного типа. Может, эти металлы были переброшены по космическому мосту после коллапса на красном Б? Тогда переход одного цвета в другой и мог остаться незамеченным.

Эта вторая часть гипотезы, объясняющая плавный коллапс и незамеченное затухание Сириуса, тоже опровергается как «поспешное экстраординарное суждение».

Однако в подобных случаях нужны не бешеные атаки на смелые гипотезы, а совместное исследование трудной загадки, развитие первых рабочих предположений. Как не вспомнить здесь совет, высказанный М. В. Ломоносовым еще в 1748 году: «Не должно спешить с осуждением гипотез!» Наш энциклопедист видел в них путь к открытию важных истин. Быть может, наши читатели выскажут свои предположения о загадке Сириуса?

Г. МАЛИНИЧЕВ

---

50 рублей. Вот и выходит, что, прокладывая очень нужные им дороги, хозяйства грабят самих же себя. А ведь в агропроме хорошо информированы о том, что новая технология позволяет «одевать» дороги без затрат дефицитного компонента.

— Главное, что у нас есть,— говорит Алексей Бусел,— это желание, воля коллектива НТО «Политехник», есть первые, но ценные опыты в организации и работе хозрасчетных творческих групп, в налаживании взаимовыгодных отношений с производством. Ведь в деятельности «Политехника» как заинтересованные партнеры участвуют многие десятки производственных объединений, заводов и предприятий из разных регионов страны.

Ю. ЕВГЕНЬЕВ

Первая страница обложки «Товарища»: учащаяся СПТУ № 64 Светлана Прудовская (репортаж «Школа мастеров» читайте на стр. 130). Фото А. ЕГОРОВА.

Учащиеся СПТУ № 64 в Городе мастеров

Репортаж «Школа мастеров» читайте на стр. 130. Фото А. ЕГОРОВА.

Николай ЗАДОРНОВ

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ

Роман

Окончание. Начало на стр. 32

А с холма, на котором стоял ямынь, из губернаторского сада, навели на северную часть города дальнобойные пушки, доставленные для защиты кантонской резиденции графа, в которой он не ночевал, но куда ежедневно приезжал для занятий.

Еще через интервал пошли солдаты Хеллуорда, за ними — артиллеристы, а также кули «отца и наставника», волочившие пушку, заряженную картечью. Сам капитан Холл, идя сзади, наблюдал за своими плечистыми приемышами с разбойничьими рожами. Все это шествие поглощалось гигантским Кантоном, опускалось в его недра, как в бездонную бочку. Могли всех перерезать. Шли туда, где еще никто не бывал, куда не ходили патрули и не решались проникнуть, с целью своих исследований, бесстрашные «синие жакеты». По дороге жители предлагали купить у них меха, соболей, лис и выдр, видимо, награбленных в сокровищнице. Отставший от строя пенджабец вырвал шкурки соболя у оборванца, отпихнул его ногой, а мех спрятал.

Китайцев-проводников матросы вели под штыками, чтобы знали, что в любой миг будут заколоты за предательство. За проводниками шел Эллиот. Вунг подтверждал время от времени, что идут верно. Он знал о существовании ямыня в этой части города. Улицы становились все у́же и выписывали кривые, тут черт знает что может случиться. Непохоже на правильную китайскую планировку города.

Где мы? Это никакому плану не соответствует.

— Вперед! — Эллиот взял в обе руки по кольту.

Шли долго и зашли далеко. Каждый твердил себе, что даром не дастся. Никто уже не верил проводникам, не верили даже молодому Вунгу, и капитан Темпль грозил его пристрелить.

— Ур-ра! Вот и ямынь. — Матросы и маринеры кинулись внутрь. По комнатам забегали чиновники в халатах. Матросы хватали ящики с документами, а вместо них запихивали в шкафы чиновников, грозя при этом, что пристрелят, если посмеют высунуться.

Чиновников с шариками высоких рангов на шапочках хватали и допрашивали.

— Где Е?

— Я...

— Ты Е?

— Я Е...

От хорошего матросского кулака чиновник тут же ложился замертво.

— Вот, поймали!

— И это не Е.

— Ваше превосходительство! — закричал коксвайн Том. — Скорей, сюда! Е во дворе.

Чарльз Эллиот через террасу выпрыгнул наружу. Все ринулись сквозь окна и двери. В углу к каменной стене прислонена лестница, и по ней взбирается китаец огромной толщины, и ему помогают человек пять чиновников.

— Е! Е! — в диком восторге заорали матросы, подымая лестницу и хватая толстяка. Е стащили и повернули лицом к коммодору.

— А-а! Вот ты! — схватил его за оба плеча Эллиот и тряхнул как тумбу, которою вбивают сваи.

— Это, наконец, сам Е!

Толстяк ослаб, маленькие глаза его бегали, а огромное лицо набухло буграми, нос вспух, он отекал на глазах. Коксвайн обхватил Е вокруг пояса и во весь вес поднял его на руки. Толпа моряков пришла в неистовство от восторга, люди теряли разум, они плясали, орали, прыгали, как дикари, сплошной массой вокруг Е и каждый заглядывал ему в лицо, а Е в ужасе щерился, как пойманная крыса гигантского размера, и бух, как надувной мяч, и обливался жиром.

Раздался мощный хохот отряда военных кули, вошедших во двор и увидевших схваченного Е. Жители окрест-

ных кварталов также набивались во двор. Они смеялись, показывая на Е руками.

Эллиот почувствовал сильный удар в спину. На мгновение показалось, что он ранен. Боль отозвалась во всем теле. Он обернулся. На земле лежал брошенный камень. Пущен детской, но сильной рукой. Если б матросы заметили, не пожалели бы подростка.

«Может быть, он похож на моего родного сына!» — подумал Эллиот. Боль не проходила, напоминая, что здесь не театр, где разыгрывают потешную комедию. Удар может быть и покрепче, даже смертельный. Каждая палка о двух концах. Он вспомнил сетование Элгина на несправедливость наших действий и впервые подумал, что они могли не быть лицемерны. Конечно, весь наш успех еще ничего не означает. Самому не так-то приятно сносить боль и грубости. Почувствовалось зло.

Коксвайн накрепко связал руки Е веревкой, и чудовище повели, как бегемота. Хохот китайцев стал еще громче. Это был больной смех излечивающегося больного, исстрадавшегося от вековых ран, при виде злодея, которому пришел конец. Е затрясся, проходя мимо хохочущих кули. Его забило сплошной дрожью, которую он не в силах остановить и не может скрыть, он никогда не нуждался в умении владеть собой, у него не бывало подобных трудных минут. Каждое новое выражение испуга, вздрагивание лица вызывало взрывы хохота китайцев. Население Кантона готово было травить, дразнить его. А джеки показывали, как его повесят или как ему отрубят голову.

Ликующие западные варвары вели его на веревке через весь Кантон. Какие ужасные предатели вокруг, как мало Е рубил им головы!

Е уже не мог идти и сваливался, но его подняли. Кули подали кресло на носилках. Е взвалили на него, принесли в ямынь и сняли с креслом вместе.

Увидя себя в ямыне, Е приободрился. «Меня убьют? — желал бы знать Е. — Непохоже...» Е поднял голову. Он приведен не на казнь. Важные чины в золотых эполетах сидели за его собственным столом. Он знал, какие отличия и нашивки означают должности, заслуги и чины варваров. Выражение упрямства и бычья осанка стали возвращаться к Е. Являлся сильный зверь вместо посмешища.

Перед ним адмирал Сеймур, генерал Струбензее, французский адмирал Арни и офицеры, все без зла на лицах.

Переводчик офицер вежливо объяснил, что с ним будет говорить адмирал Сеймур. Лицо Е выразило удовлетворение. Это достойно.

Едва допрос начался, как Е опять впал в ничтожество. Собралось множество офицеров. Кругом сидели офицеры и быстро срисовывали его. Е объяснили, что тут корреспондент газеты «Таймс» Кук. Е опять стал валиться на бок, но его поддержали и дали прийти в чувство.

После нескольких вопросов он выбрал удобное мгновение и спросил: «Что теперь со мной будет?» — Руки его постыдно задрожали в ожидании ответа.

— Жизнь Е будет сохранена, — ответил Сеймур. Переводчик еще не переводил, адмирал не закончил фразу.

— Скажите ему, что не в нашем обычае лишать жизни захваченных в плен противников.

Выражение лица и тон Сеймура могли навести страх на кого угодно. Е не понимал слов, но почувствовал трепет, на него повеяло смертельным холодом, и он боялся перевода.

И вдруг бугры на лице Е опали, глаза открылись, явилось выражение самодовольства, и все так быстро, словно из него, как воздух из мяча, вышел весь страх, и остался Е в своем обычном виде.

— Такой он нам и нужен, — сказал Сеймур.

— Что? — возмущенно вскричал Эллиот.

«Со мной ничего не будет», — решил Е и взглянул на Эллиота. Е ухмыльнулся. Он по-прежнему пытался уверить себя, как низки и ничтожны перед ним все эти варвары моря и суши из стран запада. Это ничтожества. Весь мир боится Китая! «Я еще подумаю, стоит ли мне отвечать вам. Попробуйте-ка теперь...»

— Адмирал спрашивает, где попавший в ваши руки англичанин Купер? — заговорил Смит. Уже при звуках голоса адмирала на лице Е опять стали выступать отеки.

Е молчал. Казалось, от страха ему отшибло память. Или он искусно притворялся?

— Я... я... не могу вспомнить... Ах, кто такой этот Купер? — сощурившись, спросил он.

Смит напомнил, где, кто и при каких обстоятельствах схватил хозяина гонконгского дока Купера.

Е сказал, что сейчас вспоминает и ответит сам. Он, кажется, затевал игру.

— Мы также ничего не знаем о судьбе двух англичан:

Гибсона и Рея, оказавшихся у вас. Где они? — продолжал адмирал.

— Ах, я вспомнил, — приходя в хорошее настроение, сказал Е. — Я сам приказал убить Купера. Хи-хи-хи, — тихо подхихикнул пленник. — Могу показать все три могилы. Всех трех, про кого вы спрашиваете. Всего я казнил четырнадцать попавшихся мне англичан.

Волна движения и гул прошли по гуще военных, сидевших за столом и по всей комнате.

Лгал Е? Желал придать себе вес по своим собственным понятиям и заслужить большее уважение? Адмиралу неизвестно что-либо о каких-либо попавших в плен, кроме трех упомянутых британцев. Может быть, англичанами назывались другие европейцы, которых Е также охотно казнил.

— Где же могила Купера? Где могилы Рея и Гибсона?

— Все три могилы близко отсюда. Да, я их убил, — повторил Е. — Я также велел убить жену Эллиота, — добавил Е, не глядя на коммодора.

— Я знаю! — не дожидаясь перевода, ответил по-китайски Эллиот, показывая веревку, на которой коксвайн привел губернатора.

Спокойствие, с которым Е говорил об отданных им приказаниях убивать людей, всех удивляло, и все стали как наэлектризованные. Этот палач просился на виселицу. Эллиот прав: нельзя щадить, нельзя не отомстить. Всех охватывало негодование, которое временами прорывалось. Е слышал, как от его признаний в убийствах опять гул проходил по тесно сидевшей массе присутствующих.

Е продолжал давать справки. Его уже защекотало знакомое чувство, не известное никому другому. Он любил узнавать подробности убийств и сейчас мог бы поделиться, как умелые палачи и с какой целью расчленяют тела. Он испытывал наслаждение, когда подсмотреть что-то подобное удавалось самому. Он давал слушающим его варварам урок твердости. Он побеждал этих людей с их слабыми нервами.

— Я знаю, что у вас есть привычка при трусости и бессилье на поле боя, — сказал Сеймур, — потом вымещать свою ненависть на одиноком пленнике со всей изощренностью и радоваться поступающим докладам из камеры пыток. Вы схватите голландца или русского, а в Пекин сообщите, что умерщвлен еще один англичанин.

— Я убивал не только одиноких пленников, — слегка

разводя маленькими смуглыми руками, тонкими и элегантными, как у пианиста, заметил Е.

— Господа, надо вешать! — вдруг поднялся Артур.

— Нельзя.

— Вешать! Я взял эту мерзость, и я своими руками повешу его. Неужели его оставлять в живых? Уморите его, как они морят, возьмите с них пример!

— Сколько же людей вы убили? — спросил Сеймур. — Правда ли, что по вашему приказанию казнены восемьдесят тысяч пленных, что вы перерубили головы целой армии тайпинских повстанцев, окруженных и сдавшихся вам под ваше честное слово сохранить им жизнь?

Е засмеялся, скалясь. Смех его похож на злое рыдание со всхлипываниями.

— Я не убил столько. Ничего подобного! Но всего в разное время я приказал казнить... Кажется... Да... Сто двадцать тысяч человек. Да, тайпинов я лишал жизни... Обещать им жизнь и убить — это очень хорошо. Хи-хи-хи ху... хо... Тайпинов было восемьдесят тысяч, но вы не точны, ошибаетесь в подсчете.

Все это надоедало, и опять вокруг раздались возгласы. Похоже, что все эти варвары могут не удержаться, они кинутся и разорвут Е на части.

— Задушить немедля!

— Я вздерну его своей рукой, — выходя, сказал Эллиот.

Смит сегодня переводил все это, говорил об убийствах, пытках и преследованиях. Как же он может полюбить? А ему казалось, что он любит. Кому он нужен, молодой человек, который каждый день возится с убитыми и отравленными, с раскопанными могилами и с гниющими трупами, и с негодяями вроде Е. Как после этого прийти на свидание с юным созданием и убеждать ее в своих чувствах... Язык не повернулся бы. Смит молод, и все это лишь его профессия, долг. Можно ли это объяснить? Поймет ли Энн? Она умна. Или его удел на всю жизнь предопределен? Он недалеко ушел от Е, с его множеством покойников и с книгами по некромании.

— Не дергай руками! — прикрикнул коксвайн, подходя к Е с веревкой. Е так затрясло, что, казалось, он хочет сорваться. «Я все же тверд, — говорил он себе, — не могу только преодолеть дрожь, как ни уверяю себя в своей правоте, но бьет, бьет, трясет, до боли в щеках, до тря-

ски в мозгах... неужели у всех было так, кого я приговаривал?» Но думаешь о себе.

Да, подданных королевы он приказывал убивать... Е кормил крыс самим Купером. Сейчас варвары не посмеют повесить Е. От американцев Е узнал, что в парламенте королевы обвинили Боуринга. Парламент за меня заступится и на этот раз... И все были на моей стороне. Я тверд и прав.

Сеймур полагал, что если генералы молодого царя не проведут черту, резко отделяющую Европу от всей этой мерзкой азиатской гнили человечества, и не займут твердых и удобных позиций, то всю грязь опять придется расхлебывать нам и французам. Жить тут, торговать и воевать, и попадать в их руки. Выручать барыши. А нам, военным, гибнуть за выгоды коммерсантов и дельцов, за грязные европейско-китайские и американские махинации. Адмирал спросил, что бы желал губернатор Е для себя.

Е ответил, что не знает, где он будет находиться, и печально оглядел свою обширную комнату.

— Вы здесь не останетесь. На корабль «Флексибл»! Там все приготовлено для вас.

— Куда меня отправляют? — встревожился Е.

— На английский корабль, для плавания в Индию. Там вы будете находиться как пленник.

— Я не поеду! Я не желаю. — Е заговорил быстро и горячо, но переводчики молчали.

Увидев зашевелившегося силача коксвейна с веревкой, Е закричал:

— Впрочем, я согласен... Я соизволяю! Я снисхожу к вам! Я принимаю ваше приглашение.

Е вывели из ямыня и при смехе и возгласах сожаления толпившихся жителей повели по улице под надзором провост-маршала и офицеров.

Близ пристани навстречу двигались войска. В середине их ехал на коне англичанин в белой фуражке, в одежде частного лица, без военных знаков. Плохое предзнаменование. Белый цвет траурный.

— В город, под почетным эскортом, едет наш главнокомандующий и посол королевы, сэр Джеймс Элгин, — пояснил Смит.

Этого Е желал бы видеть! Это равный ему чин. Сейчас остановятся оба почетных эскорта, и состоится историче-

ская беседа. Е ждал. Но Элгин не остановился и не поглядел на него.

Е заволновался, лицо его стало отекать, полил пот... Он откинулся в негодовании. Посол проехал, не обратив на него внимания. Он не посмотрел. Словно Е не что иное, как сеза дунси — маленькая вещь, мелочь между западом и востоком.

С корабля, где Е был помещен, прибыли офицеры с докладами к послу и адмиралу о его самочувствии.

Е недоволен, что помещен у капитана корабля, который имеет только две нашивки. Е просит назначить его на корабль капитана с тремя нашивками.

У Е повар, слуги, кули, всего пятеро китайцев. «Синие жакеты» возмутились. Появились вши.

Капитан приказал: всех вымыть и выстричь. Матросы раздели спутников Е, окатили всех горячей водой и скребли, выварили их одежду, проутюжили, выветрили вещи, вычистили, старье выбросили. Выдали матросское белье.

— А как вы, капитан, живете с Е в одной каюте? — заехав на корабль, спросил Майкл Сеймур.

— О да... — ответил капитан.

Е находился в одном из отделений его каюты. Тут всегда дежурный офицер. Е находится на положении почетного гостя и поднадзорного пленника.

— Он также вшивый?

— Он не моется, а обтирается. Вши были и на нем. Мы помним ваш приказ не подвергать Е насилию. Но мы вышли из положения...

— Вы находили вшей на себе?

— Да, сэр.

— И как вы себя чувствуете после этого?

— Я исполняю гуманный приказ сэра Джеймса и соблюдаю престиж правительства. Моряк ко всему привычен. После каждого боя «синие жакеты» набирают на себя разных насекомых.

«Они сражаются не там, где надо!» — подумал адмирал.

— Я не боюсь. Моряк привычен. Я кормил вшей крымских, индийских, африканских, а теперь китайских. Но на корабле мы их вывели. Е было предложено вымыться самому. Обещано, что матросы не будут его скрести. Но... мы постарались, и я уверен, что вшей на нем не осталось. Я сообщу послу, что все формальные признаки уважения соблюдались.

Кук и Смит, приехавшие с адмиралом, остались после его отбытия на корабле.

— Вы не закончите жизнь самоубийством? — спросил Смит.

— Кто? Я? — испугался Е.

— Да, Пей Квей сказал мне, что вы хотите закончить жизнь самоубийством и что он жалеет вас. Вас разжалует богдыхан, и вы будете опозорены. Не подумайте, что мы желаем вашей гибели. Напротив, вот мистер Кук поедет как ваш друг сопровождать вас в Индию. Вас отправят в Калькутту, в пожизненную ссылку.

— А кто мистер Кук?

— Корреспондент газеты «Таймс».

— Такие люди! — с презрением сказал капитану Е после ухода Кука. — И такие люди пишут у вас в газеты для народа, имеют свои мнения, управляют страной и парламентом.

— А как у вас?

— А у нас только одна газета, печатается в Пекине. В ней сообщается только то, что велит государь.

Но кончать жизнь самоубийством Е не намеревался, несмотря на всю приверженность традициям и богдыхану.

Пароход пришел в Гонконг. Там публика ломилась на корабль. Смит и Кук принимали гостей. Любезная услуга за любезность. У Кука на руках прокламации из Пекина. Е лишен всех заслуг, проклят, присужден Сыном Неба к смертной казни.

Е не поморщился. Это очень маленькая вещь этот корреспондент «Таймс», чтобы выражать ему хотя бы небольшую долю внимания.

Но Кук все более становился ему необходим.

Однажды Е спросил его про Индию, идет ли там война.

Боурингу послано приглашение приехать и посмотреть на старого приятеля.

Сэр Джон приехал с дочерью. Он так любезно и спокойно поговорил в салоне с Е, что озадачил его. Так можно говорить с купцом, с которым имеешь дела, а не со взятым в плен главнокомандующим. Е удивлялся, как такой любезный умный человек мог придраться к нему из-за ничтожной шаланды «Эрроу», на которой собралась шайка китайских преступников. Как такой человек мог отдать глупое приказание и затеять войну в защиту грабителей, как лжец и обманщик, действуя по китайской

пословице «если привяжется — будет раздувать». Похоже, что уроки в парламенте пошли ему на пользу, полагал Е. Он совсем не страшный теперь. Его припугнули.

Во время разговора про конфликт с «Эрроу» и про войну прошлого года не поминали. Сэр Джон не торжествовал и старое позабыл.

Е не был благодарен парламенту, так как это варварское учреждение, хотя оно и приняло китайскую сторону. Но это бесполезно. Е признали. И теперь его боятся. У них достаточно, чтобы при обсуждении упомянули человека, и он может жить. Но Е этого мало. Он не варвар.

Смит, переводивший разговор двух губернаторов, подумал об этом же. Как искусно и осторожно держались годами китайцы, не давая ни единого повода придраться, если Боурингу пришлось ухватиться за ссору китайской полиции Кантона с китайскими преступниками, защищавшимися нашим именем. Судно под английским флагом! Может быть, Боуринг или, может быть, сам Смит состряпали все это по принятой системе защиты прав. И как прав в своей ноте Е, когда он пишет: «Такая мелочь, как дело «Эрроу». Е, видимо, слышал о прениях в парламенте, а через кантонский ямынь сведения шли из Гонконга дальше на Пекин, по каналам, которые, как ученый в лаборатории, исследует сейчас капитан Смит, получивший бумаги, к которым он давно стремился. Как только Смит проводит Е в Индию, он опять вернется в архив кантонского ямыня. Нужные бумаги будут оттуда вывезены. Посол Элгин и адмирал Сеймур так разгромили Кантон, что у китайцев не должно остаться никакой иллюзии о благожелательности парламента к злодею Е.

Боуринг сказал Е, что его переведут на другой, более удобный корабль.

— Куда меня отправят? — еще раз осведомился Е.

— В Индию. — Боуринг добавил, что на корабле будет капитан с тремя нашивками.

— Хорошо, — сказал Е. — Я принимаю приглашение и соглашаюсь.

Е заметил миловидность Энн и ревниво спросил у переводчика:

— А это кто?

— Это дочь губернатора Боуринга.

Энн, знавшая китайский язык, росшая в колонии, поняла. Она попросила разрешения задать Е вопросы.

Е желал принять вид важности, какой, по его мнению, и Боурингу сейчас был бы необходим. Но Е потерял самообладание.

Энн задала несколько благочестивых вопросов о религии. Она говорила через переводчика, но Е с удивлением понял, что она знает язык, отвечает ему по-своему, но не дожидаясь перевода.

Энн спросила, придерживается ли господин Е одной религии.

Е ответил, что исповедует две религии, и добавил, что у него также две жены. Он оживился и охотно ответил на все вопросы Энн. Она осторожно спросила, нравится ли ему Гонконг.

Е впервые видел Гонконг с его цветными этажами особняков над городом, над морем и по горе и со множеством красивых кораблей и пароходов. Но он всегда на все подобные вопросы отвечал, что нигде нет ничего интересного, кроме как в Китае, и ему не на что смотреть.

— Ведь это тоже Китай, — сказала Энн, догадываясь о его затруднениях.

«Неужели?» — подумал Е. Он был тронут и готов прослезиться. Он китаец, и он горячо любил свою великую родину.

— Очень благодарна вам, — сказала Энн, прощаясь со Смитом.

— За что же? Вы так прекрасно понимаете без переводчика.

— Но без вас я бы не могла говорить с маршалом. Китайский язык — это далеко не французский, на котором можно смело заговаривать с каждым образованным человеком во всем мире. Женщина должна соблюдать приличия. В китайском языке свои условности.

Энн протянула руку, Смит пожал чуть сильней, чем полагается, и сконфузился. Это ужасный недостаток — его застенчивость. Энн очень, очень нравилась ему. Но в проявлениях добрых намерений он неопытен. Если бы она сама как-то подала повод. Смит боялся обидеть ее. Он боялся потерять ее, надо спешить, но как — он не знает, и он в отчаянье. Ему нравилось изучать людей, читать их мысли, преследовать их, проникать в их тайны, но не с барышнями. Разговор с милой девицей обезоруживает его. Но это не значит, что Смит не умеет лю-

бить. Он счастлив сегодня. А гребной катер губернатора уже далек от борта военного судна.

Е перевели на другое судно. Там был капитан с тремя нашивками. Как видел Кук, более ни о чем его знаменитый спутник пока не беспокоился.

Е только смущали большие железные клетки, стоявшие на палубе. Кук, шедший с Е в Индию и намеревавшийся писать о нем книгу, объяснил, что это клетки для зверей, которых возьмут в Индии для зоологического парка, заложенного Боурингом в Гонконге в этом году.

Но когда мимо военного корабля шли китайские лодки, то с них спутникам Е, проводившим много времени в качестве зевак на палубе, кричали, что эти клетки для них, что в самую большую клетку посадят Е и, когда выйдут далеко в море, где нет дна, столкнут клетку с губернатором. Гонконгские китайцы совершенно невежливы. Е иногда, сидя в новой каюте, слышал эти разговоры.

Рано утром, пока никто не видит, Е любил постоять у открытого иллюминатора и посмотреть, как пробуждается город, какая разноцветная богатая жизнь вокруг. Е ни за что не признался бы, что это приятно. Ведь приятно для него только то, что приказано свыше считать приятным. Только в Китае что-то еще заслуживает внимания, все остальное повсюду отвратительно. Варварская грязь! Неправильная, ложная жизнь!

Е помнил фразу, сказанную дочерью губернатора, что все это тоже Китай. Но если бы это попало в руки Е, он все бы тут загубил, всем бы перерубил головы и все велел бы переломать. А жаль. Значит, Китаю все это еще не отдадут долго, до тех пор, пока китайцы сами не перестанут быть варварами. И не научатся притворяться, как отец и сын Вунги, что они стали европейцами. Впрочем, когда бы Гонконг ни отдали, все равно в Китае сохранятся последователи Е, которые пообещают не рубить в Гонконге головы, но потихоньку возьмутся и начнут наводить единство и отклонений не позволят. Ради этого удовольствия можно пообещать в договорах, что ради великих идей и справедливости все будет соблюдаться, и ради всех прочих слов, употребляемых в парламенте и в конгрессе.

У Кука свои заботы. Для «Таймс» нужна сенсация. Первая корреспонденция о захвате Е на лестнице успела

пойти из Кантона в Гонконг к отходу пакетбота. Теперь — все остальное. Придется написать, как жестокий злодей Е валялся и плакал в ногах у лорда Элгина, просил пощадить и рыдал. Офицеры смеялись. Какой важный недоступный вельможа, палач и злодей, как с него сбили спесь. Кук, для проверки, рассказал об этом в Гонконге и все поверили. Получилось, что пустил слух. Сведения, как Е валялся в ногах посла, пошли по Гонконгу и приводили всех в восторг. Кто-то передал солдатам и матросам, и все смеялись.

Владычица Морей не боится правды. Властелины — ее сыны, повергают в трепет самых величайших владык мира. Даже Е валялся в ногах... Читатель передаст газету из рук в руки: «Читайте. Очевидец Кук из Кантона... Пишет...» В кафе, в пабах, в лавочках и салонах. Зашевелится вся демократия.

— Итак, маршал, вы поплывете на пароходе через океан. Мы покажем вам весь мир, — говорил Кук, отправив письма в Лондон и отдыхая за беседой с Е.

— Меня это не интересует. За пределами Китая нет ничего заслуживающего внимания. Все самое лучшее только у нас.

— А когда мы захотели видеть все это лучшее, что там у вас, вы нас не пустили.

Врет Е, что нет ничего интересного. Матрос сказал, что утром Е долго смотрел в портик на город, пока его не заметили. Тогда спрятался. И весь день делал вид, что его ничем не удивишь, что тут все отвратительно, посмотреть не на что.

«Как он ест?» — запрашивали с берега перед отплытием... «Вкусно ли готовят его повара?» «Есть ли свежая свинина и курица?..»

— Это правда, что клетка не для меня? — спросил Е у Кука, когда пароход пошел в открытое море.

— Ах, черт возьми! — воскликнул Е, когда сопки острова и берега слились и потонули в океане. — Я забыл сказать Боурингу...

— О чем?

— Вот что получилось! Да, я забыл ему сказать: «Я же предупреждал вас, что вы бессильны на суше. Ах, зачем вы меня не послушали. Это не по-соседски». Теперь напрасно меня обвинять в том, в чем вина не наша. Парламент может ему строго указать.

Глава 12

РАЗГРОМ

Элгин стоял на кантонской стене с проломами и развалинами и, как Наполеон в Кремле, невольно скрестив руки, печально глядел на поток людей, валивших через ворота в северной башне, прочь из города. Кантон еще многолюден, но если уход населения не задержать, то город опустеет, начнутся пожары, все превратится в пепел или развалится. Скандал разразится на весь мир. Удар, который наносят победителям беззащитные женщины с детьми, не желающие терпеть муки и голод, оставаться в городе, где царит произвол, Элгин, мор и чума, будет куда опаснее всех происков Е. Приказ адмирала, отданный перед штурмом и призывающий к гуманности с мирными жителями, упоминал о той части китайского населения, которая ждет избавления от ярма мандаринов.

Нам казалось, что в самом деле, в китайском народе у нас найдутся союзники и поддержка. Мы старались вызвать ее. Но вот, когда началось испытание, оказывается, что с нами очень немногие, а миллион не хочет ломать обычаев своей жизни. Да им просто нечего есть, они голодны, у них нет никакой политической программы, но они невольно показывают, какая нелепица получилась из нашей собственной программы, которую мы подкрепили всем могуществом современного флота и оружия. Если голод и болезни выкосят население еще недавно цветущего города, то и нам несдобровать. Наша администрация малочисленна и бессильна. Смит, Маркес, Вейд бьются как рыбы об лед; однако их не слушают и не обращают внимания на их призывы.

Наши приказы по армии и флоту! «Синие жакеты» так грабят, что их пришлось на другой день после боя вернуть на эскадру. Ливень тушил пожары, вспыхнувшие во время бомбардировки. Теперь наши патрули бегают с пожара на пожар, а машины для качки воды таскают на руках военные кули. Но поспеть всюду невозможно. У китайцев был свой порядок. Теперь, когда во взятом нами городе китайского порядка нет, мы оказываемся в ужасном положении.

А толпы текут из города в поля. Помнится такой же черный людской поток из Вестминстерского собора, растекающийся по улицам и казавшийся неиссякаемым. Кан-

тон выбрасывает из себя массы народа, и он все еще многолюден.

Какой ужас! Британцы прославили себя на весь мир умением торговать. А тут уходят покупатели манчестерских и ливерпульских товаров. Кантонский рынок, это золотое дно для Китая и для Англии, погибает у меня на глазах. Коммерция и с ней политика будут подорваны. Положение завоевателя бедственное. Если так все идет, то даже отвратительный опиум, этот яд для слабодушных, никто не будет покупать, оскудеет основа британского процветания в Гонконге. Ошибаются те, кто видит в нас лишь кровавых завоевателей, какими бывали орды фанатиков на континенте Азии и Европы. В завоеванных народах мы прежде всего видим покупателей и сразу же начинаем продавать им наши товары. Какую массу изделий распространяем мы по всем странам мира. Это не столько завоевания, сколько приобщение целых народов к современной мировой торговле. Поэтому мы обязаны действовать по возможности гуманно. Пробуждать в народах новые потребности — наша цель, а не фанатическое истребление масс, целых народов или целых категорий населения, как делают тайпины. «Кровавые завоевания фанатиков, — говорил в Индии генерал-губернатор Джон Каннинг, — придут после нашего владычества, после нас, именем великих идей, которые создаются нашими же оборванными интеллектуалами на лондонских улицах».

Что же делать?

Элгин ежедневно съезжал со своего парохода на берег и часами занимался в ямыне, как мэр китайского города. Теперь он так же, как губернатор двух Гуаней. Но на ночь он отправляется в свою надежную плавучую резиденцию.

Сопротивления войскам, стоящим в городе, нет. Торговля замирает. Если город опустеет, то коммерсанты потеряют миллионные доходы. Товары не имеют сбыта. Китайцы уверяют, что больше никто не курит опиума: некому. Никому не нужен привоз английских товаров и нет доставки китайских. Запасы на складах иссякают.

Китайские торговцы прибегают в ямынь, умоляют, просят прислать солдат. Закрытый магазин взломан, идет грабеж. Теперь уже грабят не «синие жакеты» и не солдаты, а сами китайцы. Команда посылается на разгон преступников. Убийц и злодеев солдаты расстреливают на месте. Купцы благодарят, платят за спасение, дают

серебро; не все берут и не все отказываются. Но эта война внутри Кантона с невидимыми армиями преступников все разрастается и начинает походить на повальное бедствие.

Элгин поначалу, как мэр или полномочный мандарин из Пекина, осматривал храмы, школы, общественные места и торговые ряды, намеревался посетить тюрьмы. Но быстро все пустеет. В городе повальные болезни, люди умирают на улицах, бродят тысячи голодных детей, они доверчиво бросаются к каждому европейцу, умоляют дать им еды.

Даже к матросам, ворвавшимся в Кантон с боем и насилиями, и взрослые и дети осмеливаются подходить. Вокруг красного мундира собирается толпа. А наш солдат при этом, бывает, что срывает шляпу с уличного торговца барахлом, берет его за косу и обучает вежливости, объясняя, что надо снимать шляпу и кланяться при виде европейца.

— Снимай шляпу! — подкрепляет он свой урок тумаком под ребро.

«Вот как мы развиваем интересы в наших покоренных народах», — подумал Элгин, наблюдавший сегодня такую сцену. Он не выдержал:

— Вы! Джек! У них нет обычаев снимать шляпу. Кто же из вас дикарь?

С каждым днем Элгин все более убеждался, что ему тут невозможно со всем справиться. Он получил образование европейского экономиста и теперь убеждался, как глупа эта наука в сопоставлении с экономической практикой. В этом городе до вступления в него войск союзников существовал закон и соблюдался порядок. Теперь Элгин, со своим войском, флотом, с военной полицией, с запасами и снаряжением, почувствовал себя бессильным пловцом среди бескрайнего моря. Накормить всех невозможно. Каждый завоеватель должен помнить: завоевывая народы, их надо накормить, иначе они вымрут и некого будет учить производить богатство и некого эксплуатировать согласно законам политической экономии, исчезнет смысл войны ради интересов цивилизации. А в отношении Китая эта истина особенно верна. Можно посоветовать никому с ним не связываться. Конечно, можно идти дальше, за Кантон, брать город за городом и этим ставить себя и свою империю во все более зависимое от Китая положение. В Кантоне забушевал тайфун китайского про-

теста, и Элгин, с грустью глядя в глаза «синих жакетов» и солдат, всем, кому он отдал приказ стрелять по этому городу и брать его с боем, хотел бы разрешить то, что разрешить никогда и никому не удавалось. Цель достигнута. Е взят в плен. Стены Кантона взорваны. Превосходство англичан на суше доказано. Посланы новые требования в Пекин — допустить западных послов в столицу, открыть реки Китая для плавания европейских судов. Настояния открыть страну для торговли и для въезда иностранцев подтверждены. Все, что мы желали, исполнено. Но затруднения только еще начинаются. Неужели наша армия и флот будут разгромлены еще ужасней, чем мы разгромили Кантон?

В ямыне происходили встречи и беседы с французским послом бароном Гро, с адмиралами и генералом.

Офицер с переводчиком и конвоем послан был за бывшим гражданским губернатором Кантона, а другой за маньчжурским генералом. Не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к китайцам и вернуть им всю власть в городе. Мы сильны, но не надо оказываться в смешном положении. Не зная обычаев, порядков, хода здешней заведенной жизни, мы сделали все, что в наших силах, даже вывезли все из сокровищницы, но дальше дело не пойдет.

К подъезду ямыня опрятные богатыри носильщики поднесли красивые паланкины. Прибыл сам Хоква со свитой из китайских джентльменов, магнатов кантонской торговли. Они в безопасности жили в своих богатых домах под надежной охраной. Элгин вышел встретить и почтительно пригласил гостей в кабинет своего ямыня, в котором заменена мебель и поставлены очень удобные американские кресла и диваны с кожаными подушками, как у Рида.

Цветущий Хоква, свежий и благожелательный, ласково улыбаясь, почтительно осведомился о здоровье и благополучии ее величества королевы, о здоровье посла и его близких. Эта учтивость не была притворна.

Подали чай. Барон Гро отсутствовал. Высшие офицеры армии и флота были в сборе. Хоква, верный слуга и наперсник Е, он всегда писал доклады губернаторам о торговом положении в Гонконге, о намерениях англичан, об их силах, он собирал сведения от своих многочисленных торговцев, чья коммерция зависела от него как от главы

корпорации. Теперь этот магнат китайского бизнеса дружески и почтительно беседовал с Элгином.

Хоква, дубликат и антипод Вунга, он так же рьяно служит китайским властям, как Вунг британцам.

При этом Хоква и Вунг не враги, они соучастники многих коммерческих предприятий, видимо, надеются друг на друга и сохраняют взаимно высокое уважение.

В конце концов разговор свелся к серьезному предупреждению, которое, как сказал Хоква, он обязан сделать для спасения интернационального храма торговли. Может все пасть и погибнуть, начнется всеобщее нищенство, Кантон гибнет; закрываются его цветущие предприятия, на которых вырабатываются всемирно известные товары, заколачиваются его мастерские по обработке сырья. За Кантоном начнет сохнуть и увядать вся страна из двух Гуаней. Народ вымрет. Кому продавать! Кто будет курить! Сейчас у всех в голове, как спастись, а не как потягивать трубочку.

— При любых, самых тяжелых обстоятельствах я не покину Кантона, — сказал Хоква. Он довольно хорошо произнес эту фразу по-английски, помощь Смита не понадобилась.

Китайские джентльмены в своих дорогих халатах и прекрасных шелковых шапочках, рассевшиеся на американских диванах, подтверждали послу королевы свою готовность не покидать фронта торговли, не дать увянуть славному делу коммерции там, где их трудами она достигла небывалого, невиданного в стране расцвета. Хоква и его коллеги не отступят от данного слова и не уйдут. И в этом они близки и понятны британцам, как родные братья, хотя их нельзя посадить с собой за европейский обеденный стол.

— Жилища на лодках и на плашкоутах не только в цветах. Каждый бедняк что-то получал от общего движения денег и товаров, и каждый что-то заводил по своим силам. Товары дешевели. Каждый бедняк в своем деле процветает. Не произведите, высочайший гость, взрыва, который расколол бы наш с вами общий дом от крыши до фундамента.

Ничего не скажешь, смышлен чинк-чинк, китаеза!

Решение тут могло быть только одно. И ни одна нация в мире, кроме коммерческих британцев, еще не в силах понять рассуждений Хоква, как мы. У нас с ним ум один, полагал Элгин.

Как только Хоква с китайскими джентльменами простились и отбыли из ямыня, Эдуард Вунг сказал Элгину, что надо как можно скорей передавать управление городом в руки самих китайцев.

— Они прокормят и Кантон, и английскую армию.

Из ямыня гражданского губернатора возвратился посланный офицер с известием, что Пей Квей очень испугался, но через некоторое время он прибудет. Перед уходом должен сделать некоторые распоряжения. Его трясет от страха, он, видимо, опасается, что, как Е, его тоже куда-нибудь отправят.

До сих пор ни один из достопочтенных жителей города, ученых и коммерсантов, не соглашался стать мэром и взяться за наведение порядка. Все отказывались.

— Мы не такого высшего ранга и не имеем права.

Суть ответов Джеймс мог бы изложить своим языком: «Это не наше дело. Мы — интеллигенты и мыслители. Мы осуждаем политику властей. Это наша профессия, какая бы власть ни была, мы возмущаемся. А сами управлять не можем».

— Я не назначен на такую должность и не смею...

— Я не могу, я не достоин.

— Спасибо, спасибо вам, но это невозможно.

Полный и всеобщий отказ. Насильно не заставишь, а город рушится и разграбляется. Свирепствуют болезни, голод, мор, Элгин, чума. Об этом мрачно острил по собственному адресу посол, и у него опять был вид как в воду опущенного, безрадостного, чей пароход с колониальным грузом утонул. Получалось, что не он победил и разгромил китайцев, доведя дело до конца, как требовал Пальмерстон, а что китайцы победили нас и они не хотят нас выручать. Сами расхлебывайте. Все они боятся ответственности.

Эдуард Вунг чего-то недоговаривал.

Маньчжурский генерал живо сообразил, что дело идет к перемене, когда к нему пришли от посла королевы. Но как далеко, этого он не мог предугадать. Во всяком случае, его очень вежливо попросили и к послу не повели связанным или на веревке, как Е, на потеху всему городу. Хотя генерал был маньчжуром, но в нем была китайская важность. Он просил сказать Элгину, что приносит извинения, должен был привести себя в порядок, чтобы достойно явиться к такому высокому лицу. Поэтому заставил посла королевы ждать два часа.

Элгин изложил свой план. Он передает всю власть в Кантоне в руки гражданской и военной администрации Срединной Империи. Опасности для населения очевидны, поэтому срочно, как можно скорее, надо восстановить администрацию, привычную для жителей, и возобновить торговлю. Англичане и французы совместно приняли такое решение.

Генерал выслушал, задал несколько вопросов Элгину и сказал, что согласен взять на себя управление Кантоном.

Сэр Джеймс вздохнул свободно. Маньчжур прекрасно понимал все трудности, постигшие завоевателей. Экономику провинции, характер населения города Кантона, его нравы и занятия, генерал, как оказалось, знал. Он поделился своими соображениями. Обещал постараться. Полицейское дело ему известно. Он, конечно, меньше знает, чем гражданский губернатор, который был бы также полезен...

Элгин не первый раз замечал, что с маньчжурами дела вести проще, они держатся естественней, чем китайцы. Генерал полагал, что через неделю вся торговля оживет.

Опять послали за гражданским губернатором. Тот отказался прийти, сказал, что находится под почетной охраной и что его просили не выходить. Он обещал и не может изменить своему слову. К тому же нездоров, у него второй день болит голова, и он сегодня не может выходить на воздух.

Генерал тоже находился под домашним арестом, но он не подвергался никаким наказаниям, к нему не вламывались и не выказывали намерения увезти его куда-нибудь.

Элгин не собирался откладывать дело в долгий ящик. Служба превыше всего. Престиж и амбиции не имеют тут никакого значения. Он сам явился к Пей Квею с двумя офицерами и переводчиком.

Гражданский губернатор, видимо, о чем-то догадывался, может быть, ждал, что дело примет подобный оборот.

Элгин изложил все, зная, что китаец сразу не согласится. Так и случилось. Но Элгин сам не хуже любого китайца, и он был уверен, что дело сладится. Он не собирался пугать китайца.

Пей Квей во время разговора поглядывал на переломанные резные двери своего кабинета, как бы намекая,

что в его ямыне много следов самого бесцеремонного обращения варваров с хорошими вещами.

— Надо подумать, — сказал он. — Сразу невозможно дать ответ. Мы очень благодарны за заботу о населении Кантона.

Элгин и сам понимал, что после того, как мы изломали у него ворота и двери ямыня и все громили, а потом им же кланяемся, они не могут сразу показать, что готовы перемениться. Это, пожалуй, и не в силах людских. Кроме того, они должны обдумать, что тут возможно сделать и какой будет степень ответственности гражданского губернатора перед пекинским правительством за сотрудничество с европейскими властями. Иное дело генерал. Он военный человек, привык исполнять приказания.

— Конечно. Я понимаю. Вы должны обдумать, — согласился Элгин. — Конечно, очень трудно возобновить деятельность полиции, наладить снабжение населения продуктами, восстановить порядок.

— Нет, нет, это все пустяки, — ответил, улыбаясь, гражданский губернатор. — Это все сразу можно сделать... — Тут он как бы прикусил язык. В чем была загвоздка, Элгин уже предполагал.

Губернатор просил дать ему на обдумывание два дня.

— Как можно! Положение ужасное! — воскликнул Элгин и ужаснулся, уловив в своем тоне умоляющую ноту. Он просил, он боялся ответственности больше, чем эти китайцы. Их, побежденных, он стал упрашивать, доказывал властно и восстанавливал свой вид победителя. Но китайцы понимали, что властность посла напускная и что в душе он в смятении, что он в их власти.

Обмен мнениями продолжался. Представители обеих сторон оказались людьми с довольно крепкими нервами. Проговорили до вечера. Наконец порешили, что китайский губернатор даст ответ рано утром.

— Для окончательных переговоров об этом я прошу вас, посол, прислать своих представителей в мой ямынь, — сказал гражданский губернатор.

Но если толку не будет, Элгин может и сам прийти утром за ответом. Такие переговоры перед лицом ужасных опасностей нельзя вести через третьих лиц. Тут надо все делать самому. Он еще сам упрекал губернаторов, что они напрасно теряют время, а что, как патриоты, они не должны бояться ответственности за коллаборацио-

низм, когда речь идет о жизни сотен тысяч детей и женщин.

Прощались вежливо, но у Элгина был камень на сердце. Он еще напомнил о голоде.

Ему опять возражали. Гражданский губернатор вытер платком глаза и вдруг сказал, что уже сегодня, сейчас, еще до принятия предложения посла, на которое, может быть, невозможно пойти, он тем не менее уже немедленно примет все надлежащие меры.

Тут же кто-то из мандаринов помянул, что администрация все это время пыталась помогать населению, и тюрьмы, например, работают вполне исправно, как всегда.

«Тюрьмы?» — подумал Элгин. Его так запутали во всякие дела, что про тюрьмы он не подумал. А у них там черт знает что творится. Тюрьмы надо будет обследовать. Там могут быть и европейцы. Мы сразу кинулись к сокровищнице, а не к тюрьме.

Пей Квей высказал претензию, что переломаны все двери и еще многое и что теперь трудно будет сохранять документы в ямыне.

Элгин ответил, что оставляет в распоряжении китайского гражданского губернатора тех самых моряков Эллиота, которые тут все ломали. При них так же будут две пушки. А маньчжурский генерал оставался пока без охраны. Это, казалось, не беспокоило маньчжура. Он жил и в ус не дул, а что было у него на душе, неизвестно.

На следующий день порядок в городе начал восстанавливаться. День ото дня открывалось все больше лавок и магазинов. Начался подвоз продуктов на лодках по реке и на двухколесных тележках из провинции. Многие такие арбы запряжены коровами и ослами, как пароконные повозки. Множество разносчиков шли из деревень к городским воротам, неся на плечах шесты, к которым подвязаны были огромные корзины со свежими овощами. Начиналась весна.

— Покупайте свежие овощи! Покупайте свежие овощи! Выгоняйте зимнюю заразу из желудков! — кричали разносчики.

— Сапоги починяем! — нараспев орали бродячие сапожники, подходя к лагерям рыжих варваров или встречая их патрули. В Кантоне все знали, что англичане за свою войну продрали свои кожаные сапоги.

— Старые вещи покупаем! — пели барахольщики, скупавшие старье как у китайцев, так и у рыжих варваров.

Пей Квей вошел в дела, и его чиновники восстанавливали работу учреждений, а ямынь находился под охраной красных мундиров. Провост-маршал и отец-наставник так же, как генералы, не вмешивались в городские дела. Они вели себя как гарнизон, квартировавший в союзном городе.

— А может быть, вы могли бы оставить город совсем? — предложил Пей Квей при свидании с Элгином. Гражданский губернатор явился в ямынь посла и союзного главнокомандующего с таким видом, как будто он намеревался осмотреть здание для какого-то дела. У Пей Квея был такой вид, словно Элгин, его штаб, переводчики и офицеры были здесь временными квартирантами.

— Что? — удивился Элгин. Он не сразу сообразил, о чем толкует его недавний пленник, находившийся под домашним арестом. Сэр Джеймс вдруг вскочил и закричал: — Об этом и не мечтайте!

— А то мы с вами быстро разделаемся, — добавил адмирал Сеймур, присутствовавший при этом разговоре.

— Вы поняли адмирала? — спросил посол.

— Да, конечно. — Пей Квей смутился. Заметно было, что угроза подействовала. Он знал, что европейцы грозят не впустую, а умеют действовать.

— Город занят нами и будет удерживаться до заключения в Пекине договора, когда император Китая согласится на все наши требования, которые вам хорошо известны.

Элгин решил дать урок гражданскому губернатору. Хозяевами положения остаемся мы, об этом придется напомнить.

С офицерами и командой «синих жакетов» Элгин побывал в кантонской тюрьме. Он провел там два часа, добросовестно заглянув во все углы, подвалы и камеры.

В тот же день Кен Сен и Пей Квей были вызваны в ямынь посла королевы для разноса.

— В городе, который занят нашими войсками, мы не можем позволить вам продолжать в тюрьме пытки и умерщвления людей, которых вы отдаете связанными на съедение крысам! Это не виданное нигде в мире преступление. У нас за это вешают!

— А зачем вы лезете не в свои дела? — вдруг с яростью возразил Пей Квей. — И какое вам дело до этого?.. Вы не должны касаться внутренней жизни государства. Это обычай нашего народа, так мы поступали всегда... Что же, по-вашему, я могу сделать?

— Какая глупость! Где бы еще ни существовали такие обычаи, но я запрещаю вам совершать что-то подобное. У нас этого не будет.

— А что же делать? Ведь это дезертиры! Вы понимаете меня? Ведь вы сами строги с дезертирами. Я слышал, что достопочтенный адмирал убивал дезертира палками, и когда от него остался кусок мяса, то все это возили с корабля на корабль и продолжали колотить. Дезертирство — это самое тяжелое преступление, и оно заслуживает самого тяжелого наказания! Мы также наказываем неискоренимых преступников. Да и какое вам до всего этого дело!

— Я приказал освободить тех, кто еще жив, и запрещаю вам впредь губить так людей, пока мы здесь. Крыс мы вытравили ядом, которым уничтожаем их на судах. Этот яд сильнее того, которым вы начиняете булки для нас. Отравленный хлеб был отправлен нами в Европу и там исследован! Тюремщики сразу признались нам, что за время их службы к ним доставлялись и европейцы, которых они по приказанию Е живыми отдавали тем же крысам... И не рассказывайте мне про дезертиров. Кто такие дезертиры? Кого вы имеете в виду? Мы видели отрубленные головы, выставленные вами уже после того, как все сражения закончились и никаких дезертиров быть не могло. Ни один разумный человек не может терпеть вашего произвола. Население Кантона ждало нас как избавителей. Мы принесли вам свободу. Вы поняли меня?

Китаец все выслушал, но обещаний никаких не давал. Пришлось все повторять сначала. Что крыс уже нет, люди на свободе, умирающим подана помощь.

— Но многие были так истерзаны, что умерли у меня на глазах. А если вам жаль крыс, то надо было быстрей соглашаться на наше предложение. Я соберу большую армию и увеличу флот, я пойду на север, взорву стены Пекина и я схвачу вашего богдыхана и поведу его на веревке, если наши требования ему не подойдут. Крысиные тюрьмы я закрою во всем Китае и помогу вам избе-

жать обсуждения о подобных реформах в вашем правительстве.

Пей Квея, кажется, все это нимало не трогало.

Элгин никогда не был хвастлив и, как ему казалось, не переоценивал значения собственной персоны. Теперь испытывал он почти постоянное чувство угнетения и озлобленной жестокости, не покидавшей его и в успехе. При этом он всегда помнил своих предков, свой знатный и благородный род, положение Элгинов в веках, их рыцарские подвиги и заслуги перед королями и отчизной, и этот тоскливый список герцогских заслуг и оттенков чванства давил его, как тяжкий камень. Он признавал свое несовершенство, как и низость всего окружающего. После сражения в Кантоне, в котором он выказал редкую смелость и самообладание, он не испытал восторга. Все закончилось, и он пал духом, ему не хотелось больше возвращаться домой, стыдно было бы взглянуть в глаза своим детям. Он не хотел идти в церковь, ему стыдно было молиться, хотя звон епископского собора звал его к себе. Он полагал, что ему надо не в храм и не на парад, а в цепи и в каторгу, в Австралию. Но заковать его не посмеют, заковать себя он не даст, и его цепи невидимы окружающим, и он благодарил судьбу, научившую его владеть собой, соблюдать все правила и скрывать свои чувства от суетливого и болтающего мира.

Как ни тяжко сносить все эксперименты эпохи на самом себе, но так надо. Ему еще предстоит доводить дело до конца и совершать гораздо более ужасные поступки. Смысл операции, в которой ему пришлось стать хирургом, видимо, есть, и сама операция необходима. Это проблема самой главной части современного периода новой истории. Отложить продолжение операции, бросить разрезанного страдальца означало обречь его на гибель и совершить еще более ужасное злодеяние. «Убить добротой!» На этот раз в самом деле убить. До унижения себя своей собственной добротой он никогда не опускался. А на высокую и чистую доброту он уже не способен, и дипломатическая служба к ней не обязывает, даже запрещает верить в любые добрые порывы. Ему казалось, что у него больше нет семьи и уже нет детей, а у них больше нет отца.

А в парке, в храме при дворце епископа Джонсона, зво-

нил колокол. Элгину, возвратившемуся из Кантона в свою резиденцию и штаб-квартиру на берегу в Гонконге, не хотелось молиться. Он не шел в церковь. Слишком приятные воспоминания о встрече с Энн, о площадке, посыпанной песком и залитой солнцем, между готическими башнями дворца и собора, окруженными черными готическими стрелами японских кипарисников. Их лучше сохранять, не портя, оставить эти воспоминания о прошлом, и не прийти и ужаснуться, что все хорошее уже разрушено и больше никогда торжественная одухотворенность не вернется, в церкви не будет спевки при множестве горящих свеч в солнечный день. Все хорошее уже разрушено, хотя это и продолжалось лишь мгновение. А колокол все звонит и звонит, словно изысканный светский джентльмен церкви, напоминал послу, что за ним не только долг совести, но и долг чести, что его ждет утешение и снисходительное сочувствие или прощение за совершенное кровопролитие.

Сэр Джеймс отправился не в церковь, а во дворец к епископу Джонсону.

— Я потрясен ужасами в Кантоне, — сказал он, сидя на высоком кожаном кресле со стрельчатой готической спинкой.

Джонсон выслушал все и осторожно спросил, не чувствует ли его гость, которого сегодня он считает паломником, явившимся с покаянием, потребности в исповеди.

— Где Энн Боуринг? — вместо ответа спросил Элгин.

— Она в Гонконге. Мисс Энн вернулась из плаванья в Сиам и уже после этого побывала в дельте Жемчужной, в деревне, которую уничтожил артиллерийским огнем вместе с жителями капитан Пим, наша гордость арктических плаваний, ученый, писатель и путешественник, убил несколько детей, бомбардируя...

— Я бы хотел видеть мисс Энн.

— У меня будет бал, и мисс Энн Боуринг на него приглашена, — ответил епископ с видом искушенного ценителя редкостей. — А вы знаете, что ее отец покидает колонию?

Бал у епископа! После Кантона и резни, которая шла у Джеймса на глазах, и после насилий и ужасов, совершенных самими китайцами... его ничем не удивишь. Здесь все возможно! Но тогда и я пойду себе наперекор... Отвратительное самочувствие еще долго не оставляло его во время беседы с епископом, затянувшейся допоздна.

Глава 13

СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Невельские снимали квартиру на Конюшенной улице, во втором этаже дома богачки вдовы генерала. Квартира с отдельным входом и теплыми сенями. Вечером ждали Мазаровичей, сестру Екатерины Ивановны с мужем. Зазвенел большой колокольчик у дверей, похожий звуком на корабельную рынду. Своим пошла открыть горничная и вернулась слегка сконфуженная.

— Там незнакомый барин в штатском, очень приличный, спрашивает вас, — сказала она, входя в кабинет Геннадия Ивановича. Невельские одеты, как и всегда, во все новое, с комфортом, со вкусом и с иголочки, ценя после долгих лет жизни в «арктических условиях», как говорили про них, возможность быть всегда в опрятном и модном. После полушубков, стеженых курток, гиляцких унтов, ичагов времен открытий Геннадия Ивановича, оставшихся все такими же, как и во времена Ермака.

Невельской остолбенел, увидя перед собой Муравьева. На нем лица нет. Горничная приняла шубу Николая Николаевича.

— Откуда вы?

— У меня неприятности, — сказал Николай Николаевич, но в тоне его не послышалось безнадежности.

Невельской увел его в кабинет.

— Я только сегодня прискакал из Иркутска, гнал по Сибири сломя голову. Был у государя. После Зимнего только успел переодеться, чтобы генеральской красной подкладкой не колоть глаза филерам. И поспешил... Государь повелел мне пойти сразу же к вам и все рассказать.

Лицо Невельского приняло выражение досады и жестокости, которое бывало у него, когда приходилось бить иностранных и своих моряков. Александр, конечно, знал Невельского. Он при жизни царя Николая был председателем комитета министров, в котором решали судьбу Геннадия Ивановича и его непризнаваемых открытий. Знал, как отец разжаловал Невельского в матросы и тут же обласкал, напугал и сразу дал чины, снял с него все обвинения в преступлениях, когда Нессельроде винил и заедал моряка исподволь. И вот ныне Александр вспом-

нил, когда, видно, дело дошло до дела. Честь велика. Значит, дело нешуточное, если вспомнили. Муравьев был награжден при коронации орденом Александра Невского, как очень многие были награждены и пожалованы. Невельскому ничего не дали. До сих пор ни на что подобное он особенного внимания не обращал. Его задело за живое. Он решился и, оскорбленный, попросил аудиенции у великого князя. Все выложил и сказал, что оскорблен.

При встрече холодно пожали руки друг другу. Константин Николаевич никогда не целовал его за редкими исключениями, когда удержаться нет сил. Они с Невельским оставались лучшими товарищами. Константин не подчеркивал свое царственное положение и не унижал одарение своей снисходительностью.

— Дорогой Геннадий Иванович, — терпеливо выслушав, как на палубе разнос вахтенного начальника, ответил генерал-адмирал. — Да неужели вы придаете этому значение? Вы всегда выше подобных соображений. Мы даем ордена и жалуем, чем только можем, и режем государственный пирог ничтожным нашим чиновникам, стадам генералов и придворных, покосившимся столпам, карьеристам, нужным людям в дипломатии и в государственном устройстве. А зачем вам? — властно и грубо добавил он.

— Для славы, ваше высочество. Слава нужна ради дела, чтобы иметь возможность его исполнить. Для этого поощрения еще нужны.

— У вас ли еще мало славы! Вы не служите, не занимаете государственной должности, которая при коронации должна быть обязательно поощрена и формально упомянута и оценена, хотя бы на ней сидел дуб. Но на этих должностях нет таких настоящих деятелей, как вы. Скажу вам, что мы возводим в честь всякую сволочь. Кто бы мог представить вас к награждению? Главный морской штаб? Врангель?

— Мне нужна оценка от имени государства и государя, независимо от меня самого.

— Я пытался, как председатель императорского Русского Географического общества, представить вас на золотую медаль за ваши открытия. Так начался вой...

— Кто завыл?

— Бароны. И их прихвостни, ученые. Вы знаете, что мне пришлось наслушаться. «Он не ученый! Он — подо-

зрительный человек. Он неблагонадежный! Ни один академик его не признает и никогда не признает». А в чем дело? Бароны не могут вам простить...

— Чего?

Константин впал в иронический свирепый тон и большими шагами прошелся враскачку.

— Я продолжаю свое дело... — Невельской мысленно был все время с теми, кто продолжал его открытия на Дальнем Востоке и во всем мире. У него все сведения по русским и иностранным источникам, письма, карты, признания друзей, рассказы и свидания. У него безостановочный ход собственных мыслей. Он неудержимо продолжает то, что задумал еще в плаваньях с великим князем. Это неохотно признается всеми, ведь он не имеет государственного поста, он не вельможа и не чиновник.

— Но я с чиновниками живу, и мне надо дать возможность не унижаться перед ними, не попадать на каждом шагу в неудобное положение. «Это еще кто такой? Мы вас и не знаем, милостивый государь». «Да вы и в торжествах не были отмечены, вы не наш. И, видно, ваше дело не очень-то нужно и сам вы... того-с. Чудак, может быть, какой-то. У нас все признаются, кто нужен».

— Вас считают неблагонадежным.

— А что я сделал Врангелю?

— Вы сделали открытие. Поэтому вы стали ему врагом на всю жизнь, при всем благородстве нашего достопочтенного Фердинанда Петровича. Ему и всем баронам.

— А за что?

— Я вам сказал, за то, что вы открыли то, что он закрыл. Бароны мстительны, мало того, что они вам этого по гроб жизни не забудут, они пустят про вас и в веках черт знает что. Они объединены и живут по закону: око за око, зуб за зуб. За что же вас награждать, когда вы у всех как бельмо на глазу? Когда вы сделали для России больше, чем все наши генералы-завоеватели! И все этим возмущены и завидуют. У нас из-за крестьян идет сейчас такая кутерьма, какую невозможно было ожидать. Благодарение судьбе, что у нас нет парламента, а то началась бы такая бестолочь, все переругались бы, не сложилась бы ни одна партия *.

---

* Спустя два года Константин в Лондоне записывает в карманную книжку: «Был в парламенте. Великолепное здание, достойное своего высокого назначения».

Хорошо, что хоть я могу зареветь, как в трубу на палубе, и расправиться.

— Так, меня едят поедом за неблагонадежность. Я человек подозрительный, с отрицательной фамилией!

— Да как же можно! У баронов есть свой хвост из русских столбовых. Хорошо, что у Александра Николаевича государыня наша по рождению немецкая принцесса. Как и моя жинка, великая княгиня... Жены наши — немки, и в этом их сила, они терпеть не могут наших баронов и всячески стараются показать, что не имеют с ними ничего общего. К ним не подъедешь. А представьте, была бы государыня из русского рода, какое бы подхалимство наши немцы развели вокруг нее.

Константин в эти дни собирался в Европу к умирающему отцу своей жены, а потом должен поехать в Англию. Он замечал щегольство Невельского и хотел о чем-то спросить своего старого товарища, но не стал. Щегольство Невельского после валенок и вшей! Всякое у него случалось. Всяко приходилось. Константин намеревался в Англии попытаться исправить ошибки брата. Он надеялся на королеву и ее мужа. Надеялся он и на взгляды Герцена. Он не раз ссылался на высказывания Герцена о том, что из западных держав России надо устанавливать надежную дружбу с Англией. Только с Англией.

Константин совсем рассвирепел, понося вельмож и чиновников. Он еще больше разжигал Невельского. Более близких товарищей, как они, не могло быть. Но они люди разных миров, сама жизнь все более разводила их, они не поддавались, оставаясь товарищами, и встречи их оставались отрадами друг для друга. Константин говорил с яростной озлобленностью и все расхаживал враскачку, как по палубе, в те поры, когда курили вместе в шторм за гальюном, и великий князь просил Геннадия Ивановича позволить ему затянуться из его трубки. Константин не из тех, кто забывал свои привязанности. Из рук этого учителя он получил моря и океаны, паруса и машины...

— Вам сорок пять лет, и вы еще молоды! — сказал он. — Вы всю жизнь, Геннадий Иванович, трудились. И вы еще хотите получать награды, мой дорогой учитель. В развитом цивилизованном обществе существует разделение обязанностей. Одни трудятся. Другие получают чины, награды и заслуги, и звезды! И каждый собой доволен. Один любит свои открытия или изобретения

и не оставляет их. Достигая чего-то, он радуется... А другой радуется получению всякого рода милостей и выгод. Да, это особый вид деятельности. Может быть, самый нужный для государственного устройства. Было еще в средние века, всегда одаряла власть, сохраняя устройство, выбирая удобных лиц. Только в те поры приходилось вождям драться на рыцарских поединках. А теперь и от этой чести освобождены.

Оскорбления Невельскому оскорбляли и Константина. Ему уши прозудили, восхваляя ученость и заслуги Врангеля и понося Невельского. Упрекали, по сути дела, что Константин покровительствует неблагонадежному человеку. Каков учитель, мол, у вашего высочества! Фельдфебель в Вольтерах! На всех орет. Не признает никаких авторитетов. Прямо говорили, что как можно не отстранить подобную личность, ведь он всюду компрометирует себя, кричит, не имеет достаточно достоинства, осмеливается ссылаться, что его высочество, великий князь генерал-адмирал, ему покровительствует...

— Да разве тут одни бароны, тут столько всякой... — И Константин пустил матросской матерной бранью.

Он любого мог зажать в кулак. Какая чушь! Как Невельской мог ссылаться на покровительство великого князя и хвастаться! Когда у него нет времени на это! Он занят с утра до вечера, увлечен, как в мальчишестве, воодушевлен и восторжен. Константин не мог, у него не было силы переменять мнения, заставить всех по-другому судить о своем учителе. Их мнение было государственным мнением, принятым повсюду. Александр Николаевич и сам же Константин были основами государственных мнений общества, и нужно было брать очень глубоко, чтобы попытаться все это переменить...

Муравьев объявил, в чем опасность. Государь сказал ему сегодня, что произошло в Китае. И что замышляется в Лондоне.

Англичане взяли Кантон, взорвали его башни, взяли в плен вице-короля, но ничего этим не добились. Граф Элгин в бешенстве. Он написал Пальмерстону, что видит во всем, что произошло, руку нашего Евфимия Васильевича, что это из-за него напрасно пролита кровь британцев и произошел разгром города. Элгин поклялся отомстить. Это не такой характер, он не уступит. Он на-

мерен взять весь Китай в железные тиски. Увеличивает вдвое флот и количество войск. Он требует от Лондона новых кораблей и солдат. После того, как поражение в отдаленном от столицы Китая, хотя и величайшем торговом центре с иностранцами, никакого впечатления на китайцев не произвело, он решает перекинуть все действия на север и появиться с новыми подкреплениями под стенами Пекина. Для этого к весне он придет в залив Печили, от которого до Пекина, как вы знаете, рукой подать. Намерен штурмовать там форты, сносить все с лица земли. Если условия его не будут приняты — идти прямо на Пекин, бить из пушек по городу и по императорским дворцам. Но этого мало. Чтобы отбить Путятину охоту мешать союзникам и совать нос не в свои дела, Элгин затребовал у Лондона дозволения отправить весной эскадру кораблей под командованием бывалого в тех местах коммодора и морскую пехоту в Приморье и занять там южные гавани, пробивать дороги через дебри Уссурийского края к верховьям рек и выходить к древним землям маньчжур, хватая за горло этим царствующую династию, грозя оскорбить память ее предков, могилы и их Отчизну. Он знает, что все это значит для нас. Он делает не только фланговое движение, пугая китайцев, он хочет разрубить узел и при этом занять для Великобритании лучшие в мире гавани. У нас находятся голоса, которые трубят с чужого голоса и несут черт знает какую ахинею.

— Государь сказал, что для того, чтобы там немедленно действовать, нам надо знать, какими силами мы располагаем, а главное — в чем там наша цель и где предел наших интересов и требований. Ему с разных сторон в течение всех этих лет несут кому что вздумается. Великого князя Константина в Петербурге сейчас нет. Государь желает, чтобы мы твердо знали географию страны и стратегию наших действий. Надо знать предел наших прав, утраченных еще при последних московских царях, и в какой степени мы можем ссылаться на Нерчинский договор. Я всегда твердил, что какими бы ни были права, но отдавать их англичанам и французам мы не смеем. Получается, что мы не сумели. Пальмерстон вполне одобряет намерения Элгина. Свято место пусто не бывает. За ними дело не станет. Им проглотить еще одну колонию, завезти в нее кули и завалить товарами ничего не стоит. Вернее, стоит, но... вы сами знаете

и видели. Или Приморье возвращается к нам, или мы теряем его безвозвратно. Пекинские власти не видели и не увидят его никогда, как своих ушей. Как и родовые земли династии, англичане все заселят китайцами, как Гонконг. Скажу больше, что в случае успеха англичан в Китае они обяжут китайцев стать своими союзниками и открыть им все реки для плавания коммерческих и военных флотов всех держав. В Лондоне и о наших намерениях все прекрасно знают. Они хотят устроить Пекину железные клещи.

— Откуда у государя эти сведения?

— От русских шпионов из Лондона. У наших тайных канцелярий и министерств есть надежные люди. Основы нашего шпионажа заложены давно. Дело это возведено Бенкендорфом и Нессельроде на новую высшую ступень. Нессельроде сам был английским шпионом. Про это знали. Значит, существуют шпионы в самом английском правительстве, равные ему по положению, которые подают в Петербург самые верные и новейшие, наи-сек-рет-ней-шие сведения! Шпионы должны быть в их адмиралтействе. Они есть и в газете «Таймс», из самых злейших наших врагов, печатающих самые ядовитые статьи, в которых и Пальмерстон и Герцен объявлены русскими шпионами, которые продались за наше русское золото царю.

— Когда я был в Лондоне, я, как всегда, придерживался самых дружественных отношений с их достойными и сановными шпионами. Это меня умные люди научили, мол, теперь в Европе все шпионы, не ссорься ты с ними, обходись по-товарищески, держи ухо востро и наблюдай, от них можно узнать больше, чем из газет, если потом вспоминать систему их вопросов, в которых дело они мешают с бездельем. А кстати, где сейчас Сибирцев?

— Сибирцев поехал из Иркутска в верховья Амура. Мы готовим сплав. Пойдут посольство для переговоров, научная и военная экспедиции, и маршрут будет задан по рекам, вверх по Уссури, через дебри Уссурийского края, прямо к южным гаваням, чтобы прикинуть наскоро, что и где, чтобы со временем в лучшей из гаваней создать порт, [который нам так желателен]. Не наподобие Владикавказа, не крепость в горах, а мощный порт на... Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Люди у меня подобраны, войска есть, артиллерия и винтовки для воо-

ружения китайцев есть, хотя я не сторонник всех просвещать и вооружать, кто и без нас смышлен. При случае я эту артиллерию и винтовки оставлю со спокойной душой себе. Сибирцева я включил действительным членом в мой Республиканский Совет.

В Китае все реки, одна могущественнее другой, текут в Тихий океан. А у нас в великий океан течет только один Амур. Это наша единственная связь, освоившись на этой реке, мы наконец выполним то, что Петр пытался нам вдолбить. Наша молодежь говорит, что это за жизнь в Европейской России, когда все дороги в мир закрыты шведами и турками спокон веков?

Какая же определенность, если по нашей реке поплывут корабли англичан и французов. Нам не делить нужно с кем-то этот наш единственный путь, а выставить охрану покрепче да подальше от его берегов. Неужели вы думаете, что наши казаки во времена Албазина только на одном берегу Амура жили и у них, как в министерстве, не было ни на что больше никаких прав? Они жили и на Сунгари.

— Государь не утвердит.

— Я исполняю пожелания его величества и признаюсь во всем, что полагаю необходимым для вечного мира и спокойствия между Россией и Китаем. Это не уловка и не лицемерие. А государь и вы можете совершить непоправимый промах, и тогда великое дело будет поводом для вечных раздоров между нами и соседями. Вы обязаны объяснить все государю, чтобы не быть беде. Спешите, пока время не ушло. Сегодня, за один день, вы можете совершить то, что министерство иностранных дел не могло решить за два столетия. Да они и не решали ничего, по лени и по любви к немцам и орденам.

Глава 14

ТАТЬ ПОД ФУРКОЙ

Муравьев обратил внимание не на беспорядок в книгах и не на американские газеты, а на многие полосы бумаг, по которым узкие столбцы отпечатаны китайской и маньчжурской вязью. Ничего подобного Николаю Николаевичу не доводилось видеть в Петербурге, даже в Географическом обществе.

У Невельского бывают разные люди со всего света:

ученые, моряки, военные и торговые шкипера. Вон и книги китайские. Это Муравьеву приходилось видеть у приятеля своего Ковалевского в Азиатском Департаменте, где он давно не бывал.

Образованные моряки, бывая в Петербурге, непременно зайдут к молодому адмиралу, который тем приятней, что какая-то кошка около него тут пробежала. Иностранные знаменитости, бывая в России по обязанности или по делу, обязаны, конечно, встречаться с нашими академиками, должностными лицами, дипломатами и сановниками, с признанными адмиралами, и многие гости считают лишь баронов за настоящих русских, да им и некогда и неудобно заводить объяснения и знакомства с Геннадием Ивановичем. Поливая нас грязью у себя дома, как запуганных рабов царизма, они, попадая к нам в империю, сами становятся ничтожнейшими рабами и подхалимами нашей тирании, лишь бы извлечь из нее выгоды, за которыми к нам появились, да побольше бы вышибить из нашей земли и из мужичка, за права которого они начнут трезвонить, как только вернутся в свое логово, и там смело заявят о своем свободолюбии.

А сам Невельской знал, что делается вокруг, и не обращал внимания. А ведь тут дело не только во Врангеле. Когда есть какой-нибудь Иван Иванович, который годами сидит и пускает слухи, что, мол, неблагонадежен такой-то, к тому-то и тому-то непригоден. И доводы всегда найдет. Тем более занимая положение признанного деятеля или ученого. И этот же Иван Иванович льстящему ему иностранному ученому, знаменитому подвигами науки вояжеру и пионеру, намекнет, что, мол, Невельской-то реакционен, уж очень отстал, он при прошлом царствовании еще что-то значил, а теперь вряд ли вам будет интересен... Да он и больной, пожалуй, не примет... Предлоги найдутся. Любой иностранец содрогнется, узнав, что это человек былого царствования, и сразу переменит о нем хорошее мнение. Всю Европу якобы ужасало царствование Николая I и теперь на покойного государя можно валить все, даже то, в чем Николай не виноват, чего и не было при нем, что после завелось. Но ученый Иван Иванович крепко сидит за своим столом и уж двадцать пять лет держится крючками за своих подопечных.

Николай Николаевич знал о себе, что сам он тоже полицейский, но особого склада. Давно не был в квартире

у Геннадия Ивановича. Тут устроено было что-то вроде Петровского зимовья, на Конюшенной, где воет пурга, как шторм бушует по берегу Охотского моря. В бревенчатом зимовье принимал он людей, приходящих к нему со всех стран по морю и доставлявших что надо. Не ждал Невельской, что из Петербурга пришлют новые образцы оружия и апельсины для детей, а получал все это от иностранцев за золото, которое с казаками и солдатами и с бабами, в том числе и со своей звездой, Екатериной Ивановной, мыл в речке Иски сам. В Петербурге расплачивается он не золотом. Золотого песка тут нет, есть золотые жилы и золотые эполеты и прочее. Но Невельскому назначен такой пенсион, что любой может позавидовать. Получает он жалованье и в ученом совете при Адмиралтействе. Он один из директоров Общества Пароходства и Торговли. У него и у его жены — собственные богатые поместья. У нее в Смоленской губернии, от предков, у него от матери, в Костромской, и еще куплено по возвращении с Амура имение с крепостными на богатейших пензенских землях. Почва там как пух. Когда приехали впервые и посмотрели на урожай — диву дались. Невельской в ус не дует, что предстоит освобождение крестьян и дележ земель. Он средствами снабжен со всех сторон, ему все дано: и деньги, и земли, и полная возможность стать богатым. Живи припеваючи и не горюй, только нигде не заявляй свое мнение и не лезь к тем, кто сам хочет сделать карьеру, оставить свое имя в веках. И вообще не мешай другим, сиди у себя на Конюшенной, как на побережье Охотского моря, откуда бывает виден берег Сахалина, и кажется, что недалеко и до Японии, и до Калифорнии, и до Кокосовых островов. Продолжай мечтать. Он и теперь вел исследования глубин моря и побережий Тихого океана. И не обращал ни на что внимания, словно одиночество привычно и въелось в него.

— Это китайская газета! — подал лист Геннадий Иванович. — У меня был американский миссионер, которого я знаю давно, доставил мне пекинский правительственный официоз. Привез прокламации китайских революционеров, у которых был сам. В восторге от Хуна и его философии.

Оказалось, что у Невельского есть все те печатные материалы тайпинов, про которые слухи ходят давно: молитвенники, прокламации, кодексы чести, семейной

жизни, инструкции правительства о правильных интимных отношениях... Сибирцев уверял Муравьева, что желает со временем сам попасть к тайпинам, посмотреть на них, проверить противоречивые сведения про это великое восстание китайского народа, которые идут со всех сторон.

— Они христиане и учат, что европейские христиане их братья. А европейские братья говорят про тайпинов, что добра от них нечего ждать и что если взять в руки Китай, то можно царствующей династии помочь перерубить всем революционерам головы.

— У меня старая дружба с отцами-миссионерами, возвратившимися в разные поры, после службы в Пекинском подворье. Отслужили в столице Китая свой срок и нынче обучают молодежь в Петербурге. Они охотно переводят для меня. Суть дела их тревожит меньше, чем нас. Ну, так Сибирцев поехал...

— Я хочу поручить ему передачу нескольких артиллерийских орудий китайцам. А то они мне написали, что благотворительную путятинскую артиллерию к ним через Монголию отправлять нельзя, что в Монголии живет очень глупый народ, которому ничего подобного показывать нельзя. А, видно, дело не в том, что в Монголии народ глупый, а в том, что монголы спят и видят отложиться от Китая. Отборные войска китайского императора составлены из маньчжур и монголов. Сейчас они назначают монгольского князя главнокомандующим. Раз монголы такие хорошие воины, то и нельзя допустить, чтобы через их страну везли бы новейшие орудия в Пекин. В этом и весь дипломатический секрет. Сибирцеву я велел подобрать себе команду из матросов, с которыми, кстати сказать, он плавал в Японию, а с некоторыми побывал и в плену. Теперь, после побывки, они отправлены из Петербурга через Сибирь и ждут сплава, чтобы идти по Амуру вниз. А там дальше посмотрим. Сибирцев пригодится...

— Вам, Николай Николаевич, надо рявкнуть на человека, взбутетенить его, и от вашего губернаторского рыка слабый развалится, а Сибирцев станет еще крепче. Я поразился, как Сибирцев читает по-китайски. Я не ожидал. Я показал ему китайскую прокламацию, а он мне прямо с листа прочитал ее, как по-русски. Способности у этого коммерческого ребенка поразительные. Я не преминул воспользоваться.

— А вам письмо, Геннадий Иванович, из Пекина, от

главы нашей православной духовной миссии, отца Палладия Кафарова. Скажу вам: я не всегда и не все пойму, что он пишет. Письма духовных отцов оттуда всегда с загадками. Но суть дела очевидна. Чувствуется по его письму, что в нем задето что-то еще большее, в высшей степени значительное, о чем Палладию, как лицу духовному, писать не подобает, но чего утаить он не вправе, нельзя. Мне кажется, речь идет о том, что вы мне когда-то говорили на Амуре, но я тогда пропустил мимо ушей: было не до этого. Это, по сути, то же самое, о чем мне велел узнавать государь.

Геннадий Иванович прочел письмо. Очень многозначительное, тревожное, причину он не сам выдумал. Кафаров, человек дела и науки, не мог не написать. Значит, это его не осенило свыше. А что-то сказано ему было прямо, во время бесед с высшими лицами пекинского правительства. Муравьев сказал, что копию этого письма он послал из Иркутска государю. Оба собеседника соглашались, что нельзя ограничиться поповской дипломатией, что попы границу не проведут.

— Я не московский царь! — повторил Муравьев. — У духовных с их опасениями, как бы не впутаться в мирские дела, а тем более в политические, всегда соблюдается осторожность в письмах. Я расшифровываю эти ребусы, и всегда выходит толк. Вы знаете весь этот вопрос, Геннадий Иванович. Сам я так верю святым отцам.

— А что же им делать остается, когда вокруг стены Пекина и еще стены вперед и с боков. Все государство — стена, это признак цивилизации, Николай Николаевич, как и тюрьма. Но вот и стены не спасают их. Стены построили, а толку нет, все летит прахом. Святой отец торопит решать дело с Амуром, чего хотят и сами китайцы, теперь больше, чем прежде.

Невельской, разговорившись про духовных, впадал в ярость, красноречие его подымалось, как у оратора.

— Наши духовные академики, сживаясь с китайцами, сами незаметно окитаиваются, без чего и нельзя настоящему ученому, не жалеющему себя ради отечества, а не ради предательства, как у нас полагают в подобных случаях. Но, окитаиваясь, они лишь потом становятся умудренными, когда возвращаются домой и понимают, что не всегда подавали верные советы. Они влюблены в Китай. А Китай — старый сундук, как говорит Гончаров. Его надо проветрить и все перетрясти, прежде чем учить-

ся у него мудрости. Наш преподобный отец Иакинф Бичурин поверил в китайские россказни про то, чего китайцы сами не знают. Я стал проверять и нарвался... Преподобный Иакинф, как говорят на Востоке, наелся грязи. Отцы-миссионеры не знают того, что знаем мы из газет и что известно из шпионских донесений государю.

— Америка?

— Япония или Америка. Я не китаец, не могу так рассуждать, будущее скрыто от всех нас, и нас уже не будет, и наши кости сгниют. Теперь Китай сокрушают ужасные удары. С одной стороны — бьют тайпины, а с другой — такие тигры, как Элгин и Сеймур. При этом они на весь мир объявляют, как это дурно, но что они еще при этом не все взяли. Так секретная переписка благородных лордов попала нам в руки. Новейшие сведения доставлены нашими шпионами из Лондона, еще не знают у них самих в парламенте.

— А не выдумка ли это англичан, чтобы сбить нас с толку?

— Такая выдумка пошла бы им во вред.

— Государь не сказал, что в канцелярии у Пальмерстона есть наши люди, которые подают именно те сведения, которые нам нужны и вовремя. Государь противник сыска, либерален, но не может отказаться от услуг наших шпионов в Европе, сеть которых создана его отцом и Бенкендорфом. Если Александр Николаевич откажется от них, он их подведет и будет еще хуже. Что-то переменится. И это заметят.

— Боимся нарушить предрассудки Сына Неба, полагая, что выражаем высшую степень понимания дипломатической этики согласно китайским традициям, над которыми весь мир, кроме нас, давно потешается. За что же меня благодарить? Исследованиями я ничего не достиг. И с меня потребовались церемонии, когда я впервые встретил на Амуре во время своих путешествий среди пустых вод и безлюдных лесов вдруг целый отряд вооруженных маньчжур, приплывших на своих речных джонках. Как они заважничали, заговорили со мной, как с низшим, хотели прогнать меня. Я взял их начальника за ворот, вот так, горстью взахват, да за горло и приставил ему пистолет к груди и рявкнул так, что сам себе удивился. И что бы вы думали? И все улыбнулись, и сразу признались: что знают, что это земля наша, русская,

а не их, а что они зашли в низовье, боясь, что появились англичане, и очень рады, что все не так. И поехало... Это было в селении Тыр, где когда-то стоял знаменитый Дэрен, который описывает в своих сочинениях японский топограф Мамио Риндзо, который проливом Невельского прошел раньше меня, чего глупо было бы мне оспаривать. Только он промеров не сделал, ему не надо было, тогда у японцев судов с большой осадкой не было. И не было у них своего Крузенштерна, который доказал бы всем, что между Сахалином и материком никакого пролива не существует. И стали уверять меня, что прежде не знали от гиляков, что пришли лоча. А сначала выламывались, изголялись над нами на все лады. А я его за ворот. Теперь ясно? Теперь, говорит, ясно. Тут же китаец-купец предложил торговать. А я его при всех приказал выпороть по жалобам на него от гиляков. Во всяком народе есть свои негодяи, и тут исключений делать нельзя ни китайцам, ни петербургским баронам. А теперь что же с Китаем... Их крести, а они пусти. А что же мы около них затаиваемся, как тать под фуркой. Дело наше правое, а мы все боимся, как бы что про нас не подумали.

Невельской всмотрелся в собеседника и вспомнил, как Константин сказал: «Если человека награждаем, значит, он уже ничтожество и не опасен, может дело оставлять и только заседать и хлопотать о выгодах». А вот Муравьев — и награжден, и далеко не ничтожен. Он вырывает признание, Александра Невского и другие награды. Вырвал все, что ему надо, чтобы выставить величие дела, которое обязан исполнять, на видное место: на грудь и пузо. Исполать!

После ужина и любезностей Екатерине Ивановне, ее сестре Саше Мазарович и разговоров с молодежью Муравьев просветлел, но, когда вернулись в кабинет, на лице его вернулась мрачность. Поговорили, что пароход пришел из Америки в Николаевск, а Путятин забрал его.

— Путятин забрал у меня и Чихачева. И «Америку». И все прочее. Но обещал мне по пути зайти в южные гавани и сделать там описи.

— Пусть бы шел на чем угодно.

— Повеление государя. И я не мог ослушаться. А нынче, в 58-м году, мне предстоят переговоры...

— Пусть идет на опись сам Петр Васильевич. Адмиралов и губернаторов можно делать стадами. А таких опытных офицеров, как Чихачев и Казакевич, больше нет.

Но Муравьев предполагал, что, может быть, удастся ему самому пройти вместе с сухопутной экспедицией офицера Генерального штаба Михаила Венюкова, которого он посылал этим летом через Уссури к перевалам и горам и с выходом в южные гавани. В 57-м году Путятин там прошел, как обещал. Но ему из всех бухт больше всего понравилась Ольга. Муравьев сказал, что он в Ольгу и направит сухопутную экспедицию. С моря он желал бы в южные бухты войти сам.

— Какие еще могут быть права! — вскричал Геннадий Иванович, подымаясь и держа трубку в руке. — Все народы, коренные жители края, сами просили вас избавить их от маньчжур. Гиляки, орочоны, гольды, мангмуны... вы всех их видели. Никаких «цивилизованных» народов там нет. А вы спрашиваете меня о правах и пределах.

Невельской бросил свою трубку в огромную полированную красную раковину.

Муравьев помянул мнение государя.

— Что вы, Николай Николаевич, тычете мне в глаза государь-императором, что не утвердит границу? Дай бог ему. Открывайте сами. Пароход ушел, а что же вы?

Муравьев хотел еще что-то возразить.

— Вы слушайте, что я вам говорю! — закричал Невельской так, что побагровел от натуги. — Кто бы ни запугал, а расхлебывать вам!

— Да, — покорно отозвался Николай Николаевич. Заметно было, что решения у него нет, но что за дело он возьмется, и как каждый, кто колеблется при начале, выбирая, что лучше, потом пойдет напролом. Не зря декабрист Сергей Григорьевич Волконский называл его «кипяток-энергия»!

●

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

СПАСЕНИЕ

Мир спасут не молебны во храме
и не крылья всесильных ракет.
День придет, мы почувствуем сами
в нас разлитый немеркнущий свет.

Мир наш будет чего-нибудь стоить,
станут помыслы наши чисты,
если каждый сумеет построить
в нежном сердце приют доброты.

Но еще, как в шекспировской драме,
меж людьми примирения нет.
Кто-то ищет спасения в храме,
ну а кто-то — под сенью ракет.

Взлет стремительный и
дерзновенный
нам сулит ожидаемый век.
Есть единственный храм во
Вселенной,
называется он — Человек.

ЦВЕТЫ

...Горят цветы, и мнится, что на свете
не может быть ни горя, ни вражды,
Что нужно им? Лишь солнца на рассвете,
тепла земли и дождевой воды.

Земля не зря украшена цветами...
Смотри на них, любуйся и не рви.
Они глядят горящими глазами
и молят нас о жизни и любви.

Одной судьбой, одним теплом согреты,
одним стремленьем к свету налиты...
Когда над миром властвуют ракеты,
совсем иначе смотришь на цветы.

ЖАЛОСТЬ

Не унижает жалость никого,
она, скорее, даже возвышает,
больное сердце словом воскрешает
и наполняет нежностью его.

От жалости чужой себя храним.
Нам этот выбор кажется удобным...
Но можно ли унизить чувством добрым?
Возможно ли унизиться пред ним?

Чужую боль боимся ощутить.
Давно ли в нас вошло ожесточенье?
К сочувствию в душе тая презренье,
друг друга разучились мы щадить.

Двадцатый век нас к пропасти прижал.
Неужто мы и вправду огрубели?
Когда б друг друга больше мы жалели,
то никого никто б не унижал.

ПОЭТ

Нельзя не быть поэту гражданином,
всегда гражданствен истинный поэт.

И в этом званье, имени едином
ему другого назначенья нет.

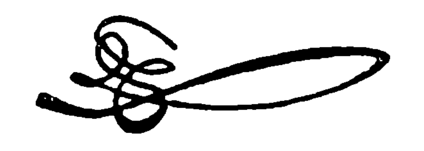
Пусть пишет он и про цветы лесные
и воспевает свой заросший пруд —
в сердцах людей приметы дорогие
однажды всходы добрые дадут.

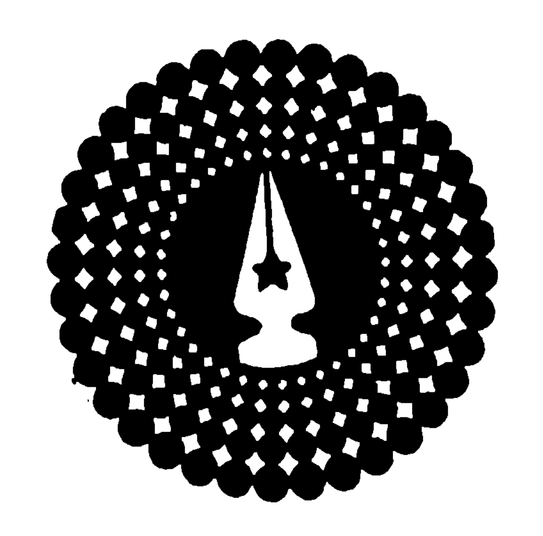
Не он глядит с обложек и экранов,
пускай другие лица там пестрят...
Он всех эстрадных наших горлопанов
честнее и гражданственней стократ.

С дешевой славой он не породнится,
ему от сладких западных щедрот
не застят глаз проблемы заграницы,
когда унижен собственный народ.

И променять Отчизну не посмеет,
хоть и признанья не дождется в ней.
Душа его навек запечатлеет
и красоту, и боль родных полей.

Ему не надо ни похвал, ни лести,
ему скучна тщеславья круговерть.
Поэт во все века — невольник чести,
за честь земли своей — идет на смерть.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

КОМСОМОЛ И ПЕРЕСТРОЙКА: АДРЕС ОПЫТА

Юрий СОКОЛОВ

ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

выбрала себе Волжская комсомольская организация, и жизнь стала интереснее

Город Волжский — город молодежный. Только комсомольцев насчитывается здесь свыше тридцати тысяч. До войны на месте жилых кварталов была степь. После — стали застраивать городок гидростроителей двух-четырехэтажными домами. Любопытно то, что еще и ГЭС не была построена, и города как такового не было, а грандиозный Дворец культуры Волгоградгидростроя уже приглашал к себе по вечерам каменщиков и бетонщиков. И теперь на самой старой площади Волжского высится каменное изваяние в виде развернутого знамени со словами Указа от 18 мая 1966 года о награждении городской комсомольской организации орденом Трудового Красного Знамени за успехи в труде.

С тех пор Волжский значительно разросся, еще дальше наступая жилыми корпусами многоэтажек на степные просторы. Новая часть города, именуемая Промышленным районом, поделена на кварталы и микрорайоны, каждому из которых при-

своен порядковый номер. Новая застройка предусматривает весь комплекс социально-культурных и бытовых услуг для населения микрорайона. Но строительство жилых корпусов ведется опережающими темпами, и молодежь, не зная, куда себя девать, устремляется в старую часть города. Сюда ее привлекают городской парк с танцплощадкой и дискотекой, Дворец культуры, кинотеатры, рестораны...

Здесь, на одной из немноголюдных улочек, в двухэтажном доме, занятом под общежитие, я познакомился с первым секретарем райкома комсомола Гидростроевского района Вячеславом Савельевым.

Во время беседы я зачитал ему одно из писем в редакцию, где, в частности, говорилось, что «молодежь многого ждала от съезда комсомола, но он не оправдал надежд, что никаких существенных изменений не произошло и мало кто верит, что и теперь что-либо изменится».

Савельев, выслушав, улыбнулся:

— Само собой ничего не изменится, пока каждая комсомольская организация не определит для себя приоритетное направление...

И в городе Волжском бесконечные споры о том, что ждет молодежь от всего того, что происходит в стране, ничего не давали, пока в горком комсомола не пришли молодые, энергичные люди. Это были комсомольские вожаки со знанием производства и экономики, поработавшие не один год неосвобожденными секретарями первичных организаций.

В горкоме комсомола они критически осмыслили практический опыт предшественников, отказались от кабинетного стиля руководства, от сухих академических заседаний. Затем освободились от некоторых функционеров, которые числились в штате, не испытывая при этом никакого желания работать, а вот инструкторам предоставили максимальную самостоятельность.

Слишком обширный план работы по улучшению... по повышению... по усилению — пришлось пересмотреть. Поехали по организациям, беседовали с людьми, спорили и всякий раз открывали новые стороны одних и тех же проблем и новые на эти проблемы точки зрения.

Среди разговоров, которые возникали между рядовыми комсомольцами и секретарями, были и дельные высказывания: перестройка в организации — это конкретная работа с каждым рядовым членом, о сдвигах в лучшую сторону можно говорить, когда повестка дня собраний будет отвечать реальной жизни. А реальная жизнь требовала самостоятельности, новых подходов к молодежным проблемам, активного участия комсомольцев в управлении делами, освобождения от социального иждивенчества. Обнаруживалось, что секретари комсомольских организаций нередко далеки от индивидуальных интересов каждого, не знают, чем живет молодежь, как проводит свободное время. Как же можно вести работу с молодежью, оставаясь при этом в стороне от ее насущных запросов и дел?

А когда на заводе в трубопрокатном цехе спросили, почему не обсудили комсомольцев, появившихся на работе в нетрезвом виде, Михаил Петров, секретарь комсомольской организации, сказал: «Что проку обсуждать? Ну выговор объявим, а что изменится? Спросим себя — все ли мы сделали, чтобы ребята бросили пить? Надо больше внимания уделять досугу молодежи. Но что

мы можем предложить молодым в свободное от работы время?»

Не по этой ли причине в городе появилось много праздношатающихся? Жители жаловались, что вечерами опасно ходить по улице — много хулиганов. Появились «стригуны». Они выстригали на макушке волосы у любительниц покутить в ресторане с иностранными специалистами. Участились случаи угона автомашин и мотоциклов. Резко возросла подростковая преступность.

Повседневность ставила категоричный вопрос: что делать?

Обратились к волгоградским ученым за помощью. Психолог В. А. Скребец, узнав, что комсомол интересуют факторы, способствующие формированию личности, и система влияния на эти факторы, ухватился за идею.

— Вопрос не изучен, — сказал он. — Наша с вами цель составить подробную карту самооценок. Затем разработаем методику, проведем социологическое исследование, психоанализ.

Информация опрошенных через широкое распространение специальной анкеты была заложена в ЭВМ, и результат был ошеломляющий. Опрос и исследования показали, что значительная часть молодых людей совершала правонарушения под влиянием наркотиков. Анкетирование позволяло определить, какие группы по возрасту, полу, социальному и семейному положению проявляют повышенный интерес к так называемому «кейфу».

О результатах исследования проинформировали горком партии. Комсомольские вожаки, пришедшие на смену прежним, вызывали к себе доверие. Они располагали не только основательными данными, но и рекомендациями ученых. И горком партии поставил перед работниками милиции, медиками, педагогами, хозяйственными руководителями задачу преодоления пагубного влечения.

Ну а комсомол? Он тоже обозначил свое направление и повел активную работу. В школах, технических и педагогических училищах стали проводить беседы о психологии подростка в переходном возрасте, о влиянии наркотиков на здоровье, о культуре общения с родителями, друзьями.

Но сколько еще вопросов не продумано и не решено. К примеру, опрос и исследование высветили прямое влияние сверхурочной работы родителей на поведение подростков, подверженных наркомании. Так, из-за неотлаженной технологии, устаревшего оборудования и выполнения производственного плана любой ценой родители вынуждены пропадать на работе с раннего утра и до позднего вечера. Постоянная занятость, некогда даже на родительское собрание в школу сходить, большие и малые житейские заботы выливались обидой на неслухов-детей, которые «невесть где шляются» по вечерам. Пререкания, ссоры, взаимоотчуждение — не в этих ли условиях срабатывает биологический механизм предрасположения к наркотикам? Как же не привлекать к решению этой проблемы хозяйственников? А у них «план горит, рабочих рук не хватает».

Сама жизнь требовала заняться трудоустройством подростков в свободное от учебы время. В самом деле, что им делать, когда наступают каникулы? Целое лето они слоняются, чего только не придет на ум.

Так зародилась идея создать при горкоме посредническую хозрасчетную фирму «Твои рабочие руки». В первое же лето более трех тысяч учащихся работали в тресте озеленения, заботясь о приживаемости деревьев в новых микрорайонах. Многие ребята

направлялись на шинный и подшипниковый заводы. Рассказывали, что многие отцы и дети трудились на одних и тех же участках, и там они как бы по-новому, в ином свете взглянули друг на друга. Но что примечательно, где бы ни трудились ребята, они не испытывали чувства разочарования и растерянности, когда им предлагали малоквалифицированный труд. Главное для них — поработать.

Со смотровой площадки, возвышающейся над Волго-Ахтубинской поймой, хорошо виден в призывном порыве силуэт Родины-матери на Мамаевом кургане. Здесь мне рассказали о бывших воинах-интернационалистах Владимире Клочкове, Сергее Смирнове и Сергее Климчуке. Честно выполнив солдатский долг в Афганистане, ребята активно включились на гражданке в общественную жизнь. По вечерам участвовали в рейдах оперативно-комсомольского отряда, бывали на ночных дежурствах. В один из таких рейдов у набережной в кустах натолкнулись на подростков без определенного места жительства: кто из дома ушел, двое сбежали из детского приемника, один из них, Роман, не имея родителей, жил с дедом, приехал в ПТУ поступать, да связался с компанией, которая ездила в степь добывать мак.

После этого случая бывшие воины-интернационалисты пришли в райком комсомола Гидростроевского района с предложением организовать клуб для работы с подростками.

Райком совместно с районным комитетом ДОСААФ одобрил инициативу. Так был создан клуб «Призывник». Всех записавшихся разбили на группы и начали занятия. Воины-интернационалисты рассказывали о боях, солдатской взаимовыручке, физической и моральной закалке. Они не только говорили, но и показывали все то, что сами умели и чем мастерски владели. Большое внимание уделяли спортивной подготовке, что многим потом пригодилось, когда пошли служить в армию.

По примеру «Призывника» Гидростроевский райком комсомола создал клуб юных моряков «Варяг» и детско-спортивную школу по радиоспорту. Несколько сотен ребят осваивают военно-морские специальности, занимаются радиоконструированием и радиотелеграфией.

Благодаря инициативе горкома комсомола в городе вот уже несколько лет действует политклуб «Планета». Из проблемной творческой лаборатории вырос он в мощное молодежное объединение, где самые сильные умы города обучают науке спорить, умению логически мыслить, пробуждают интерес к общественно-политическим знаниям.

На совете клуба вырабатывают новые виды и формы работы, а затем внедряют их в низовые комсомольские организации города. На заседания «Планеты» попасть так же трудно, как и в Дом культуры «Октябрь», где обычно проходят встречи КВН.

Основал дискуссионный клуб Виктор Добросоцкий, второй секретарь горкома комсомола, человек молодой, думающий, как соединить бескорыстие и экономический расчет. По своей эрудиции (он успешно закончил Московский институт управления) Виктор мог бы занять место президента любого торгово-экономического совета, но здесь заслуженно стал президентом политклуба «Планета».

При встрече он рассказал мне, что к созданию клуба побудила социальная и политическая пассивность комсомольских работников на одном из семинаров, который проводили в форме деловой игры «Что? Где? Когда?». Молодые участники семинара, как выяснилось, не имели четкой позиции, не знали, какие можно привести в споре аргументы, ответы их были приблизительными. Захотелось как-то расшевелить, пробудить интерес молодежи к происходящим событиям. Пришлось отказаться от заформализованных чтений и взяться за разработку новых неординарных подходов в определении тематики семинаров, с чисто познавательными критериями, которые не могут не волновать юношей и девушек.

— Политика должна быть привлекательной, — говорил Виктор на бюро горкома. — Надо работать так, чтобы молодежь сама к нам шла.

На первых порах вперед продвигались методом проб и ошибок. Как-то в письме в «Комсомольскую правду» некий фарцовщик утверждал, что в жизни главное — деньги. Обсудив в горкоме эту публикацию, решили провести диспут на тему: «Идеал — деньги — человек». Зная, что на «чтениях», как правило, прежде бывало не более пяти человек, решили привлечь молодых людей на диспут дискотекой. И зал на двести пятьдесят человек был заполнен до отказа. Но разговор о деньгах незаметно скатывался в плоскость борьбы с потребительством, вещизмом, накопительством. Сколько слов было произнесено против этих пороков, и все, в общем-то, высказывали правильные суждения. Но было скучно, прения проходили вяло. Тем же, кто и хотел бы возразить, видимо, не хватало духа подняться и выступить. Тогда встал Сергей Пономарев, мастер производственного обучения и создатель школьного кооператива, он неожиданно сказал:

— Дорогие друзья! Бескорыстные мои донкихоты! Я работаю в школе... Мне нравится ваше отношение к деньгам. Вы, оказывается, можете обходиться и без них. Для вас, конечно, духовные и культурные ценности важнее. На первое место выдвигаете радость человеческого общения... Но вот вы идете в театр или на концерт и за эстетический отдых расплачиваетесь деньгами. В кино — тоже. По путевкам поехал я с женой в отпуск и выложил за это несколько сотен рублей.

Пономарев сделал паузу, увидев оживление в зале, и, как бы подзадоривая собравшихся, продолжил:

— Вам, судя по вашим выступлениям, деньги не нужны. Я понимаю... Так вот, в дни получек я жду вас. Живу в тысячеквартирном доме. Запишите мой телефон. Будут дома жена и дети. Приходите, приносите — мы с радостью примем и найдем им применение.

В зале послышались шум, смех, негодующие выкрики и даже угрозы. Еще недавно молодые люди откровенно позевывали, поглядывая на часы, что, мол, пора и дискотеку начинать. И вдруг заговорили чуть ли не разом. В разгоревшийся спор ввязался Александр Киселев, первый секретарь горкома. Он принял обострившийся спор близко к сердцу и с молодым задором заговорил о долге, чести и деньгах. Словом, сумел зажечь противников Пономарева. Но и у того уже появились активные сторонники: с деньгами, дескать, можно хорошо отдохнуть, попить и погулять.

От этих слов Игорю Седову, школьному комсоргу, не по себе

стало, вспомнил, как однажды вечером на улице пьяные парни набросились на него и стали жестоко бить. Плохо бы ему пришлось, если бы не ребята из «Призывника». На диспуте одноклассники стали подначивать его: выступи да выступи. И «невольник чести», как его все называли, встал и, волнуясь, сказал: «Во всех ситуациях надо оставаться человеком». Этого было достаточно, чтобы Наташа Долженкова подхватила и развила мысль дальше. Она заочница исторического факультета университета. На подшипниковом заводе, где она работает, Наташу выбрали секретарем комсомольской организации. Ей верят, и на диспуте ребята встали за нее горой.

И надо сказать, нелегко пришлось Пономареву и его сторонникам. Три с половиной часа шел спор, о времени забыли, как забыли и о дискотеке. И хотя Пономарев не вышел победителем, все отметили в нем более опытного полемиста, способного вести дискуссию, умеющего тонко, с юмором и в популярной форме открыть стороны жизни, составляющие ее основу.

С этого диспута Сергей Пономарев возвращался домой членом совета политклуба «Планета».

— У нас полная демократия в выборе темы, — говорил мне Добросоцкий. — Все решается на совете, в котором участвуют секретари райкомов, пропагандисты, учителя, школьники. Сидят за одним столом, на равных обсуждают во всех деталях формы предстоящих политбоев. Здесь старшеклассники учатся спорить даже с теми, с кем, казалось бы, и спорить нельзя.

Еще три года назад заговори в горкоме комсомола о принятии в штат балетмейстера, художника, режиссера — в ответ можно было услышать: «А зачем они нам?..»

Теперь, когда при горкоме действует творческое объединение молодежных клубов «Поиск», ни один праздник, будь то городская «Юморина» или фестиваль «Комсомольская весна», не обходится без этих специалистов. Люди учатся работать профессионально.

Режиссера Хвичу Сергеевича Тодуа я застал за чтением романа «Робинзон Крузо».

— Вот, изучаю, — улыбнулся парень из Сухуми. — Буду готовить сценарий к фестивалю клубов самодеятельной песни «Робинзонада».

После армии Тодуа закончил в Куйбышеве институт культуры, работал режиссером в Тольятти, потом ребята из Волжского горкома пригласили его для постановки фестиваля «Комсомольская весна-86». Та первая работа была признана удачной. Молодежь тогда долго не расходилась со стадиона. Так Тодуа оказался в Волжском.

— А когда возникла идея провести по образцу одесской юморины свой праздник, я взялся за его подготовку, — рассказывал Хвича Сергеевич.

Молодежь города с энтузиазмом приняла идею о городской юморине. Посыпались интересные предложения и пожелания. Сценарий праздника разрабатывался подробно и во всех деталях. В дни подготовки работали увлеченно, не замечая времени, а в последние сутки находились безвылазно в горкоме, где жизнь кипела, бурлила, ведь надо же успеть к сроку. По ходу дела

устраивались смотры танцоров, песенников, музыкантов. Сколько предприятий, организаций и почти все со своим творческим молодежным ансамблем.

— Конечно, — продолжал Хвича Сергеевич, — не было б ничего и никого, если бы не было дела. Я очень люблю, когда появляется живое дело.

О городской «Юморине-88» он рассказывал взволнованно, с гордостью изобретателя за удачное изобретение.

Молодежь города тремя колоннами собралась на площади, затем пестрая масса танцующих и пляшущих людей в карнавальных костюмах, масках во главе с клоуном, восседающим верхом на верблюде, двинулась по улицам к городскому парку. Из окон, с балконов жители наблюдали за этим веселым и ярким шествием. Многие, не удержавшись, выходили на улицу и примыкали к колоннам.

Весь город принял тогда участие в юморине. До двух ночи продолжались гуляния. Никто не расходился.

— А когда разъезжались гости из Киева и Одессы, — говорил с улыбкой Хвича Сергеевич, — подходили к работникам горкома: «Ребята, мы счастливы, что с вами работали!..»

Кто же они, эти люди, возглавившие в перестроечное время Волжскую городскую комсомольскую организацию? Начну с инструкторов. Это Андрей Сорванцев, Александр Иванников, Игорь Ильинский, Константин Пермикин — немногословные, деятельные, уверенные в правоте дела, которым постоянно заняты.

— Теперь работать стало интересней, — говорил Андрей Сорванцев, — многое упростили. Избавились от вала бумажных дел. С помощью компьютера ведем учет взносов, писем, бухгалтерских операций. Чаще бываем в организациях, практическую помощь оказываем... Решаем в первую очередь социально-бытовые вопросы, помогаем создавать на предприятиях фонд молодежной инициативы, хозрасчетные договорные бригады. Все это интересует, заботит, волнует людей. Так и поднимаем активность, интерес к общественной жизни...

Сергей Лиходеев, секретарь горкома по школам, дает широкий простор инициативе комсомольцев. В школах города решаются вопросы ученического самоуправления. Но если раньше школьное самоуправление носило характер игры, то теперь общеобразовательная школа № 6 в Промышленном районе одна из первых перешла на самоуправление с финансовой самостоятельностью комсомольской организации. Учащиеся разбиты на пятерки по интересам, поддерживают порядок на уроках и на переменах. Сами назначают дежурных организаторов и ответственных за выполнение главных дел недели, месяца, четверти, учебного года, то есть тех наиболее важных мероприятий, которые подсказывает сама жизнь.

Виктор Добросоцкий, второй секретарь, один из организаторов хозрасчетных молодежных объединений. Это теперь, после февральского пленума ЦК ВЛКСМ, каждая комсомольская организация получила статус кооператива. А тогда, в начале 1986 года, чтобы организовать молодежное хозрасчетное объединение, они с первым секретарем Киселевым ездили в Москву, ходили по инстанциям, сидели в приемных — пробивали идею. Затем у себя

в городе обошли все бюрократические этажи, добиваясь открытия текущего счета в банке. На все это ушло восемь месяцев. А когда задумали провести социологическое исследование, он был одним из авторов и ответственным за выпуск анкеты по изучению организации досуга молодежи. Как президент политклуба, готовится к новой дискуссии: «Кооперативщик — рвач или флагман советской экономики?»

Первый секретарь горкома Александр Киселев после окончания Волгоградского политехнического института по распределению попал на завод объединения Оргсинтез, работал заместителем начальника цеха. Комсомольцы выбрали его секретарем своей первичной организации. Но по-настоящему интерес к комсомольской работе появился, когда перешел на работу в горком.

Теперь в городе Волжском Киселева знают все, и стар и мал, и зовут Сашей. В работе одержим и требователен по максимуму как к себе, так и к другим.

На отчетно-выборной конференции пытались дать Киселеву отвод, говорили, что он хоть и трудяга, но перегибает палку, а комсомольцы вновь выбрали его.

— Удивляюсь, как он успевает везде побывать, — рассказывала мне сотрудница «Волжской правды», — фестиваль — Киселев здесь. Проводы в армию — он там. И в «первичках» часто бывает. С ним и в рейды ходили, и дежурили по ночам, чтобы пацанов вытащить из беды... В горкоме его можно застать после семи вечера, а по субботам и воскресеньям он всегда там... У него много идей. Как-то в субботу разговорились о том, что думает молодежь о работе аппарата горкома. Давай, говорит, тиснем в газете, что у нас открыта молодежная приемная. И появилась реальная возможность услышать конкретные предложения...

Так однажды с идеей создания МЖК пришел в приемную молодой инженер-строитель, назвавшийся Кимом. Предложение в горкоме понравилось. В перспективе Киселев увидел крепкий молодежный строительный коллектив по месту жительства. Дело не стали откладывать в долгий ящик.

Подобрали энтузиастов, связались с главным архитектором, выбрали проект, совместно проработали нормативы.

Киселев требовал, чтобы инициаторы МЖК постоянно держали его в курсе дела. Он все больше увлекался этой идеей. Допоздна засиживались в горкоме, обсуждая предстоящие трудности, отыскивая пути их решения, готовясь аргументированно отстаивать интересы молодых строителей. И все-таки добились включения МЖК в план.

Сам факт организации строительства МЖК в кратчайшие сроки (к концу года планируют сдать 730—750 квартир) говорит о том, что молодежи, когда ей доверяют, по плечу самые сложные новаторские задачи.

...Как не бывает города без центра и окраин, так и любая организация, тем более городской комитет комсомола, превратившийся в штаб активных действий, не обходится без ошибок и упущений. Такова диалектика конкретной живой работы. Инструкторы говорили, что их лидер все время идет на риск, не боится брать ответственность на себя.

К примеру, горком решил построить теннисные корты. Комсомольцы не раз выходили на субботники. Сам Киселев, уподобившись диспетчеру, по телефону выбивал цемент и кирпич, чтобы

не сорвать работу строителей. А строители-то и подвели — не довели дело до конца. Нагоняй получил Киселев, потому что взял ответственность на себя.

В пятницу утром, направляясь в горком, я увидел Киселева на улице перед горкомом. Он подметал веником тротуар. С ним были инструкторы. Александр Иванников перетаскивал бумажный крафтовый мешок. Андрей Сорванцев, посмеиваясь чему-то, подставлял совок. А Киселев — мел.

— Что, ребята, комиссию ожидаете? — поинтересовался я, подойдя.

— У нас санитарный час, — сказал Киселев, как отрезал, продолжая сметать окурки и бумажные стаканчики из-под мороженого.

На часах было пятнадцать минут девятого. Наружная дверь — настежь.

Волжский горком размещается на первом этаже тысячеквартирного жилого дома. Раньше в горкомовском коридоре можно было встретить лишь принаряженных школьников, приходивших за комсомольскими билетами, или тех, кто снимался с учета. Теперь иная молодежь заполняет его просторные коридоры с высокими потолками. Кого здесь только не увидишь: бородачей с научными степенями, спортсменов, молодых строителей, работников милиции, певцов и исполнителей музыки.

Созданы при горкоме несколько хозрасчетных молодежных объединений. Научно-производственное — по договору с предприятиями занимается разработкой технической документации, отладкой технологий, внедрением новых приборов и технических устройств на производстве. В планах этого объединения — строительство Дома технического творчества, который станет объединяющим и координирующим центром знания, опыта ученых и специалистов различных профессий, а также местом обучения юных конструкторов.

А посредническая фирма «Твои рабочие руки» преобразована в «Центр общественного призыва». Теперь в горкомовском коридоре нередко можно встретить парней и девчат, приехавших устраиваться на работу.

Центр занимает одну из комнат горкома. Сюда ежедневно со всех концов страны мешками поступают письма.

Читаю одно из них: «Здравствуйте! Прочитали ваше объявление в «Комсомольской правде» от 28 января с. г. Решили испытать свои силы — приехать к вам на работу. Мне 20 лет, супруге — 18. Но несмотря на возраст, нам хотелось бы жить самостоятельно...»

Всего поступило двадцать восемь тысяч писем-заявлений. Представитель отдела кадров отбирает ежедневно в Центре наиболее подходящих специалистов. Уже трудоустроено тысяча восемьсот человек.

— Дела идут неплохо, — рассказывал Алексей Скородумов. — За каждого работника предприятие перечисляет горкому три рубля. Мы не кооператив, а молодежное хозрасчетное объединение. Помимо трудоустройства приезжих, школьников, мы оказываем и населению самые разнообразные услуги — от ремонта квартир до репетиторства и переводов с иностранного...

В приемной — секретарша за пишущей машинкой. На стульях у стены — парнишки лет по четырнадцати. Серьезные, насуплен-

ные. Они получили из Москвы приглашение на соревнование скейтбордистов, а директор школы посылает их в летний трудовой лагерь.

— И что же Киселев, поможет? — спрашиваю ребят.

— Если Саша чего-то захочет, то он добьется, — ответил школьник.

Что ж, словами этого мальчика «глаголет истина». Известно, что люди тянутся к тому, кому верят, кто прост в общении, кто может оказать реальную помощь.

— К нему косяком идут, — говорит секретарша, заправляя в машинку очередной лист бумаги. — И пенсионеры, и дети...

— С чем обращаются?

— С разным... и жалуются, и с предложениями.

Я уже знал, что Киселев не совсем охотно идет на контакт с журналистами, считает, что надо меньше говорить, больше делать. Поэтому я, не приступая к разговору, ждал, пока будут закончены начатые дела. А Киселев в это время беседовал по телефону с кем-то из гороно, затем быстро написал директору школы записку с просьбой направить ребят на соревнование. В паузе я успел разглядеть обстановку кабинета. Вокруг длинного, для заседаний, стола стояли разномастные стулья из общепитовской столовой, на полу допотопная швейная машинка, у стены шкаф, за стеклом которого с красочным рисунком на глянцевой обложке лежала подарочная книга, вымпелы, сувениры. Над шкафом портрет Ленина.

Во время нашей беседы Киселеву и в самом деле не сиделось на месте, он то и дело двигался в кресле, пытаясь сосредоточиться на вопросах.

— Верно, чтобы работать у вас, нужно выдерживать сумасшедший ритм?

— Аппарат в данном составе три года. Есть дела, которые заставляют напрягаться. Но это же нормальное состояние, когда дело захватывает целиком.

— Вот к вам приезжают перенимать опыт...

— Какой опыт?! — смущенно улыбается. — Мы только начинаем...

Разговору мешал телефон. Сначала ему позвонили, затем, что-то вспомнив, он, извинившись, сам кому-то позвонил и быстро, с напористостью в голосе рассказал, как видит обсуждаемую проблему горком комсомола.

— Проблемы? Сложности? — быстро заговорил он после, внимательно вглядываясь в меня серыми глазами. — Сейчас более объективное отношение к нам. Признавать стали. Но все равно, когда не срабатывают, как надо, хозяйственные органы, по-прежнему во всем виноват комсомол.

К концу разговора стал нетерпеливо поглядывать на часы, и казалось, что если бы не совещание, которое он назначил у себя на определенный час, непременно вскочил бы, накинул пиджак и своей быстрой походкой зашагал по улице туда, где его присутствие крайне необходимо.

На совещание в кабинет Киселева пришел и Вячеслав Савельев, секретарь Гидростроевского райкома комсомола. Одно время между Киселевым и Савельевым были трения. И причина заключалась в том, что на пленуме райкома первым секретарем избрали не делегата съезда, чью кандидатуру предлагал горком, а Савельева,

бывшего завотделом и секретаря партийной организации райкома. Подобного прецедента, чтобы игнорировали горкомовскую кандидатуру, еще не было. Но воля большинства имела решающее значение, ничего не оставалось, как признать Савельева первым секретарем.

А положение дел в Гидростроевском, надо сказать, в тот год было не самым лучшим. Со всех кварталов города сюда съезжалась молодежь в парк, на танцплощадку, в кино. Статистика подростковых правонарушений в этом районе была тревожной.

На бюро горкома неоднократно заслушивали Савельева. Все недостатки рассматривались как следствие запущенности в воспитательной работе. Мнение на первых порах о новом секретаре складывалось неважное. В горкоме так и считали, что райком вот-вот захлебнется. Но и в райкоме понимали, что они смогут изменить отношение к себе только активной работой. И она началась. Выработали программу действий, нашли новые формы, через которые можно решить те или иные проблемы, наметили приоритетные направления. Одно из них — военно-патриотическое воспитание. Стоящим на учете в инспекции по делам несовершеннолетних предложили записаться в клуб «Призывник». Заключив договор с воинской частью в Прибалтике, направили курсантов из «Призывника» на двадцатидневные сборы. Питомцы вместе с солдатами жили в палатках, обучались топографии, радиосвязи, учились водить военную технику, пользоваться парашютом. Командование части осталось довольно своими подшефными. Да и ребята вернулись со сборов повзрослевшими, закаленными. Они многому научились. Теперь в дни массовых гуляний члены клуба «Призывник» сами поддерживают общественный порядок.

Одновременно в Гидростроевском райкоме началась активная работа и по другим направлениям. Горком создавал политклуб «Планета», райком в свою очередь — «Диспут». При горкоме начало действовать творческое объединение «Поиск», при райкоме — «Эффект». При горкоме научно-технические проблемы решало объединение, соединяющее науку с производством, при райкоме молодые инженеры и техники в свободное от работы время по договору с предприятиями выполняли работы по реконструкции, техническому перевооружению производства, с тем чтобы избавить коллективы от сверхурочных часов. Только за три месяца сорок две тысячи рублей на счету этого молодежного объединения. За год предполагаемый оборот составит сто пятьдесят тысяч рублей. Деньги частично решили перечислить детскому фонду и на памятный знак своим землякам воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане.

Но главное, за полтора года напряженной работы стерлись нездоровые отношения с горкомом. И Киселев признал, что каждая организация имеет право сама выбирать себе вожака. Она выбрала Савельева, помогла ему освоиться в новой роли, а затем и сама обрела свое лицо.

...Совещание носило характер товарищеской беседы. Когда Савельев отчитался за полгода работы, Киселев сказал:

— Понял вас... Действуйте и дальше так... Изучайте ситуацию, обостряйте возникающие вопросы до предела, чтобы не упустить, не повернуть в сторону. Что еще у нас?

Савельев вынул из папки письмо.

— Помнишь Романа, своего подопечного? Ты еще тогда его в парикмахерскую отвел, а затем в ПТУ направил учиться...

Киселев накренил кресло, подался вперед.

— Так вот, после трех месяцев службы пишет: «Наши ребята подготовлены лучше, чем новобранцы из других городов...» И вот еще: «Если б не «Призывник», сидел бы я на скамье подсудимых». Это я к тому, что ребята и обмундирование, и парашютное снаряжение у себя дома хранят. Надо помещение...

Опять под Киселевым кресло заходило ходуном, он обхватил ладонями голову, ерошит волосы, морщится как от зубной боли. Он устал уже говорить об этом помещении. Сколько же можно абстрактно рассуждать о помощи подростковым клубам? Уже первый выпуск «Призывника» в десантных войсках служит... Командование воинской части наградило Гидростроевский райком Почетной грамотой «За активную работу в военно-патриотическом воспитании молодежи». Казалось бы, городским властям можно только гордиться, что у них в городе есть такой клуб, помогающий трудным подросткам выбрать верную жизненную дорогу, но не тут-то было. Не освобождают клубу помещение. Все «за», а дело не движется.

Киселев сосредоточенно смотрит перед собой.

— Итак, сошлись три интереса, — говорит он. — Интерес наш, никитинский и филимоновский...

Снял трубку, набрал номер телефона заместителя председателя горисполкома.

— Николай Иванович! Я хотел бы вернуться к «Призывнику». Там, где люди хотят заниматься, помещения им не дают. Давайте с вами как-то определимся. Мы же понятливые. Все понимаем, а они-то, ребята, хотят результатов. Каждую субботу приходят в горком... Я прошу вас поддержать нас в этом деле. Волгоградгидрострой должен освободить помещение детсада. Он уже наполовину пуст. В бывший детсад должен въехать «Призывник». Мы же обещали ребятам. Обращались к Филимонову, а он: «Будем решать». Из месяца в месяц. Второй год пошел, и все одно и то же: «Будем решать». Не по своей воле болтунами становимся...

Киселев внезапно умолк, видимо, услышав какое-то предложение, взглянул на часы.

— Понял я. Через двадцать минут буду, — проговорил он и стремительно поднялся. — Ну что, мужики, я — к Советской власти.

Молодежь города Волжского с каждым днем обретает социальную смелость и уверенность. Все меньше ноток пессимизма, все громче ее голос. Вот и на заседании «круглого стола» в Доме культуры Волгоградгидростроя, где собравшиеся с тревогой говорили об экологическом состоянии в городе, комсомольцы с возмущением отмечали, что решение горисполкома об охране окружающей среды не выполняется. Ситуация тревожная, врачам нет оснований не верить, а власти ничего не предпринимают, чтобы загазованность в городе уменьшилась. Надо объявить борьбу чиновно-бюрократическому головотяпству. Ребята требовали создания общественной комиссии из врачей, народных депутатов и комсомольцев. Они же предложили создать в городе клуб «Эколог»,

а в газете «Волжская правда» регулярно публиковать экологический бюллетень.

Опять рождалась инициатива. Исходила она не от министра, не от горисполкома, а снизу, от начинающих жизнь молодых парней и девчат. Но их инициатива, надо признать, утверждается только тогда, когда находит поддержку «сверху». Тогда у молодых людей появляется вера, что изменения происходят к лучшему.

...Вечером в горкоме комсомола Игорь Ильинский и Андрей Сорванцев занимались разработкой программного обеспечения для вычислительной машины. Я наблюдал за манипуляцией пальцев Игоря и думал, что компьютер в его руках стал таким же простым орудием, как в свое время для многих был арифмометр и логарифмическая линейка.

В это время в дверь постучали и в комнату решительно вошли две рассерженные женщины. Проходя по улице, обратили внимание на открытую дверь горкома, зашли, чтобы узнать о часах приема.

— У нас прием, — сказал Андрей, — в любое время.

Женщины оказались из родительского комитета двадцать седьмой школы. Они заранее оплатили помещение кафе «Калейдоскоп» при творческом объединении «Поиск» для проведения выпускного вечера. У них на руках и квитанция об оплате, но директор кафе и слушать не хочет.

— Он так и сказал: я все сделаю, чтобы кафе отдать выпускникам восьмой школы, — говорила с негодованием полноватая женщина.

— Понятно, — сказал Сорванцев. — Вы не волнуйтесь. Поможем вам... Вас устроит двадцать шестое июня?

Женщины опешили, не ожидая такого оборота.

— Это просто чудесно! — обрадовалась рыжеватая и, ощутив что-то вроде угрызения совести, сконфузилась. — Ой, кошмар! Пришли, нашумели, накричали...

А полноватая, словно найдя возможность оправдаться, говорила:

— Но ведь так ответить, как ответили в кафе... Мы испугались... Поймите нас...

— Не волнуйтесь, — повторил Андрей. — Когда вам позвонить?

— В понедельник вечером, — ответила одна из них. — А мы шли с таким настроением... непременно найти Киселева.

— А почему, собственно, его? — вмешался я в разговор.

— Да как же... наши дети его знают. И на предприятиях знают и хвалят. А фестивали какие?! Город всколыхнулся. Стало веселее жить. Вечером без боязни можно выйти на улицу. А видеосалоны? А наши КВН? На выпускных экзаменах моя дочь, десятиклассница, привела Киселева как пример в сочинении на тему: «Комсомольский активист — каким ты его представляешь?» Она назвала его человеком, обгоняющим время...

...В том сочинении, между прочим, есть и такие строки: «Наш город молодежный, но у нас нет ни «металлистов», ни «рокеров», не говоря уже о панках, потому что город трудовой, с хорошими рабочими традициями. Правда, были у нас «стригуны», но они сами по себе распались».

Волгоградская область

ТРИБУНА МОЛОДОГО ПУБЛИЦИСТА

Игорь ТЕТЕРИН

РЕАЛИСТЫ ПРОТИВ ЭКСТРЕМИСТОВ

Полемические размышления о межнациональных отношениях, написанные в Эстонии по следам горячих событий.

ПАМЯТЬ. Русский историк В. О. Ключевский считал: «История народа, научно воспроизведенная, становится приходно-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого». Я вспоминаю эти слова не случайно. Дело в том, что история эстонского народа, особенно те ее страницы, что выпали на долю маленькой нации в нынешнем веке, до сих пор не воспроизведена с полной научной точностью и правдивостью. А перестройка влечет за собой неизбежное и вполне понятное желание самых широких масс проанализировать «недочеты и передержки» минувшего времени. Иными словами, возникла реальная почва как для благих открытий, так и для заблуждений, а подчас и политических спекуляций по поводу отдельных фактов и целых периодов национальной истории.

Всякий, кто попытается хотя бы бегло пролистать современную историю Эстонии, без труда поймет — как много испыта-

Окончание. Начало в № 11.

ний выпало на долю этого внешне благополучного народа. С начала века по 1944 год эстонцы пережили четыре революции, две мировые и одну гражданскую войну, жестокий экономический кризис; власть здесь менялась девять раз. Бесспорно, социализм принес нации долгожданную стабильность. Но и этот период не обошелся без трагических страстей — ожесточенных классовых схваток, бандитизма и террора «лесных братьев», высылок тысяч людей в Сибирь, застоя наших последних десятилетий...

Учтите при этом: жизнь одного, и ныне здравствующего поколения, была разделена двумя общественными строями — буржуазным и социалистическим. Учебники же истории до сих пор умалчивали о том, что хранила социальная память народа. Так, скажем, период буржуазного правления в официальной истории иллюстрировался выборочно — картинами классовых конфликтов, политического преследования коммунистов, бедствиями экономического кризиса. Но люди-то помнили, что в то же самое время многое было сделано для развития национальной культуры, образования, что земельная реформа удовлетворила искренние чаяния эстонского крестьянства, ликвидировав многовековое помещичье землевладение немецких баронов. К 1940 году по экономическому и культурному уровню Эстония не отставала от СССР. Разумеется, в этом была заслуга не столько строя, сколько самого народа. Например, уровень развития сельского хозяйства определялся высокой степенью и разнообразием форм кооперации крестьянства. Если воспользоваться ленинскими категориями, эстонское село к 1940 году представляло из себя «строй цивилизованных кооператоров». Но на буржуазной основе. Нужна была очень гибкая политика, чтобы быстро превратить его в строй социализма. Но политику повели лобовую, без скидок на местные условия: раскулачивание, высылка в Сибирь наиболее рачительных хозяев, спешное создание колхозов. Впрочем, об этом в учебниках истории вы не прочтете.

До сих пор молчали учебники и о другом — о судьбах целой плеяды эстонских коммунистов, которые предпочли буржуазной республике жизнь в СССР. Они ходили в атаки гражданской войны на Северном фронте, Урале и Украине. Блестящий военачальник, эстонец Август Корк в 1920 году прорвал с частями знаменитой 6-й армии укрепления белогвардейцев на Перекопе. А сын эстонского крестьянина, красноармеец и организатор комсомола на Белгородчине Николай Кооль написал слова одной из самых известных песен времен гражданской войны «Там, вдали за рекой, загорались огни...».

Можно просто поразиться, сколько партийных и государственных деятелей, военачальников, талантливых инженеров выдвинулись в послереволюционные годы из числа эстонцев. Сын плотника Николай Янсон — нарком СССР. Яан Ряппо — нарком Украины. Буденовец Александр Премет — нарком Таджикской ССР. Секретарем Ленинградского горкома партии был эстонец Иван Газа. Его земляка Карла Отса сам Киров рекомендовал на пост директора завода «Красный путиловец». Эстонец Карл Эгги, капитан ледокола «Красин», прославился на весь мир спасением экипажа дирижабля «Италия»...

А ведь эти и многие другие люди приближали победу социализма и на своей родине. Даже среди тех, кто в 1922 году голосовал за создание Союза Советских Социалистических Республик, было

семеро эстонцев. Один из них, делегат Сибири Вольдемар Вельман, был избран в состав ЦИК СССР. В те годы, тысячи эстонцев строили в СССР социализм, прекрасно понимая, что рано или поздно этот строй придет и на их родину.

Так почему же земляки почти ничего не знали о них? Виной все тот же выборочный подход к истории. Ведь до недавних пор у нас предпочитали не афишировать имена жертв репрессий. А это доподлинный факт: большая часть эстонских коммунистов, работавших в СССР, стали жертвами сталинского террора 30-х годов. Они не смогли после восстановления Советской власти вернуться в Эстонию.

Я привожу вам факты, почерпнутые из публикаций в прессе самого последнего времени. Сегодня газеты и журналы республики взяли на себя роль исторических «просветителей». Стираются «белые пятна», о которых раньше с опаской говорили даже в узком кругу интеллигентов. Вот, например, опубликованы данные о высылке 1949 года, когда в один день из разных городов и сел республики было отправлено в Сибирь 20 600 человек. Были среди них, разумеется, и кулаки, и пособники «лесных братьев», и иные враги социалистического строительства. Но оказалось немало ни в чем не повинных людей: женщин, стариков, детей. У меня есть друг, журналист Антс Паю, который известен в республике еще и как страстный пропагандист экологической деятельности. Когда он рассказывает, как мальчишкой был отправлен в Сибирь, где испытал немало лишений и унижений, я искренне сочувствую Антсу. Но когда он же говорит, что первые уроки отзывчивости, доброты и истинного братства со стороны русского народа прошел там же, в Сибири, я ему искренне верю. Ибо даже самые трагические страницы нашей истории не могут засвидетельствовать того, о чем пытаются судить некоторые наши недоброжелатели — будто бы в нашей стране существует угнетение одних народов другими.

Нет, «белые пятна» истории ничуть не компрометируют сути взаимоотношений между народами нашей страны. Они изобличают другое — чиновное рвение, национальный нигилизм, показная принципиальность могут скомпрометировать суть национальной политики даже такой страны, как наша. А это случалось не раз.

1950 год, VIII Пленум ЦК Компартии Эстонии. Недавно участники того злополучного Пленума встретились вновь. Они собрались за «круглым столом», чтобы вспомнить ход и внутреннюю подоплеку беспрецедентного по своей несправедливости события. Нет, убеленные сединами ветераны вспоминали не только личные унижения, что испытали в 1950 году. Гораздо страшней оказались обвинения в «буржуазном национализме», выдвинутые против многих партийных и советских руководителей. Учиненный тогда разгром посеял на многие годы в людях страх быть повторно обличенным в «национализме», отразился на настроениях народа.

Вот что говорит сегодня о том событии известный революционер и государственный деятель Эстонии Ольга Лауристин: «Меня ошеломил на Пленуме больше всего тот дух клеветы и напраслины, которые возводились на бывших деятелей эстонского революционного движения — людей, долгие годы боровшихся в подполье против буржуазии и просидевших в тюрьмах, но, несмотря ни на какие испытания, оставшихся до конца преданными идеалам Ком-

мунистической партии» (журнал «Коммунист Эстонии», № 1, 1988 г.). О последствиях этой «борьбы» в том же номере журнала сообщил доктор исторических наук Юри Ант: «По-настоящему драматические события стали развертываться на некоторых городских и уездных собраниях партийного актива... Одних клеймили как буржуазных националистов, других объявляли их пособниками, третьи оказывались у них в плену и т. д.». А Герой Советского Союза Арнольд Мери сделал вывод: «Буржуазный национализм представлял собой и представляет сегодня в нашей республике серьезную проблему, но VIII Пленум и последующие события принесли, как это мне видится сейчас, больше вреда, чем пользы, так как методы борьбы с явлением были негодными».

Память народа обладает удивительным свойством — она преломляет ошибки и несправедливости прошлого, по-своему отражаясь в мировоззрении людей последующих поколений. Наверное, именно это свойство социальной памяти по-своему повлияло и на сегодняшние настроения некоторой части эстонской молодежи. Как бы там ни было, а учебники истории неизбежно дополнялись приукрашенными воспоминаниями очевидцев минувших событий. Живое стремление разобраться в истории своего народа наталкивалось на многие запретные темы. Вот экстремистские элементы и стали своими «проповедями» заполнять этот вакуум. Они оказывали влияние на молодежь с помощью простейшего приема — подогревали возросший интерес к прошлому нации с помощью сомнительных книг и документов. Приведу наиболее характерный пример. Организатор событий в Таллине 23 августа 1987 года Тийт Мадиссон, к примеру, в свое время умудрился в городе Пярну стать председателем Общества по охране памятников истории и культуры. Это позже стало ясно, что главные усилия «председателя» были направлены на благоустройство могил эстонских белогвардейцев. А в своей «просветительской» деятельности он использовал цифры и факты из лживой книжонки «Оккупированная Эстония», что была издана в Стокгольме в 1984 году.

И тут не грешно вспомнить еще одно предупреждение историка Ключевского: «Как легко испортить всякое хорошее дело, и сколько высоких идеалов успели люди уронить и захватить неумелыми или неопрятными руками». Что ж, истории как главному документу социальной памяти народа нужна чистота. Иначе вместо национальной гордости она будет рождать чванство, вместо интернациональных чувств — националистические. Да так оно и случается всякий раз, когда факты истории преподносятся с эмоциональным перехлестом, вольно трактуются и комментируются. А это тоже происходит в некоторых нынешних дискуссиях о национальной истории Эстонии.

Как, скажем, вы могли бы оценить слова писателя Вальмара Адамса, попавшие на страницы тартуской газеты «Эдаси» (11.IX. 1987 г.): «Даже 1940 год не стал ожидавшимся мирным переходным годом, а в приказном порядке, в одну ночь вместе с лишением заграничных паспортов ввел совершенно новый, начисто чуждый эстонцам образ мышления...» Мне кажется, публицист В. Петерсон оценил эти слова предельно четко: «Почтенного литератора нетрудно понять — у него свое видение событий, он сохраняет верность своему классу — буржуазии, из которой родом. Будем снисходительны к нему... Непонятно другое: на чьих позициях стоит печатный орган Тартуского городского и районного

комитетов Компартии Эстонии и местной Советской власти. Вот в чем вопрос?» (журнал «Коммунист Эстонии», № 11, 1987 г.).

А в самом деле — на чьих позициях стоят коммунисты, руководители идеологических органов республики в нынешних процессах осмысления прошлого Эстонии? Этот вопрос нередко задают люди, когда в печать проникают высказывания, подобные вышеприведенному мнению писателя Вальмара Адамса. Разумеется, коммунисты не одобряют тенденциозной трактовки истории. На торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции, было сказано: «Нельзя допустить, чтобы на волне растущего демократизма образовывалась мутная волна социальной демагогии. К сожалению, это у нас иногда происходит. Находятся ратующие за правду, которые хотят представить весь путь нашего социалистического развития сплошной цепью ошибок».

Есть еще одна проблема, вытекающая из пересмотра исторического прошлого нации. Она заключается в том, как относиться к былым ошибкам и перекосам? Для нынешнего поколения эстонцев этот вопрос напрямую связан с формированием мировоззрения. И я готов согласиться с утверждениями академика Густава Наана, который в своей оригинальной статье «О мировоззрении» (журнал «Коммунист Эстонии», № 1—2, 1988 г.) нарисовал убедительную схему, как можно погубить перестройку. Самая главная социально-психологическая опасность, на его взгляд, заключается в следующем: «В сто первый или в тысячу первый раз обнаруживается (или изображается) вера в то, что если кого-то распять, например, предыдущие поколения, разоблачить и заклеймить все их ошибки, то обязательно наступит, наконец, райская пора. Забывается исторический опыт: таким манером добиваются лишь того, что подрастающее поколение настраивается на распятие самих сегодняшних распинателей.

Очень не хотелось бы, чтобы нынешнее обновление сникло так же, как два (или более) предыдущих. Но это совсем не исключено, если мы не сумеем обуздать бушующих в нас эмоций, отдающих нетерпением (авангардизмом), национализмом и манихейством».

Что ж, опасение академика не беспочвенное. Мы действительно открыто называем имена многих конкретных виновников искажения принципов социализма, ленинской национальной политики. Все это хорошо. Мы полны к ним негодования и даже ненависти. Тоже, наверное, неплохо. Но, согласитесь, все эти эмоции слишком мало стоят, если не найти верных путей борьбы с самими ошибками, а не с тенями тех, кто их совершал или санкционировал. А перестройка только тогда станет революцией, когда из области фраз перейдет в плоскость конкретных дел. И этому, кстати, тоже учит история.

Словом, давайте перейдем к конкретным делам, которые ведутся сегодня в республике и направлены на перестройку межнациональных отношений.

ЭКОНОМИКА. Казалось бы, какая может быть связь между двумя этими понятиями: экономика и межнациональные отношения? Особенно если речь идет об экономике социализма, лишенной эксплуататорского характера. К тому же всесторонний расцвет и развитие наций обеспечивает единый промышленный

комплекс страны. И этот тезис бессмысленно подвергать сомнению.

Но я не стану вас утомлять теоретическими изысканиями. Еще гениальный Гёте устами лукавого Мефистофеля предупреждал: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни». А потому о реальной связи между проблемами экономики и межнациональных отношений лучше всего судить по самому древу жизни. По размаху его ветвей и расцвету кроны, по тем живительным или мертвящим сокам, что питают ствол.

Как же выглядит сегодня эстонская экономика? Если провести маленькое сравнение, сопоставив ее состояние с положением дел в других регионах нашей страны, выглядит она вполне даже благополучной. По темпам развития ряда отраслей, по уровню жизни населения Эстония опережает многие союзные республики. Здесь высокопроизводительное сельское хозяйство. На скудных и каменистых землях выращивают хорошие урожаи. Коровы, дающие 4 тысячи литров молока в год, давно не считаются рекордсменками. В республике мощный строительный комплекс, а обеспеченность среднего жителя жилплощадью едва ли не самая высокая в стране. Приятно выглядят прилавки магазинов — изобилие молочных продуктов, пристойный выбор мясных, неплохой ширпотреб. А хорошие дороги, а красивые силуэты современных сельских строений, а притягательность маленьких и уютных кафе, что встречаются повсеместно... Как тут не понять настроений иного приезжего человека, особенно если он явился из истощенных областей Нечерноземья или супериндустриального сибирского города: «Живут как у Христа за пазухой, да еще чем-то недовольны. С жиру бесятся...»

Но недаром говорится — все на свете познается в сравнении. И тут невольно возникают вопросы. Уместны ли подобные внешние сравнения? Можем ли мы себе позволить худшие варианты территориальной экономики брать за исходный критерий при оценке дел в национальной республике? Разумеется, нет. Тогда давайте, как говорил Козьма Прутков, зреть в корень.

И мы увидим, что экономика Эстонии не избежала всех тех бед, что были присущи нашему народному хозяйству в целом в период застоя. Может быть, здесь отчаяннее сопротивлялись негативным тенденциям, искали альтернативные варианты борьбы с ними, придумывали всевозможные эксперименты. И тем не менее статистика засвидетельствовала: в течение длительного времени в республике снижались темпы роста промышленного производства. Это было настоящее падение. Например, в девятой пятилетке рост производства составлял 41 процент, в десятой — 24 процента, в одиннадцатой — 15 процентов.

Причина? Она проста — экстенсивный путь развития экономики, породивший многие диспропорции. А уже к началу 70-х годов этот путь стал давать серьезные сбои. Реальные возможности республики для дальнейшего экстенсивного развития оказались полностью исчерпаны. Для этого не хватало ни фондов, ни сырья, ни соответствующих трудовых ресурсов. Но под давлением центральных ведомств и затратного экономического механизма уверенно продолжалась порочная стратегия развития. А потому в Эстонию приходилось многое ввозить.

Казалось бы, разве это не благо — из союзного бюджета выделялись средства на развитие крупных промышленных пред-

приятий, железнодорожные эшелоны за тысячи километров везли сырье. Но аппарат директивных органов совершенно не учитывал, что речь идет о национальной республике с вполне сложившейся производственной и социальной структурой, с множеством нерешенных социальных проблем. И потому привлечение рабочей силы из-за пределов ЭССР постепенно стало создавать национальную напряженность. Число эстонцев в составе республиканского населения стало снижаться. Вот убедительные цифры статистики: в 1940 году эстонцы составляли 90 процентов населения, в 1959-м — 75, в 1979-м — 64, а в 1986-м — уже 61 процент.

Учтите при этом, что не было практически никакой гласности в оценке процессов миграции, никто серьезно не пытался осмыслить усложняющиеся процессы межнациональных взаимоотношений. Все перекосы и несуразности в пополнении трудовых ресурсов ушлые хозяйственники оправдывали как... живое проявление интернационализма. А лозунги, доведенные до абсурда, как известно, начинают давать обратные результаты.

В конечном счете в Эстонии случилось нечто подобное. С одной стороны, местным жителям говорили, что без «интернациональной помощи» приезжих экономика республики задохнется от напряжения. С другой стороны, они видели своими глазами, что появляются города и целые территории, где эстонцы остаются в меньшинстве, где родной язык исчезает из активного употребления.

Из таких городов, как Нарва, Кохтла-Ярве стали сниматься эстонские семьи, переезжая в районы, где местные жители пока что составляли большинство. Иными словами, шла не интеграция приезжих в состав коренного населения, что согласно логике вещей и сути ленинской национальной политики должно было происходить, а своеобразная поляризация двух национальных общин. К тому же наметился серьезный перекос и в сфере социальной политики.

Чтобы русский читатель лучше понял его суть, приведу аналогичный пример из российской жизни. Коренные москвичи и ленинградцы знают, что у них подчас меньше шансов выехать из коммуналок в благоустроенные квартиры, нежели у тех молодых людей, что поселились в столице по лимиту. Увы, неисповедимы пути ведомственности, вторгающейся в нашу жизнь. Ведомственность не признает вокруг ничего, кроме своих узкокорыстных интересов. И вряд ли можно объяснить чем-то иным, кроме как этим обстоятельством, тот парадоксальный факт, что мигранты в Эстонии стали быстрее получать благоустроенное жилье, нежели коренные жители, зачастую лучше и комфортней устраиваться в жизни.

Теперь-то вы понимаете, отчего на уровне обыденного сознания интернационалистские лозунги стали со временем восприниматься с подозрением. Нашлись люди, убеждавшие других, что интернационализм на деле — это русификация. О том же без устали твердили западные «радиоголоса». Экстремисты, разумеется, тоже воспользовались парадоксами экономики. На ряде организованных ими сходок звучали призывы: «Эстонию — для эстонцев!» А сколько в повседневной жизни возникало ситуаций, когда обыватель мог судить почти так же, как экстремист или платный антисоветчик. Временно ухудшилось снабжение. Кто виноват? Приезжие. Многодетная семья не может выбраться из ветхого жилья.

Почему? Так ведь русские еще не все устроены. Почва реальной жизни была неровной, тут и там возникала эрозия, приводившая к всевозможным национальным обидам.

Но я рассказал вам об этих обстоятельствах не только для того, чтобы констатировать прямую связь между проблемами экономики и межнациональных отношений. Вопрос в другом — какова сегодня должна быть альтернатива сложившимся диспропорциям? Как совместить территориальные и отраслевые интересы, чтобы они не задевали национальных норм и традиций жизни? Может ли, наконец, наша экономика действенно утверждать принципы интернационализма, а не дискредитировать их?

Эстонские реалисты убеждены — может. Но прежде чем явилось это убеждение, пришлось устранить многие табу, согласно которым публично говорить о национальных проблемах считалось чуть ли не неприличным делом. Только когда об этих проблемах заговорили во весь голос, стала вырисовываться картина причин того неравноценного положения, в котором оказались в республике разные национальные группы. Люди наглядно увидели, что виною тому служит отнюдь не «коварная политика Москвы», как утверждают «радиоголоса» и экстремисты, а несовершенство экономического механизма. А раз так, надо приводить сам экономический механизм в порядок. С чего начать?

Прежде всего директивные органы республики взяли курс на ограничение миграции. Как? Путей для этого оказалось предостаточно. Разве не в силах, скажем, Советская власть воспрепятствовать порочной практике хозяйственников за счет кочующих трудовых ресурсов покрывать низкую производительность труда, затыкать всевозможные дыры. Вполне в силах. И на заседаниях комиссии по рациональному использованию трудовых ресурсов при Таллинском горисполкоме стали принимать решения, подобные нижеприведенному: «На очередном заседании были рассмотрены ходатайства 23 предприятий о прописке в общежитиях работников, прибывающих в Таллин (всего 181 человек). Комиссия дала разрешение на прописку 19 человек. Отказано в прописке 100 прибывающим из-за пределов Таллина работникам военизированной охраны, не удовлетворены ходатайства производственного объединения Эстремрыбфлот (10 человек), завода «Вольта» (3) и других предприятий...»

Но это было только начало. Правительство республики активно поддержало курс на ограничение миграции. В результате были утверждены нормативные документы, вызвавшие у иных хозяйственников старой закваски состояние, близкое к шоковому. Документами предписывалось, что, привлекая рабочие руки со стороны, заинтересованные в этом предприятия должны перечислить на каждого рабочего и члена его семьи в фонд социального развития кругленькую сумму: для Таллина — 16 тысяч рублей, для других городов республики — 10 тысяч. Само собой, столь дорогостоящему специалисту лопату или лом даже самый закоренелый экстенсивщик в руки не даст — в копеечку влетит.

Но, разумеется, никакие, даже самые жесткие административные меры не в состоянии поправить положения дел в экономике, если их не подкрепить поиском новых решений, перестройкой производственных структур, внедрением передовых технологий. Словом, всем тем, что непосредственно влияет на рост производительности труда, его эффективность и качество.

И в этом направлении тоже повели активный поиск. Весь 1987 год прошел в Эстонии под знаком общереспубликанской реформы заработной платы. Дело задумали с размахом — в течение года решили поднять заработок большинству работающих, независимо от ведомственной подчиненности предприятия и организации. Но поднять не механически, а лишь после того, как в каждом коллективе пересмотрят штатные расписания, сократят число работающих, добьются повышения производительности труда. А в результате сами заработают деньги на увеличение заработной платы.

Дело было новое, нервное, хлопотное. Страсти и эмоции кипели во многих местах, особенно в тех административно-управленческих конторах, где люди привыкли к теплому и размеренному существованию. Говорят, один из кооперативов, занявшийся в те дни снятием стрессов и эмоциональных перегрузок, нашел себе много клиентов. Впрочем, результаты дали о себе знать не только в кооперативном деле.

Судите сами. Только в производственных отраслях за какой-то год высвободилось около 13 тысяч работников. Резко уменьшилось число заявок от предприятий и организаций на рабочую силу в бюро по трудоустройству населения. После введения новых ставок и окладов оплата труда среди специалистов отдельных отраслей увеличилась на 26 процентов, у служащих — на 10 процентов. А, скажем, рабочие электротехнического завода имени Х. Пегельмана вместо средних 217,5 рубля стали получать 238,4 рубля. Но самое главное заключалось в другом — удалось добиться резкого роста производительности труда. Промышленность Эстонии, например, не знала таких годовых темпов роста производства (4,7 процента) на протяжении последних десяти лет.

Вот и рассудите: стоит ли после этого полагаться на миграцию, если в республике рационально не используются собственные трудовые ресурсы? А ведь перестройка влечет за собой целую цепь реформ? Конечно, «кочующий пролетарий» экономике времен перестройки уже не нужен. Вот почему и был введен столь высокий «налог на въезд». Высвободившиеся за какой-то год 13 тысяч работников превышают миграционное сальдо иных лет почти в два раза.

Есть и вторая важная проблема республиканской экономики, которую реально мыслящие люди считают тесно связанной с национальными чувствами народа. Если быть лаконичным, ее можно выразить вопросом — кто и как управляет нашими делами? Но тут потребуется еще один маленький исторический экскурс. Нам придется вспомнить, что республика вступила в состав СССР, когда административно-командный стиль руководства переживал период наивысшего расцвета. Наверное, при послевоенном восстановлении народного хозяйства, при первых шагах в строительстве социализма его издержки в некоторой степени покрывались достоинствами. Ведь с помощью абсолютно централизованной власти удавалось мобилизовать многие ресурсы. Но чехарда последующих десятилетий, когда создавались совнархозы и через несколько лет ликвидировались, когда утверждались мероприятия крутой хозяйственной реформы и, предав их забвению, всю власть вновь брал в свои руки столичный чиновник, — этот-то самый период и породил немало пессимизма в душах и сердцах многих эстонских экономистов, производственников.

Что вы там ни говорите, а ездить в столицу по пустякам, чтобы утвердить, скажем, ребро жесткости поварешки или расцветку простенькой кофточки, которая на следующий сезон выйдет из моды, не только глупо, но еще и унизительно. В душу невольно вкрадется обида — неужели эстонский инженер и конструктор не может самостоятельно принять решение, без утверждения в союзном министерстве? Что же он, вроде как второсортный?

В то же время в республике разрастались бюрократические ведомства, чуть ли не один к одному повторяя структуру большой столицы. Эффективности экономике это не прибавило, зато породило иждивенческие тенденции, способствовало появлению профессиональных карьеристов, вносило в жизнь общества элементы социальной несправедливости. Да и могло ли быть иначе, если в конечном счете в маленькой республике оказалось около ста органов управления, в том числе 43 министерства, комитета или ведомства.

Люди здравомыслящие давно видели — изменить положение можно только в том случае, если удастся добиться высокого уровня хозяйственной самостоятельности территориальной экономики. Но как? Вряд ли я преувеличу, если скажу — самая жаркая из дискуссий последнего времени как раз была посвящена этому вопросу. Она продолжается и сегодня, а потому попытаюсь изложить предысторию спора.

Все началось с газетной статьи, в которой четверо известных в Эстонии ученых и публицистов предложили обсудить возможность перехода республики на полный хозрасчет (газета «Эдази», 26.IX. 87 г.). Что вкладывалось в это понятие? Во-первых, приоритет рынка и товарно-денежных отношений. Как результат — передача всех предприятий и организаций, по какому бы центральному ведомству они ни числились, в ведение республики. В-третьих, расчеты с другими регионами страны производятся за счет конвертируемого рубля или валюты. Ну и много других новшеств. Например, свободные взаимоотношения с экономикой Запада, возможность использования валютных займов.

Большинству эстонских экономистов такая перспектива не пришлась по вкусу. Но они не только поддержали спор, а внесли немало дельных предложений по усилению хозяйственной самостоятельности республиканской экономики от центральных ведомств. Даже такой авторитет, как академик А. Кеерна, признал: «Неразвитость территориального принципа управления, чрезмерная централизация управления, урезание прав местных органов власти дают о себе знать в небольшой республике острее, чем где-либо... Такое ограничение прав территориальных органов управления, когда даже мелкие вопросы, которые можно решить успешно на месте, согласовываются в Москве, экономически нерационально, вызывает недоумение и сеет пессимизм. Все это препятствует рачительному хозяйствованию, решению стратегических вопросов социально-экономического развития, сочетанию интересов местного населения и государства в целом» (журнал «Коммунист Эстонии», № 2, 1988 г.).

В итоге дискуссия на тему республиканского хозрасчета при всей ее задиристости и полемичности принесла определенные плоды. Было принято решение — создать при академическом Институте экономики специальную группу ученых, которая займется реальной разработкой проблем территориального хозрасчета.

Одновременно несколько групп будут разрабатывать альтернативные варианты той же самой идеи, чтобы найти наиболее приемлемый путь к ее осуществлению.

Но это идеи будущего. А пока в республике взялись за управленческий аппарат, который в силу многочисленности и весьма запутанной соподчиненности центральным ведомствам только осложняет перестройку экономики. Внешние черты этой работы таковы — за счет создания различных комитетов ликвидируется 22 министерства и ведомства, сокращается на 4 тысячи человек, или более чем на четверть, управленческий аппарат. В результате создается новая генеральная схема управления народным хозяйством республики. Что это даст? Председатель Совета Министров Эстонии Бруно Сауль охарактеризовал цель управленческой реформы следующим образом: «Наша концепция сводится к одному: больше вопросов решать самим на месте. Новый хозяйственный механизм, естественно, предполагает значительное расширение прав союзных республик в планировании, финансовой деятельности, социально-культурной сфере, организации труда и заработной платы, в других областях жизни. Ясно и то, что эти права надо отвоевывать. Ведомственность у нас еще очень сильна, но сдвиги происходят и здесь» (газета «Рахва Хяэль», 12.III.88 г.).

Что ж, когда правительство республики отвоевывает у центральных ведомств право на самостоятельное экономическое мышление для своего народа — это и есть национальная политика в действии. Такая политика укрепляет веру простых людей в социализм и его возможности. Потому что единство советских народов скреплено самим социалистическим строем, а отнюдь не бюрократическим аппаратом.

ЯЗЫК. Удивительно, но факт — ни одна из проблем межнационального общения в нашей стране не вызывает столько споров и противопоставления мнений, как языковая. Почему? Прежде всего, наверное, оттого, что она на всеобщем виду и слуху. А национальные языки стали терять свое первоначальное значение в жизни многих народов. И эту тенденцию болезненнее всего переживают писатели, деятели культуры, интеллигенция из союзных и автономных республик.

Вслушайтесь в слова тревоги, что звучали на проходившем в марте в Москве пленуме правления Союза писателей СССР, который был специально посвящен теме совершенствования национальных отношений. Юрий Мушкетик (Украина): «Отошедшие от родного языка украинцы, белорусы, башкиры, чуваши осваивают только самый поверхностный слой русского языка и русской культуры... Такое положение негативно отражается на всей языковой и культурной ситуации страны». Нил Гилевич (Белоруссия): «Обратите внимание, какой скороговоркой, одним абзацем в докладах и речах с высоких трибун говорится о национальной культуре и языке. А ведь это один из главнейших политических вопросов в многонациональной стране». Рачия Ованесян (Армения): «Нельзя окрашивать в один цвет многоцветный букет советских народов. Ибо... нет вообще советского языка, а есть армянский язык, есть таджикский и грузинский...»

Но это, как говорится, только часть боли. Омор Султанов из Киргизии констатирует: «Иногда озабоченность по поводу тех или иных проблем развития национального языка, национальной

культуры оценивается чуть ли не как проявление национализма». Украинец Борис Олейник возмущается: «Пользуясь безнаказанностью, а часто и поощрением, добровольные фискалы засыпают разные инстанции доносами на писателей даже с мировым именем, обвиняя их в «национализме» только за то, что те отстаивают родной язык». А Туфан Миннуллин из Татарии считает откровенным невежеством, когда национальной интеллигенции «приходится доказывать и необходимость знания родного языка, чтобы сохранить веками накопленную духовную культуру, чтобы другие народы могли знакомиться с ней и обогатить себя» (цитирую по отчету в «Лит. газете», № 10, 1988 г. — **И. Т.**).

Так что же случилось в нашем родном отечестве, если всяк сущий в нем язык испытывает притеснения и муки от собственной «ущербности»? И кому это, наконец, нужно? Может быть, русскому народу? Вот ведь и в гимне поется: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...» Но сплотила, надо думать, вовсе не затем, чтобы лишить родных языков. К тому же русская культура не меньше национальных страдает от этого левацкого перекоса. Язык Пушкина и Лермонтова потерял свою чистоту, словарно обеднел, подвергается многим искажениям. А робкие попытки русской интеллигенции открыто говорить о проблемах своей национальной культуры, чистоте языка вызывают не менее злобные нападки со стороны иных «интернационалистов», тут же пытающихся прилепить этой тенденции ярлык «шовинизма».

Так что же с нами случилось? Отчего произошел коварный перевертыш, когда забвение родного языка стало выдаваться чуть ли не за главный критерий интернационализации жизни многонационального государства?

Мы забыли один очень важный завет Ленина, четко сформулированный в его политическом завещании. Вот они, ленинские слова — «надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверять эти правила особенно тщательно. Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т. п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства. Для борьбы с этими злоупотреблениями потребуется особая изобретательность, не говоря уже об особой искренности тех, которые за такую борьбу возьмутся. Тут потребуется особый детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике».

При этом уместно напомнить — вплоть до 1956 года работа Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации», откуда взяты вышеприведенные слова, не была известна даже партии. Да и в последующие годы ленинский завет предпочитали публично не вспоминать. Печально известный тезис «двух родных языков» обслуживал все те же прагматические интересы бюрократического аппарата, для которого всякие отклонения от единообразия — будь то язык документов, официальных совещаний или ссылок на национальные особенности территории — казались делом опасным и подозрительным. Остается добавить, что бюрократия — явление по своей сути не национальное, а социальное.

Но вернемся к Эстонии, о которой наш рассказ. Республика

эта, надо сказать честно, не изменила своему родному языку. Да это было бы и невозможно. Я уже говорил, сколь великую роль сослужил для эстонцев язык в процессах консолидации нации. Народ его поистине выстрадал. Может быть, для вас будет в новинку следующий факт, но считаю нужным его все же сообщить. Сегодня эстонский язык по своим структурным особенностям и обширности сферы применения по праву считается одним из наиболее развитых в СССР. А все почему? Да оттого, что национальную школу заканчивает абсолютное большинство эстонских детей. Для взрослых это язык культуры, высшего образования, делопроизводства. Кстати, неплохо владеют эстонцы и русским языком. Во всяком случае, статистика свидетельствует: 90 процентов эстонцев используют его в повседневной жизни, причем 25—30 процентов владеют вполне свободно.

Но все это ничуть не значит, что жителям республики не довелось испытать прессинга казенного «интернационализма». Довелось, да еще не меньше, чем другим народам. Лозунг о «двух родных языках» здесь тоже активно пропагандировался. И это вызвало ответную реакцию — эстонцы стали относиться к изучению русского языка как к делу обязательному, но лично им не особенно нужному. Словом, однообразно-чиновничий подход к проблемам разных наций и здесь нанес вред делу интернационального воспитания.

Да и посудите сами, могло ли быть иначе. У эстонцев нет даже устойчивого словосочетания «родной язык». Есть более личностное понятие — «материнский язык». А потому мог ли восприниматься иначе, чем злая нелепость, звучащий в прямом переводе тезис о «двух материнских языках»? Едва ли. И вы должны понять — дело тут вовсе не в «национализме», если у народа сложилось отрицательное отношение ко всякого рода кампаниям, что время от времени проходили в республике и преследовали цель улучшения знания эстонцами русского языка.

О том, насколько глубоко подобные настроения отражают общественное мнение, можно судить хотя бы по следующему факту. В прошлом году журнал «Радуга» (№ 6—7, 1987 г.) опубликовал статью языковеда М. Хинта, на первый взгляд посвященную проблемам двуязычия. Но только на первый взгляд, потому что автор, претендуя на роль научного исследователя, договорился до того, что активное двуязычие, мол, сулит республике денационализацию, дестабилизацию эстонского языка и даже умственную отсталость для подрастающего поколения. Это уже была откровенная спекуляция.

Не будучи сам лингвистом, не стану полемизировать с автором статьи. Тем более, что как местная, так и центральная печать вполне оправданно и обоснованно подвергла ее критике, как тенденциозную и научно несостоятельную. Хочу лишь заметить вскользь: если довести до абсурда лозунг «двух материнских языков», то даже методология М. Хинта может показаться не лишенной определенной логики. Но мы говорим о другом — что сегодня следует понимать под активным двуязычием? Лично мне кажется, пока не будет найден ответ на этот вопрос, до тех пор вполне практическая проблема роли языков в национальной жизни будет вызывать немало споров и недоразумений.

И тут я хочу сослаться на мнение эстонского социолога Н. Каротам, которая считает: «Абсолютизация того или иного аспекта

двуязычия может привести к национальной обособленности или языковому шовинизму, нанести вред как межнациональному общению, так и творческому потенциалу самой нации» (газета «Вечерний Таллин», 12.II.87 г.). Собственно, именно это и случилось в Эстонии. Долгое время здесь абсолютизировался лишь один аспект двуязычия — активное изучение местным населением русского языка. А ведь происходило это на фоне интенсивной миграции в республику людей из других регионов страны. А для того чтобы приезжие освоили эстонский язык, делалось крайне мало. Два языка невольно столкнулись в борьбе за существование.

Не буду голословным. Сегодня в республике живет 960 тысяч эстонцев и 610 тысяч представителей иных наций, среди которых большинство составляют русские. Основной язык общения приезжих — тоже русский. Эстонский знает незначительное число приезжих. Доходит до парадоксов — я сам встречал людей, которые живут в республике во втором и даже третьем поколении, а до сих пор не научились по-эстонски элементарно изъясняться. При этом оправдываются: «А зачем это надо, ведь русский у нас в стране — язык межнационального общения». Да и статистика выглядит неутешительно, лишь 30 процентов русских в республике владеют эстонским языком, из них свободно — 13 процентов.

Наверное, самое неприятное следствие этой тенденции — появление однонациональных коллективов и даже целых городов (в Нарве, например, проживает сегодня только 5 процентов эстонцев). Недоразумения, взаимные обиды, национальные антипатии — все это тоже омрачает взаимоотношения людей, живущих под одним небом. Поводом для них нередко служат истинные пустяки. Придет старушка в магазин, куда испокон веков ходила, попросит на родном языке продавца взвесить 200 граммов колбасы. А в ответ слышит: «Говорите по-русски, я вас не понимаю...» Как тут не разобидеться?

Но почему стало возможным столь разное отношение к двуязычию представителей двух национальных групп республики? Да оттого, что долгое время интернационалистическое воспитание являлось как бы улицей с односторонним движением. Это нашло свое выражение во многом, даже в таких вещах, как школьные программы: в эстонских школах выделяется на изучение русского языка 1200—1300 часов, в русских для эстонского в два раза меньше — 600—700 часов. Да и те часы, что русские школьники отдают эстонскому языку, используются кое-как. Не хватает ни опытных преподавателей, ни толковых учебников, ни эффективных методик.

Я сам в детстве «изучал» в школе эстонский. Беру в кавычки слово «изучал» неспроста. Наверное, не было в программе более необязательного предмета, нежели этот. Помнится, учителя наши менялись по нескольку раз за год и, кажется, ни один из них не обладал даже самым минимальным педагогическим образованием. Четверку ставили даже тем, кто на задних рядах с увлечением играл в «морской бой» или «крестики-нолики», так и не научившись строить простейших фраз. А уж если это удавалось, то тебя ждала верная пятерка.

Но вот я думаю — может быть, наша школа была досадным исключением? К тому же мои воспоминания давние — лет двадцать прошло, многое должно было измениться? Куда там! Сужу по письмам, что приходят в газеты. «Почему, спрашиваю дочь,

опять ко второму уроку?» — «Нет эстонского», — отвечает. И так постоянно... Б. Матвеев». «Почему на английские группы учителей хватает, а учителей эстонского так мало? Откуда такое отношение к обучению этому языку? Ведь мы живем в Эстонии?.. Но я не могу согласиться с подобным отношением уже потому, что мои родители, сама я и мои дети родились здесь, и здесь наша родина... Л. Верницкая, Таллин».

Вот мы и подошли еще к одной болевой точке. Оказывается, неравноправное положение языков в общественной жизни республики сегодня активно не устраивает и само русскоязычное население. Об этом люди все чаще говорят вслух, пишут письма в газеты, обращаются с запросами к депутатам. Как улучшить положение? Неужели язык так и будет оставаться одним из главных препятствий для улучшения взаимопонимания двух национальных групп?

А ведь сделать при желании можно многое. Вот, например, Минлегпром республики несколько лет назад организовал курсы интенсивного изучения эстонского языка. На месячный срок сюда стали направлять специалистов отрасли, чтобы те, как правило, с отрывом от производства, освоили эстонский в пределах, необходимых для жизни и работы в республике. Желающих сюда попасть столько, что в очередь записываются на год вперед. Да и на традиционные курсы эстонского нынче не протолкнешься. А вот объявление из таллинской «Вечерки»: «Кооператив «Искусство и знание» организует двухмесячные курсы эстонского языка для предприятий и населения. Справки с 9 до 11 часов по телефону...» Тоже своего рода показатель. И говорит он о многом.

Например, о том, что язык — это не только ключ к пониманию культуры народа, среди которого ты живешь. Сегодня в Эстонии не без основания считают его знание категорией экономической. Ведь когда человек не понимает языка, на котором идет большая часть производственного общения, ему бывает трудно осмыслить самые простейшие рабочие ситуации, дать правильную оценку конфликтам, быстро и правильно принять решение. Так или иначе это приводит к стрессам, срывам, браку.

Вот почему в вопросах практического двуязычия верх сегодня берет взгляд реалистичный. В нынешнем году было принято даже специальное партийное постановление. Речь в нем идет о мерах по улучшению изучения жителями республики второго языка общения, а не пресловутого «второго родного языка». Определен перечень профессий, где умение изъясняться на двух языках признано обязательным. Будут разработаны новые программы и учебные планы как для эстонских, так и для русских средних школ. Признано необходимым улучшить переводческую деятельность. Верховный Совет республики уже рассматривает предложения об официальном утверждении статуса эстонского языка в общественной жизни.

Разумеется, моментальных результатов тут сейчас не добиться. Работа предстоит длительная, кропотливая. Но со временем, как мне кажется, все же будет создан «особый детальный кодекс» языковой жизни республики. Тот самый, о котором говорил Ленин. Хотя успех всей перестройки в сфере межнациональных отношений будет зависеть не только от него, а еще и от самих людей, что в Эстонии живут, от их отношения друг к другу,

а кроме того, от той настойчивости, с которой будет проводиться в жизнь новая национальная политика.

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. И все же какого бы роду и племени не был каждый из нас, мы находим общий язык благодаря тому, что объединены едиными общечеловеческими идеалами. Ибо нет в мире нации или народа, в традиции которых входило бы забвение прошлого, отказ от честного и добродетельного поведения, склонности к жульничеству или демагогии. Мне, во всяком случае, такие примеры неизвестны. И если в последнее время мы стали свидетелями удручающих процессов нравственного разложения, коррупции и кумовства в жизни целого ряда советских республик, то давайте делать правильные выводы — это свидетельствует не столько о силе, как о слабости национальных традиций в нашей общественной и политической жизни.

Уроки, извлеченные из этих аномалий, одинаково актуальны для любой из советских наций. Вот и в Эстонии их тоже пытаются осмыслить, ибо механизм деградации идеалов интернационализма сегодня следует знать столь же основательно, как и причины, его породившие. Выводы приходится делать и эстонцам, и русским.

Общеизвестно: корни национальной культуры и традиций особо ярко дают о себе знать, когда мы попадаем в среду другого народа. Ведь недаром же говорится: в каждом человеке живет миниатюрный портрет его нации. Но, к сожалению, те усредненные представления об интернационализме, что нередко навязывала нам в минувшие десятилетия пропаганда и общественная наука, слишком уж мало способствовали взаимопониманию конкретных людей разных национальностей. Я понимаю, конечно, что в этом трудно винить их самих. Люди-то как раз находили общий язык благодаря совместной работе, общечеловеческим идеалам социализма, даже трагическим страницам истории. И уж тем более наивно, если даже не преступно, составлять негласные табели о «рангах» — какой из наших народов больше склонен к проявлению интернационализма, какой меньше. А такие попытки в прошлом были, они-то и извратили смысл ленинского определения интернационализма.

Да, это так — у эстонца и русского разный национальный характер, темперамент, в какой-то мере даже мировосприятие. И не беда в том, что они разные. Беда, если тезис о сближении наций воспринимается как процесс сугубо механический, если начинается противопоставление двух национальных культур, традиций разных народов. А этот процесс, к сожалению, тоже имел место.

Сошлюсь на авторитетные данные. Институт истории партии при ЦК КП Эстонии провел недавно социологическое исследование, чтобы выяснить — как относятся к межнациональным проблемам разные группы населения республики? Результаты оказались весьма показательные. Так, например, только 4 процента эстонцев оценили взаимоотношения представителей различных национальностей как хорошие, среди неэстонцев ту же оценку дало 17 процентов опрошенных. Неудовлетворительными же их признали 58 процентов местного населения и 10 процентов из числа русскоязычных жителей республики.

В оценке перспектив по улучшению взаимоотношений различных национальных групп обнаружилось то же самое различие в мнениях. Надежду на их коренное улучшение высказали 21 процент

эстонцев и 61 процент опрошенных русских. Но и это не все: 34 процента эстонцев посчитали, что взаимоотношения эти будут даже ухудшаться, среди русских считают так же только 5 процентов опрошенных.

Как видите, разные национальные группы совершенно по-разному смотрят на национальные проблемы республики. Почему? Надеюсь, у вас не возникнет желания объяснить это тем, что один народ больше склонен к проявлению интернационализма, а другой — национализма. Увы, вынужден еще раз повториться, на уровне обыденного сознания такие объяснения встречаются. Но в чем же истинная причина различия мнений?

У русских людей, если судить историческими категориями, опыт ущемления их национальных прав утонул в глубинах далеких веков. У эстонцев же семь веков истории являли собой нескончаемую цепь чужестранного господства — датчан, шведов, немцев... Социальная память народа твердо закрепила былые обиды и унижения. И потому самые незначительные отклонения от принципов истинного интернационализма воспринимаются эстонцами намного болезненней, нежели русскими.

Человек живет среди людей. Через тысячи личностных связей, через совместную работу, через взаимное влияние культур происходит истинное сближение наций. А потому сегодня любой из нас должен знать — как себя вести в инонациональной среде, от каких предвзятостей и недостатков освобождаться? Эти навыки в многонациональном государстве должны стать для каждого человека столь же обязательными, как умение читать или писать.

Но как же нелегкую эту науку сделать общедоступной, переплавить в убеждения и поступки людей? За счет чего можно поднять культуру межнациональных отношений на личностном уровне? Как вы понимаете, ни одна школа, ни один мудрый лектор не в состоянии этого сделать. Только сама жизнь с ее неисчерпаемыми противоречиями способна преподать нам самые достойные уроки.

И тут я хочу вам привести очень характерный пример. Средой, где провокационные призывы экстремистов не имеют никакого влияния, являются в республике многонациональные трудовые коллективы. А почему? Казалось бы, если среди двух национальных групп существуют определенные противоречия, то они с наибольшей силой должны проявляться именно здесь. Но жизнь доказала обратное. В многонациональных коллективах практически не бывает взаимных национальных претензий, люди притираются, учатся друг друга понимать, если надо — уступать.

У эстонцев есть очень хорошее качество — они легко усваивают лучшие традиции и нравы других наций. Клара Халлик как-то в беседе со мной заявила: «Не удивляйтесь, если я вам скажу, что в плане интернационализации мы один из самых «открытых» народов нашей страны. Почему? Объясняю. Долгие столетия живя «на сквозняках Европы», мы и сохранились-то как нация благодаря тому, что научились перерабатывать сообразно логике собственной культуры самые различные инонациональные культурные воздействия, не растворяясь в них. Так что для нашей республики процесс сближения наций — не только теоретически обоснованная закономерность, но и весьма давняя практика, уходящая корнями в историю народа».

После этих слов подумалось, что неплохо было бы этому каче-

ству поучиться и русским, приехавшим жить в Эстонию. Ведь для российской нации в целом нет никакой опасности, если 600 тысяч человек, поселившиеся в национальной республике, усвоят лучшие качества ее народа. И как печально, что жизнь преподносит совсем другие варианты — большинство приезжих поляризовались в «русских» коллективах и городах. А маленький народ воспринимает эту обособленность с вполне понятной опаской. Нет, не случайно Клара Халлик во время того же нашего разговора с тревогой заметила: «Сейчас возникла иная, весьма опасная ситуация. И было бы нечестно о ней умолчать. Проблема в том, чтобы резко изменившиеся национальные настроения не толкнули нас к изоляционизму на общенациональном уровне. Мы должны сделать все возможное, чтобы устранить такую опасность».

К чему может привести изоляционизм на общенациональном уровне? Взрыв, который произошел вокруг Нагорно-Карабахской автономной области, наглядно это показал. Мы увидели, что попытки разрешить национальный конфликт с помощью экстремистских выступлений не принесли ничего, кроме человеческих жертв, необузданных страстей, усложнения экономического положения сразу нескольких советских республик. Но мы разглядели в тех событиях и другое — там, где самые строгие стражи правопорядка не могли унять разбушевавшуюся толпу, это удавалось сделать простым людям. Скажем, в Сумгаите первый секретарь горкома партии соловьем разливался перед толпой, а в это же самое время потерявшие человеческий облик экстремисты отправились устраивать резню и погромы в армянских домах. А в Агдамском районе страсти уняла почтенная женщина. Зовут ее Хураман Аббасова. Она председатель колхоза имени Ленина, Герой Социалистического Труда.

Конечно, я далек от мысли, что в Эстонии подобное может повториться. Реалисты здесь уже сделали немало, чтобы вывести межнациональные проблемы на уровень общенародного обсуждения, принимаются конкретные меры по перестройке всей национальной политики. Но если говорить начистоту, даже в этих очистительных процессах еще слабо работает то, что у нас зовется человеческим фактором. Слишком много обид накопилось у отдельных людей, и они порой выплескивают их друг другу в быту, в общественных местах, даже на страницах печати. Вот вам самые типичные ситуации. Русский человек пришел в ателье, а ему отказались сшить костюм в связи с загруженностью работой. Через три дня в райком партии поступает гневное письмо, что в комбинате быта действует националистическое подполье, которое проводит политику дискриминации по отношению к некоренному населению республики. Или другой пример. На официальном собрании эстонский оратор высказывает мысль, что если согласно социологическим данным почти половине приезжих безразлично, где жить и работать, то не лучше ли им покинуть республику и поднимать, к примеру, Нечерноземье.

Я не утрирую. Все это сцены из реальной жизни. И они прежде всего, конечно, говорят о низкой политической культуре нашего мышления. Увы, слишком уж долго мы навешивали ярлыки на явления, которые требовали анализа и осмысления. И теперь пожинаем плоды.

Но все-таки я верю в силу человеческого взаимопонимания, даже если на его пути встанут наши национальные различия. Я верю

в реализм, который набирает силу в общественной жизни республики. Истина приходит тогда, говорили древние, когда исчезают предубеждения. Но предубеждения исчезают не сразу.

Станет ли их завтра меньше? Это зависит от всех нас. От всех и от каждого.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР. Материал, который вы только что прочитали, был написан в апреле. Но сейчас, к моменту выхода журнала, ситуация в республике уже претерпела определенные изменения. В чем они заключаются?

Прежде всего программа перестройки общественной жизни Эстонии, включающая в себя утверждение идеи регионального хозрасчета, упорядочение языковой ситуации, достижения полной социальной справедливости стала платформой делегации эстонских коммунистов на XIX Всесоюзной партийной конференции. Делегация уезжала в Москву со стотысячного митинга, напутствовавшего своих партийных представителей единогласным требованием — бороться за перестройку!

В республике появились новые общественные организации. Самая массовая из них — Народный фронт. В него вошли ведущие ученые, деятели культуры, тысячи и тысячи простых тружеников. Идут бурные дискуссии по самым различным проблемам жизни общества, включая перестройку межнациональных отношений.

Но, к сожалению, по-прежнему не обходится без проявлений экстремизма. Особенно огорчает, когда они исходят от людей, представляющих новые общественные организации или являющихся коммунистами. Понять причину этого можно. Мы пожинаем плоды определенного искажения ленинских принципов интернационализма, всевозможных моральных искривлений, имевших место в годы застоя. Повторяю — понять это можно. Принять нельзя.

Как можно, к примеру, принять деятельность некоторых людей, которые под лозунгом перестройки стремятся посеять националистические или шовинистские настроения. Таких, конечно, немного. Но их голос все же прорывается в печать, звучит нередко на всевозможных митингах и собраниях. Время от времени я читаю в газетах статьи, затрагивающие и мое национальное достоинство, вижу карикатуры, которые могут вызвать в людях национальное недоверие и вражду. Это опасная тенденция. Ведь в Эстонии живут представители более 100 национальностей: русские и украинцы, белорусы и евреи, немцы и татары, шведы и финны.

И потому вполне закономерно, что в республике появилась еще одна общественная организация — Интердвижение. Созданное по инициативе ряда трудовых коллективов, оно выступает за честное и равноправное решение комплекса национальных проблем, которое не ущемляло бы достоинства, социальных и политических прав ни одной национальной группы. Кстати, Народный фронт и Интердвижение сходятся в главном — сегодня от разговоров пора переходить к делу. Нужна четкая и всеобъемлющая программа по улучшению межнациональных отношений. Надо твердо пресекать любые проявления шовинизма и национализма. В национальном согласии залог политического реализма, в нем кроется главный отпор всяческим экстремистским проявлениям.

Недавно я вернулся с очередной дискуссии. В заводском клубе собрались рабочие и директора крупных предприятий, ученые и студенты, активисты Интердвижения и Народного фронта. Люди

говорили о том, что перестройка будет обречена на провал, если групповой или национальный эгоизм не уступит место здравому смыслу, если коммунисты не смогут стать объединяющей силой в новых общественных процессах. Я сидел в зале, слушал выступления и думал — а ведь это и есть слово народа, его твердый голос в поддержку истинного интернационализма, принципы которого так четко определил В. И. Ленин.

Такой вот небольшой постскриптум. Хочу при этом подчеркнуть — то, о чем написано в статье, не потеряло своей значимости за минувшие месяцы. Наоборот, споры по межнациональным проблемам только усилились. Но теперь, и это самое главное, создается инструмент для их решения — социалистическая демократия. Теперь у нас есть политическая платформа, утвержденная на XIX партконференции. В ней четко записано: «Конференция выражает твердую уверенность, что в консолидации и единстве всех советских народов — наше настоящее и будущее».

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ЭКОЛОГИЯ ПРАВДЫ

Из писем в редакцию

ПРИДУМАННОЕ В «НЕПРИДУМАННОМ»

Литератор Лев Разгон в журнале «Юность» (№ 5, 1988 г.) опубликовал свои воспоминания «Непридуманное», в которых позволил себе пасквильно и оскорбительно отозваться об умершем писателе, моем отце, и его романе «Цусима», переведенном на все языки нашего многонационального Советского Союза.

В 30-х годах роман «Цусима» был опубликован также в Англии, Франции, США, Японии, Болгарии, Венгрии и других странах мира, вошел в золотой фонд советской литературы, отмечен в 1941 году Государственной премией СССР.

Роман «Цусима» периодически издается и теперь, и приобрести его невозможно даже нам, членам семьи, настолько быстро расходится эта книга среди читателей.

Публикация моего ответа писателю Льву Разгону необходима для того, чтобы у современной молодежи, печатным органом которой является и журнал «Юность», не создалось навязанного ей превратного мнения о романе «Цусима», отразившем часть многострадальной истории России, особенно в предвоенные го-

ды, патриотизм русского народа — защитника Родины, и о создателе этой книги, до конца и честно выполнившем свой гражданский долг перед своими товарищами-«цусимцами», матросами и офицерами, погибшими в этом страшном морском сражении.

Лев Разгон свои мысли и мнения о Новикове-Прибое и его романе «Цусима» приписывает некоему бывшему офицеру военно-морского флота царской России Рощаковскому, которого он встретил в 30-х годах в советской пересыльной тюрьме. Этот современный Хлестаков, якобы участник Цусимского сражения (хотя неизвестно, на каком боевом корабле, в каком чине и что он делал в походе и во время сражения II Тихоокеанской эскадры с японским флотом), вольно и развязно разглагольствует перед Львом Разгоном, сидя на нарах тюремной камеры в желтом шелковом исподнем белье (?!) и ермолке (?!), о России, ее истории, национальных вопросах, безответственно рассуждает о революции, социализме и о многом другом. А подойдя в разговоре со Львом Разгоном к оценке романа «Цусима» и ее автора, этот офицер-царедворец говорит следующее:

«Русский человек — самый сильный, самый пластичный, он все может! Вот пришел ко мне Новиков-Прибой, принес роман «Цусима»! Залюбовался им: простой баталер, а ведь какую толстую книгу, целый роман, батенька, написал!

— Так «Цусима» все же не баталером написана, а писателем... (говорит Л. Разгон. — **И. Н.**).

— Что?! А вы этот роман читали? Я прочел, с интересом прочел. Не писателем он написан, а баталером! Как он был, Новиков, баталером, так баталером и остался, и роман его интересен только тем, что из него можно понять, как баталер смотрит на великие события и судьбы человеческие... Как ду-у-рак смотрит! Я с ним долго разговаривал, водку с ним пил. Пообтерся, свет посмотрел, в писатели вышел, богатым стал, известным... А в глазах страх да этакая суетливость угодническая (это у революционера и участника Цусимского сражения! — **И. Н.**). Вы меня, старого, извините, батенька, но у всех у вас в глазах страх да угодничество. У последнего английского матроса не встретите этого...» («Юность», 1988, № 5, с. 31).

К сведению Л. Разгона и журнала «Юность», критик С. Розенталь в газете «Правда» в статьях от 6 декабря 1932 г. и 19 февраля 1935 г. дал высокую оценку роману «Цусима». Он, в частности, писал: «Но если есть книги, подлинно написанные кровью сердца, то несомненно, что эти две книги Новикова-Прибоя («Поход» и «Бой», составляющие роман «Цусима». — **И. Н.**) — из их числа. «Цусима» — книга, которую читаешь залпом от первой до последней страницы». И далее: «Книга Новикова-Прибоя рассказывает о смерти и умирании, по мы, читатели, понимаем, как среди пепла, осколков, обломков кораблей, в грохоте канонады рождались новые люди, матросы, делавшие Свеаборгское восстание, в октябре 1917 г. поставившие на прикол «Аврору» для обстрела Зимнего дворца».

А вот что писал известный журналист Д. Заславский в статье «Современная история», напечатанной в первом номере журнала «Литературный критик» за 1933 год, отметивший ценнейшую особенность «Цусимы» — высокую историческую правдивость: «История похода эскадры Рожественского — это... история 1905 года.

Она раскрывает перед читателем картины не только захватывающего интереса, но и глубокого политического содержания».

Гордился Алексей Силыч и отзывом на его роман крупнейшей американской газеты «Нью-Йорк таймс», которая в номере от 2 февраля 1937 г. напечатала: «Презрительное отношение автора к умственным способностям своих властителей впоследствии было ратифицировано самим временем».

Но особенно его, как автора «Цусимы» и бывшего матроса эскадры Рожественского, прожившего изгоем за свою революционную деятельность долгие годы в Англии, взволновала оценка английского вице-адмирала Усборна, появившаяся 23 августа 1936 г. в газете «Санди таймс»: «Для морских специалистов книга изобилует полезными сведениями по части командования, стратегии и тактики. Книга займет свое место в каждой морской библиотеке... Многим морским офицерам за свою жизнь так и не приходится участвовать в большом морском бою; им приходится лишь в воображении переживать тот кульминационный момент, к которому они готовятся в течение всей своей карьеры... Вот почему я без всякого колебания говорю, что каждому морскому офицеру необходимо прочитать эту книгу, ибо она многому его научит».

И еще к сведению Льва Разгона и журнала «Юность». А. Новиков-Прибой никогда не встречался с Рощаковским, и тем более водку с этим «героем» воспоминаний «Непридуманное» не пил. Неужели не стыдно Льву Разгону, написавшему пасквиль на зачинателя советской маринистики, Алексея Силыча Новикова-Прибоя? А журналу «Юность» за то, что напечатал эту клевету?

И. Новиков,
доктор медицинских наук

НЕ В НЕМ ОДНОМ ДЕЛО

Сейчас много пишут и говорят о массовых репрессиях 1937—1938 гг. Факты бесспорные. Но как их объяснить?

Конечно, проще, но не вернее, ни с точки зрения соответствия исторической истине, ни с точки зрения элементарной логики, свалить все это на одного человека. Эта версия, при всей ее распространенности, однако, не получает единодушного одобрения. Против нее выступил, например, писатель В. Астафьев. Если таким «громоотводом», как он выразился, считать И. В. Сталина, то каковы мотивы такой ужасной деятельности? Допустим, что Сталин единолично творил беззакония, осуществлял массовые репрессии. Зачем он это делал? Никто не может толком ответить на этот вопрос.

Нисколько не снимая вины за массовые репрессии довоенных лет со Сталина, хочу сказать, что все это было, конечно, гораздо сложнее, а не так однозначно и «ясно», как это некоторым кажется. Не в одном Сталине дело. Острая классовая борьба, которая была при В. И. Ленине, не прекратилась и не могла прекратиться после его смерти. Она продолжалась. Классовая борьба шла в 20—30-е годы. Эта борьба, как об этом сказано в докладе М. С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великого Октября, завершилась разгромом противников ле-

нинизма. Остатки «разбитого вдребезги», потерпев поражение в открытых боях, замаскировались, ушли в подполье, окопались в партийных, советских, государственных органах и продолжали вести борьбу против Советской власти и социализма иначе и иными средствами.

Большой «взнос» в классовую борьбу того времени внесла деятельность оппозиций в нашей стране. Было разгромлено руководство оппозициями, а их последователи, единомышленники остались, как остались другие враги советского строя и власти до войны, когда часть их раскрыла себя, изменив Родине и пойдя служить фашистским оккупантам.

Троцкисты, выражая интересы остатков капиталистических классов, городской мелкой буржуазии и части буржуазной интеллигенции, вели борьбу против политического курса партии. Их целью было свержение существующей власти, захват в свои руки ЦК, поражение Советского Союза в войне и реставрация капитализма. В процессе антипартийной деятельности многие оппозиционеры стали орудием международной и внутренней буржуазии в борьбе против Советской власти, врагами диктатуры пролетариата, контрреволюционерами. Потерпев поражение в борьбе против партии и ее ЦК, не получив поддержки в массах, в рабочем классе, троцкисты после своего идейного и организационного разгрома, объединившись, изменили тактику: они продолжали борьбу против существующего руководства, за власть внутри партии и правительства. Они пробрались на ответственные посты в армии, в ведомстве иностранных дел, госбезопасности, в промышленности, сельском хозяйстве, в профсоюзных, партийных и правительственных учреждениях.

В этой ожесточенной классовой борьбе пострадали и невинные люди. Они попали под удары скрытых врагов в партийных, советских органах, в органах безопасности. У руководства НКВД стояли враги, политические авантюристы. Ставя задачу дискредитировать партию, они творили беззакония. Об этом сказал в своем докладе Ю. В. Андропов двадцать лет тому назад (20 декабря 1967 г.). Мстя за свое поражение, они били по кадрам. Известно, что годом массовых репрессий был год 1937, особенно его вторая половина. И это не случайно: это было время разоблачения деятельности оппозиционеров.

Извращая указания партии, замаскированные враги клеветали на честных советских людей, писали на них доносы, создавали фальсифицированные дела, применяли иезуитские приемы, заставляя давать ложные показания. Уничтожали лучших людей общества: передовых, сознательных рабочих, инженеров, ученых, военных, выдающихся партийных и советских работников. Пример этого приводит «Московская правда» («Командарм Скачко», 1 декабря 1987 г.). Еще в 1919 г. Троцкий хотел расстрелять талантливого военачальника А. Е. Скачко — не удалось: друзья спасли его. Через восемнадцать лет его таки погубили. Жертвой стал и комкор Б. М. Думенко. Как пишет В. Карпенко («Комсомольская правда», 28 января 1988 г.), у Троцкого был курс на ликвидацию военачальников, выдвинутых из среды крестьянских масс. Их слава подрывала его культ личности. В Красной Армии Троцкий видел средство в борьбе за власть в партии и государстве. По указанию Троцкого Думенко был арестован, судим (председатель реввоентрибунала Розенберг) и, несмотря на за-

щиту его Орджоникидзе, Егоровым и Сталиным, расстрелян. В 1937 году погибли Я. К. Берзинь, почистивший Наркомвоендел от троцкистов, А. В. Косарев, активно боровшийся с оппозицией, работавший под руководством Кирова (следствие вел Лев Шварцман). Уничтожали тех, кто выступал против оппозиционеров. Троцкий, троцкисты, считает Вас. Белов («Правда», 15 апреля 1988 г.), были врагами крестьянства. Расказачивание на Дону, трудармии, непосильные налоги, займы, разгон кооперативов, изъятие средств, суды, выселения, репрессии, расстрелы — их работа. Бесчинства местных властей в отношении середняка, образ типичного комиссара того времени (Малкина) нарисовал Шолохов.

В нашем небольшом тогда Запорожье, где все более или менее заметные, «нерядовые» люди были на виду, репрессировали почти весь цвет города. Я знал многих из тех, кого погубили: директора авиазавода, участника гражданской войны, орденоносца Александрова и его жену, начальника ОКСа того же завода, талантливого инженера Кособрюхова и его жену (с их сыном учился в одном классе), тридцать работников паровозоремонтного завода, где работал мой отец, делегат трудящихся города на похороны В. И. Ленина, секретаря парткома алюминиевого завода, участника гражданской войны, награжденного именным оружием Шицевалова, директора завода «Коммунар», начальника аптечного управления Черняка и других. Многие годы они были уважаемыми людьми и в один прекрасный месяц стали, как по команде, «врагами народа». Это была диверсия. Через некоторое время эта участь постигла городское и областное руководство (Лейбензон и Хатаевич). Мог ли знать все это один Сталин? Обращает на себя внимание и такой факт. Известно, что письма репрессированных, доходившие иногда до Сталина, Ворошилова, Буденного (минуя НКВД!), давали результаты: пусть редко, но дела пересматривались, решения отменялись, людей освобождали. Таких фактов мы знаем немного (в этом плане интересна история попытки репрессировать Шолохова и Лугового — не пробейся они к Сталину, погибли бы), но они показывают, как сложны и неоднозначны были события тех лет.

К судьбе многих военных приложил руку Мехлис. Об этом рассказывают очевидцы. Известно его влияние на Сталина. О необъективном, грубом, подозрительном отношении Мехлиса к себе свидетельствует генерал армии А. В. Горбатов в книге «Годы и войны». Тридцать месяцев он провел в тюрьме и на Колыме по клеветническим обвинениям. Характеристика Горбатовым личности Мехлиса помогает понять стиль политической жизни того времени, подходы к людям. Суровость, фанатичность, крайности во мнениях, неверие в хорошее в человеке многое объясняет.

Кроме того, орудовали агенты империализма, немецко-фашистские и японские разведчики. Это был настоящий заговор против СССР. Это тоже создавало напряженную атмосферу в обществе. Не говорю уже о внешней обстановке, когда каждый шорох за рубежом вызывал тревогу. Контрреволюция внутри страны, КВЖД, Халхин-Гол, польская кампания — единый фронт от Чемберлена до Троцкого. Не Сталин создал напряженную атмосферу в те годы, как это утверждают некоторые люди, спекулирующие на плохом знании советскими людьми своей отечественной истории. Она была создана жизнью. После революции, когда все сро-

ки падения Советской власти вышли, усилился натиск империализма на первое социалистическое государство и продолжался он до того, когда нам в огне 41—45-го годов пришлось доказывать свою жизнеспособность.

Вина за нездоровую обстановку того времени лежит отчасти и на местных властях и на низовых парторганизациях. Здесь нагнеталась атмосфера подозрительности, имел место упрощенный подход к фактам жизни, к людям, шедший, вероятно, еще от времен гражданской войны, когда вопросы разрешались нередко с помощью сабли и маузера, когда могли поставить к стенке за длинную бороду. Поводом для того, чтобы попасть в стан «врагов народа», могла быть оплошность на работе, «нечистая» биография, неудачная фраза. Допустил брак, выразил непонятную «подозрительную» мысль — «враг народа». Репрессировали за болтовню, чушь, каламбур, анекдот. И происходило это далеко от Москвы, от Сталина. И никаких указаний из центра на это не поступало.

Я читал «дело» своего отца и «дела» других «врагов народа» и не нашел в них ни указаний Сталина, ни распоряжений из Москвы («разнарядки» на «врагов» были на местах). Это была местная «самодеятельность». Мне известно, что таких фактов по стране было очень много. Беседы с людьми, которые выжили, с работниками карательных органов, письма, дневники, воспоминания — бесценные свидетельства всего этого. На местах действовали «сверхбдительные» и карьеристы, убиравшие соперников, конкурентов, талантливых людей или людей, просто превосходивших их какими-то своими качествами. Мало было на местах работников ленинской культуры и выучки.

Секретарь ЦК ВЛКСМ В. Ф. Пикина, будучи уже репрессированной, писала Сталину: «Враги народа, пробравшиеся в органы НКВД, приложили свою руку с целью перебить большевистские кадры и вызвать искусственное недовольство Советской властью. Карьеристы и перестраховщики проявили свою инициативу — одни для повышения в чинах, другие — для наживы себе политического капитала» («Комсомольская правда», 17 марта 1988 г.). Добавить к этому нечего.

Не все правильно продумывалось и наверху. Не всегда предвидели результаты решений, мероприятий. Лозунг об усилении бдительности, например, способствовал запуску адской машины доносов. Управлять ею практически было невозможно. Но, вполне понятно, что главным двигателем ее были враги, искусно дававшие ей энергию. Может быть, в других исторических условиях этого и не произошло бы. Зависело и от национально-исторических факторов. Нечто подобное нашему имело место в Китае. Китайцам пришлось «переболеть» своей «детской болезнью» — «культурной революцией».

Нет вины одного только Сталина. Есть вина и многих других. Вина лично Сталина в том, что он, ведя борьбу против врагов партии и народа, поручал вести ее лицам, которые зачастую сами к ним принадлежали и которые под видом проведения политики партии и выполнения указаний руководства осуществляли уничтожение лучших представителей страны.

Вина Сталина в том, что не было порядка в органах госбезопасности: после Менжинского трое наркомов осуществляли вредительство. Не все правильно делалось в обеспечении здоровой, нор-

мальной политической жизни общества. Но вина ли это только одной личности, пусть и первой? Все ли эта личность могла в тех условиях сделать? Кто знает, что сделал бы другой на ее месте? Не «вина» ли и нашей истории, подбросившей нам слишком трудные обстоятельства для созидания нового общества, первого в истории? Социализм рождался в нашей стране в неимоверных муках. Но он был выстрадан народом и он победил.

Г. Матвеец,
кандидат философских наук

«ВРЕДОНОСНЫЙ» ДЕД ЩУКАРЬ

Ныне никто из писателей, даже самых крупных и заслуженных, не может быть заслонен от критики, касающейся как художественной, так и идейно-политической стороны их творчества.

Однако эта критика, безусловно, должна быть добросовестной и честной, свободной от каких-либо передержек, искажений авторского текста, смысловых подтасовок и ложного толкования художественных образов и бытовых сцен, нарисованных в произведении. Особенно важно это, когда критик далее делает свой вывод о том влиянии, которое способно оказать данное произведение на формирование общественного сознания у массового, и, в частности, молодого читателя.

Исходя из сказанного, — мыслимо ли оставить без внимания и отпора грубо тенденциозную статью Льва Воскресенского, озаглавленную явно вызывающе: «Смешон ли дед Щукарь?» («Московские новости», № 22 от 9 августа 1987 года)?

В этой статье автор исказил роман М. Шолохова «Поднятая целина».

Цитирую Льва Воскресенского: обратите внимание, в каком развязном тоне он пишет:

«Называется: поручили козлу капусту стеречь.

Читатель знает, что через руки Щукаря, этого, если называть вещи своими именами, тунеядца, лентяя и неуважаемого сельского болтуна, «перешло» в прошлом две лошаденки. Одну он променял на корову. Другую, «будучи сильно навеселе», купил у проезжих цыган. На четырех страницах романа **со смаком** рассказано про то, как этот **пьяный разгильдяй** измывался (?!) над старой и слепой конягой, пока гнал ее домой, стыдясь показаться на хуторе днем, как несчастная лошадь заболела чесоткой (в этом сам Щукарь виновен, что ли? — **Н. С.**), облезла и пала, а Щукарь с дружком сапожником пропили ее кожу».

«Даже городскому жителю трудно без стыда и боли одолеть эти четыре страницы «смешного» текста (?! — **Н. С.**) — а каково крестьянину, имевшему дело с лошадью и знающему, что такое лошадь в хозяйстве?!»

Так, живописуя «ужасное» поведение Щукаря и лицемерно соболезнуя якобы возникающим «переживаниям» читателей, их «стыду и боли», Лев Воскресенский грубо искажает факты из текста М. Шолохова.

Ведь лошадь, купленная Щукарем у цыган, была очень старой, больной и слепой. Но цыгане придали животному «товарный вид». Это вначале обмануло деда Щукаря. Неудивительно, что

Щукарь, явно оскандалившийся в своем выборе, стыдился уже начавшихся насмешек над ним и возвратился домой, только когда уже стемнело, ночью.

И даже слова Льва Вознесенского о том, что якобы «поручили козлу капусту стеречь», совершенно не соответствуют рассказанному Шолоховым, который пишет: «...стал дед Щукарь кучером и конюхом одновременно. И надо сказать, что несложные обязанности свои выполнял он неплохо».

В тенденциозной статье Л. Воскресенского особенно интересно то, что он пытается предостеречь молодежь от серьезного восприятия шолоховского романа. При этом он, для начала, вроде бы оговаривается:

«Разумеется, роман не учит подражать Щукарю. Он приглашает всего-навсего посмеяться. Ну-ну, смеемся...»

Нельзя не почувствовать, что тон критика приобретает ядовито-осуждающий оттенок. И тут же он, уже без всяких экивоков, напрямую пытается «доказать» вредоносность «Поднятой целины», выстраивая вот такой «социальный прогноз»:

«1995 год. А если сельские мальчики и девочки, наши будущие кормильцы вспомнят вдруг, споткнувшись на трудностях сельской работы и испугавшись мозолей, без которых крестьянину не обойтись, книжный урок школьной юности? Что, если они увидят кое-какой смысл в словах весельчака Щукаря? Очень простой смысл: проболтался на производстве положенные часы — и в кассу. Так оно и проще и легче. И веселее. Будет ли нам смешно?»

Итак, по Л. Воскресенскому, — «Поднятая целина» — этот подлинный гимн труду колхозников — может развратить сельскую молодежь?!

По поводу таких извращений фактов и обстоятельств в народе говорят: ври, да знай меру.

Н. Синельников

ПЛЮРАЛИЗМ И СЛОВЕСНАЯ ЭКВИЛИБРИСТИКА

Обращение в молодежный журнал людей старшего поколения, участников Великой Отечественной войны, может показаться несколько необычным, но все же мы пишем вам с надеждой, что найдем правильное понимание причин, побудивших нас сделать это.

После более чем двухлетних мытарств, а иначе этого не назовешь, по редакциям различных газет наше письмо «Немного о гласности» наконец-то, при поддержке сверху, опубликовано в шестой книжке журнала «Знамя» за этот год. Опубликовано в этом журнале, признаться, без особого желания с нашей стороны, да, видимо, и без энтузиазма главного редактора журнала писателя Г. Я. Бакланова, поскольку основной заряд критики нашего письма направлен в его адрес. Но так, по ряду обстоятельств, предшествующих публикации, получилось. Началась эта, не знаем, рядовая ли история, с появления в «Литературной газете» (№ 12 за 1986 год) открытого письма Г. Я. Бакланова литератору Л. А. Аннинскому «Становится нормой?», в котором автор допустил грубые искажения исторической правды о роли и

действиях контрбатарейной артиллерии Ленинградского фронта в период блокады Ленинграда. Не пробыв ни одного дня на этом фронте, не зная по собственному опыту его специфики, не изучив по историческим источникам этого вопроса, Г. Я. Бакланов в нравоучительном тоне взялся поучать Л. А. Аннинского в связи с его статьей «Штрихи к блокадному пейзажу» («ЛГ» № 4 за 1986 г.), а вместе с ним и читателей газеты, о действиях контрбатарейщиков фронта, дойдя в своей трактовке событий того трагического времени до отрицания проявлений героизма и самопожертвования артиллеристами-контрбатарейщиками фронта и бестактных порой высказываний в адрес командующего фронтом и других командиров-артиллеристов.

Возмутившись такой оценкой наших фронтовых побратимов, один из пишущих эти строки 4 апреля 1986 года написал в «Литературную газету» обращение с просьбой опубликовать открытое письмо Г. Я. Бакланову. Открытое письмо опубликовано не было, но в ответ было получено письмо Г. Я. Бакланова, написанное в некорректной форме, без доказательных аргументов в защиту своей позиции. Обращение в Союз писателей СССР также ничего не дало. В ответ сообщали, что наша «...точка зрения заслуживает внимания и уважения — точно так же, как и точка зрения Г. Я. Бакланова», и был сделан намек на напрасность наших усилий в поисках правды.

Несколько раньше, на встрече ветеранов-артиллеристов в Ленинграде 9 мая 1986 года, статья Г. Я. Бакланова «Становится нормой?» горячо обсуждалась участниками встречи 14-го гвардейского Красносельского Краснознаменного артиллерийского полка, где в адрес Г. Я. Бакланова было высказано много критических замечаний. Авторам этого письма, поскольку мы проживаем в Москве, советом ветеранов полка было поручено продолжить работу по восстановлению правды о контрбатарейщиках фронта. Не имея особого желания, да и времени, для дальнейшей бесплодной переписки, 1 октября 1986 года мы попросили приема у руководства «Литературной газеты», наивно полагая решить проблемы любым, удобным для редакции путем. Во время этой встречи мы пришли к общему выводу, что в открытом письме Г. Я. Бакланова действительно допущены ошибки. Было согласовано, что в течение нескольких дней наши доводы будут доложены на заседании редколлегии и она определит форму для исправления ошибок. Но 23 октября 1986 года мы получили из редакции ответ, в котором сообщалось, что «...редколлегия не нашла достаточных оснований для...» публикации нашего письма.

В общем и целом мы обращались в редакции четырех газет, но как только речь заходила о критике выступления Г. Бакланова, редакции так или иначе уклонялись от публикации нашего письма. Вот характерный пример. В «Строительной газете» к Дню Победы, то есть 7 мая 1987 года, должна была публиковаться наша статья о подвигах контрбатарейщиков Ленинграда. 6 мая одного из нас пригласили в редакцию для подписания гранок. Но в статье везде была изъята фамилия Г. Я. Бакланова. Гранки, естественно, подписаны не были, и статья была снята.

На протяжении более чем двух лет «хождения по мукам» в поисках правды мы часто задавались вопросом, неужели руководители средств массовой информации не отдают себе отчет в том, что если мы будем умышленно или неумышленно искажать

отдельные факты истории, подрывая в ряде случаев престиж Вооруженных Сил или принижая уважение к памяти павших в жестоких битвах Великой Отечественной войны, то понесем непредсказуемые издержки в патриотическом воспитании нашей молодежи? А симптомы этого, судя по сообщениям печати, уже есть. Задумывались и над тем — какие силы так заботливо оберегают Г. Я. Бакланова от справедливой критики в период широкой гласности и при запрете на «закрытые зоны» для критики? И, наконец, кто при такой направленности публикаций в отдельных газетах и журналах может гарантировать, что через какое-то время не начнут развенчивать героизм и самопожертвование наших сынов и внуков, воевавших в Афганистане, павших там или получивших увечья?

Наше поколение постепенно уходит из жизни, и все наши помыслы направлены на то, чтобы молодежь узнала настоящую правду о жизни и делах своих отцов и дедов, правильно поняла уроки жизни, полученные уходящим поколением в суровой борьбе за свободу и независимость единственной для нас Родины.

Однако с опубликованием нашего письма в журнале «Знамя» вопросы, по которым мы вот уже более двух лет полемизируем с Г. Я. Баклановым, никоим образом не прояснились.

Опубликовав в том же номере журнала ответ на наше письмо, Г. Я. Бакланов при помощи не совсем добросовестных приемов постарался увести читателя от наших с ним разногласий во взглядах на сущность роли и действий контрбатарейщиков Ленинградского фронта, полностью игнорируя нашу доказательную аргументацию, посвятил большую часть ответа своей полемике с Л. А. Аннинским, не имеющей никакого отношения к нашей с ним полемике.

Только вопрос об исполнении Седьмой симфонии Д. Шостаковича 9 августа 1942 года в Большом зале Ленинградской филармонии под канонаду контрбатарейщиков фронта требует пояснения.

Уже не первый раз Г. Я. Бакланов настаивает на том, что на огневое прикрытие Ленинграда в день исполнения симфонии обязательно должен был быть приказ командующего фронтом.

Почему? В таком приказе не было никакой необходимости. Разработкой и организацией операций такого масштаба занимались штабы артиллерии армий или фронта. Их компетенции для подобного рода артиллерийских операций было вполне достаточно. Так было и в этом случае, что подтверждается генералом Н. Н. Ждановым в 5-м томе «Истории второй мировой войны 1939—1945 гг.» (стр. 233).

Г. Я. Бакланов также хочет исказить нашу точку зрения на характер контрбатарейной борьбы под Ленинградом, когда пишет: «И все-таки, простите уж меня, товарищи бывшие командиры батарей, основная задача артиллерии не в том, чтобы превращать себя в цель, на которую противник расходует «основную часть боезапаса», не в том, чтобы покорно сидеть под снарядами, а в том, если речь о контрбатарейной борьбе, чтобы уничтожать своим огнем и подавлять батареи противника. И делать это с наименьшими для себя потерями. Иначе бы города не отстояли».

Носила ли активная работа контрбатарейщиков в этот день случайный характер или была заранее спланированной вышестоящими штабами операцией, можно сделать вывод из свидетельства бывшего начальника штаба 47-го корпусного артиллерийского полка полковника в отставке В. П. Гордеева («Огневой меч Ленинграда». Сборник воспоминаний артиллеристов. Лениздат. 1977 г.):

«В конце июня 1942 года командир полка гвардии полковник Н. П. Витте получил задачу от командующего артиллерией армии провести подготовку к мощному артиллерийскому налету по батареям и уязвимым пунктам противника, чтобы исключить возможность обстрела города вражеской артиллерией. Короче говоря, в указанное время ни один вражеский снаряд не должен был разорваться на улицах Ленинграда. Началась подготовка к операции под кодовым названием «Шквал», которая предусматривала огневой налет по всем батареям противника в Сосновой Поляне, в поселках Ленина и Володарском, по узлам связи, пунктам управления и наблюдательным пунктам... В начале августа мы получили из штаба армии таблицу огня. Нашему полку было приказано вести огонь по артиллерийским батареям противника в поселках Сосновая Поляна, Ленина и Володарском, а также по штабу и узлу связи в последнем поселке. И вот наступил день 9 августа 1942 года. Судя по результатам артиллерийского удара, мы с поставленной задачей справились успешно. Позднее об этом дне с восхищением заговорил весь мир. Именно тогда в Большом зале Ленинградской филармонии исполнялась Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича. Не только во время концерта, но в течение всего дня ни один вражеский снаряд не разорвался на ленинградских площадях, улицах и проспектах».

Непонятно, зачем Г. Я. Бакланову понадобилось заниматься словесной эквилибристикой. Ведь тремя страницами раньше в нашем письме говорится: «Контрбатарейная борьба под Ленинградом приняла характер ожесточенного огневого противоборства. Вопрос стоял так: «Кто кого?» В этом противоборстве контрбатарейщики фронта выстояли. Они выполнили свою главную задачу — спасти Ленинград от разрушения, а ленинградцев от уничтожения». Нам кажется, просто нетактично ставить под сомнение знание бывшими командирами батарей задач контрбатарейной борьбы, а ирония в этом случае просто неуместна. Тем более ссылки Г. Я. Бакланова, и неоднократные, на статью из 4-го тома Советской военной энциклопедии говорят об очень ограниченной информированности нашего оппонента, хотя в прошлом и командира взвода артиллерии, чтобы делать такие безапелляционные заявления.

Не мешало бы Г. Я. Бакланову ознакомиться и с трудами общевойсковых и артиллерийских авторитетов, таких, как маршалы Советского Союза А. М. Василевский и Л. А. Говоров, маршалы артиллерии Г. Ф. Одинцов и Г. Е. Передельский, генерал-полковники артиллерии В. С. Коробченко и Н. Н. Жданов, и многих, многих других, писавших о контрбатарейщиках Ленинградского фронта.

Говорит Г. Я. Бакланов в своем ответе и о повышении читательского спроса на отдельные произведения, о росте тиражей журналов, публикующих эти произведения. Нам думается, что

читательский спрос на эти произведения — это еще не оценка их содержания и художественных достоинств, а — будем честными перед собой — скорее показатель сенсационности тем и рекламной шумихи, поднятой вокруг этих произведений некоторыми газетами и журналами.

Заканчивает Г. Я. Бакланов свой ответ тем же, с чего и начал, с намеков, чему мы призываем «поставить надежный заслон». Отвечаем: «Прежде всего некомпетентным авторам, берущимся за темы, в которых они слабо разбираются и допускают в своих материалах грубые ошибки, могущие дезориентировать широкого читателя, недостаточно осведомленного в специальных вопросах».

Чтобы спокойно прокомментировать последние три фразы ответа, приходится просто зажать свои эмоции, дабы не перейти рамки дозволенного в печатной полемике.

Г. Я. Бакланов со свойственной ему самоуверенностью пишет (ведь он умеет читать и между строк и отгадывать чужие мысли): «События Великой Отечественной войны, контрбатарейщики Ленинграда — это все «в том числе», это лишь повод. А основное желание, если брать Ваше письмо целиком, и мысль главная, и страсть — «пора поставить надежный заслон». Какое знакомое словосочетание, какая давняя знакомая интонация». Весьма прозрачным намеком, но ярлык наклеен. Но это же просто неприлично!

Видимо, приклеивание ярлыков — излюбленный прием Г. Я. Бакланова в полемике.

Даже с высокой трибуны XIX партийной конференции он посчитал возможным прибегнуть к этому осужденному партией способу унижения достоинства личности посредством приклеивания оскорбительных ярлыков в отношении одного из наших крупнейших писателей Ю. В. Бондарева.

Е. Жбанов в судебном очерке «Опровержение» («Известия», № 169 за 1988 г.) в сходной ситуации очень образно сказал: «Но, как известно, только мужество исправляет допущенные ошибки (с тем, чтобы впредь не допускать их), амбициозное малодушие на ошибках настаивает». Лучше не скажешь.

Если поверить Г. Я. Бакланову, то все, что осталось святого у участников Великой Отечественной войны, — все это «в том числе». Звучит просто оскорбительно. Выходит, что и могилы наших однополчан на Южном воинском кладбище у станции метро «Автово» в Ленинграде и в других памятных для нас местах под Ленинградом, куда мы приезжаем в День Победы ежегодно, и встречи с родными и близкими погибших, и митинги с участием молодежи у мест захоронения павших героев, это все для нас «в том числе», это лишь повод. Нет, это не повод, а веление душ, неукротимое желание человеческой сопричастности с чужой бедой, с чужим горем, ставшее для нас вот уже более сорока пяти лет потребностью. Павшие герои-контрбатарейщики для нас не абстрактные символы, а конкретные люди, у которых так рано оборвалась жизнь. Это и Герой Советского Союза наводчик А. Г. Корзун, и командир орудия М. А. Оганисян, и номера его расчета Н. И. Степанов, Н. О. Майлян, А. И. Глюз, М. О. Гужавин, М. Г. Гончаров, А. Л. Омельницкий, М. В. Долгособуров, А. В. Андреев, В. П. Груничев и сотни других павших

в боях за Родину, героизм и самопожертвование которых может отрицать только тот, кто не испытал в достатке военного лиха.

Н. И. Кузнецов,
бывший командир батареи 14-го гвардейского Красносельского Краснознаменного артиллерийского полка.
Б. М. Лобань,
бывший командир батареи 38-й гаубичной артиллерийской Ленинградской ордена Кутузова бригады.

ОСТОРОЖНЕЕ С ДОГМАМИ!

Продолжается ажиотаж вокруг романа А. Рыбакова «Дети Арбата». По своим литературно-художественным качествам это типичное «маловысокохудожественное» произведение, употребляя выражение М. Зощенко. В романе и намека нет на психологические портреты героев, зато отдается известная дань обывательщине.

В нем фактически отождествляются два понятия. Речь идет, с одной стороны, о культе личности Сталина, а с другой — о сталинизме. Как и все советские люди, мы решительно осуждаем культ Сталина и связанные с ним массовые репрессии в отношении многих тысяч невиновных советских людей. Этого нельзя простить Сталину и его ближайшему окружению, в том числе Хрущеву. Но что касается сталинизма, то этого явления в нашей стране не существовало. М. С. Горбачев еще в 1986 г. в беседе с сотрудниками «Юманите» подчеркнул, что сталинизм — это понятие, придуманное для очернения СССР и социализма в целом.

Термин «сталинизм» означает, что как образ Сталина, так и история страны в тот период, когда он находился у руководства, характеризуется лишь с отрицательной стороны. Разоблачители сталинизма не видят у Сталина никаких положительных черт, им не дороги его заслуги в строительстве социализма. Героическая история нашей страны предстает в кривом зеркале.

Правда, сам Рыбаков формально не упоминает термин «сталинизм». Но фактически он исходит из этого, а такие авторы, как Нуйкин в «Новом мире», Максимов и Бурлацкий в «Литературной газете», Афанасьев в «Советской культуре», считают себя полностью свободными в этом вопросе. Против этого справедливо выступал Д. Волкогонов («Проблемы мира и социализма», 1988, № 3).

Партийная, глубоко драматическая оценка Сталина дана в докладе М. С. Горбачева 2 ноября 1987 года: «Мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки и произвол, допущенный им и его окружением...» Эти слова сделали «Детей Арбата», а также «Дальше... дальше... дальше» Шатрова анахронизмом. Оценка М. С. Горбачева созвучна с известным постановлением ЦК КПСС 1956 года о преодолении культа личности.

Разумеется, и Рыбаков и Шатров могут возразить и заявить о праве писателя на художественный вымысел. Но писатель не имеет права извращать мысли исторических деятелей и приписы-

вать им поступки, полностью противоречащие исторической правде. А Рыбаков и Шатров поступают так.

В кратких заметках невозможно остановиться на всех инсинуациях Рыбакова в отношении Сталина. Но необходимо подчеркнуть, что Рыбаков приписывает Сталину только негативное, презрительное отношение ко всем своим соратникам, кто вместе с ним руководил строительством социализма.

Рыбаков приписал Сталину резко отрицательные отзывы о Кирове, прозрачно присоединился к версии Хрущева, что убийство Кирова организовано Сталиным. Никаких документов Рыбаков здесь предъявить не может. Видимо, он понятия не имеет о новейших исторических исследованиях, посвященных истории Ленинградской парторганизации. Там нет и следа версии Хрущева — история убийства Кирова излагается в соответствии с исторической правдой.

Рыбаков утверждает, что Сталин неприязненно относился к Рудзутаку только потому, что Ленин намечал его на пост генсека вместо Сталина. В печати уже критиковалась эта «версия», абсолютно не соответствующая действительности. Другую подобную «версию» выдвинула Е. Драбкина («Новый мир», 1987, № 11). Она утверждает, что такой кандидатурой вместо Сталина Ленин выдвигал Фрунзе. Но ведь Ленин не выдвигал вместо Сталина никаких других фигур, а лишь предлагал обдумать, кем заменить Сталина.

Рыбаков приписывает Сталину неприязненное отношение к Куйбышеву и Дзержинскому. На самом деле Сталин очень ценил и любил этих людей. Он, в частности, защищал Куйбышева от нападок со стороны Томского.

Рыбаков невероятно раздувает негативную сторону деятельности Сталина и совершенно замалчивает позитивную. Но ему никуда не уйти от непреложного исторического факта, что в 20—30-е годы мы совершили гигантский скачок от разрушенной страны к развитой индустриальной державе. Всем созидательным трудом народа руководила партия, а во главе ее почти тридцать лет находился Сталин.

А. Залкинд,
доктор экономических наук,
ветеран Великой Отечественной войны

«БОЛЬНЫЕ» ФАНТАЗИИ

С удивлением прочла в журнале «Знамя» № 2 за 1988 год призыв члена редколлегии и поэта Ю. Друниной не оставить «без отмщения» статью С. Куняева «Ради жизни на земле» и выполняющую эту задачу статью Л. Лазарева «А их повыбило железом».

Статья Куняева мне показалась интересной, написанной в доброжелательном тоне, — раздумья Куняева над тем, как каждый по-своему переосмысливает и отражает войну, показали мне поэтов военных лет по-новому.

Прочитав статью Лазарева, я была крайне удивлена. Впечатление такое, что автор не скрывает своего раздражения, если не

сказать больше, по отношению к Куняеву и в статье своей сводит какие-то личные счеты.

Я перечитала статью Куняева еще раз с пристрастием и пришла к выводу, что нужно иметь заранее поставленную цель, чтобы так «переосмыслить» то, о чем пишет Куняев. Как можно прочесть, что Кульчицкий «равнодушен» к Родине, что Куняев осуждает оставшихся в живых поэтов за то, что они выжили, что патриотизм Когана ущербен, если вообще не сомнителен? Нужно иметь просто больную фантазию, чтобы так «домысливать».

Вообще вся статья Л. Лазарева написана в недопустимом тоне. Сначала Лазарев говорит о безобразном факте стрельбы хулиганами по обелиску, потом совершенно бездоказательно утверждает, что военные поэты Куняеву не нравятся, потом перечисляет свои домыслы (так очень хорошие строки о Симонове Лазарев почему-то называет «снисходительным одобрением»), а в заключение пишет, что мальчики стреляли по обелиску, не ведая, что творят, а вот о Куняеве этого сказать нельзя!

Мне хочется привести две цитаты из статьи Лазарева, обращенные к Куняеву, и переадресовать их самому Лазареву:

«Если фактов нет, они непостижимым образом создаются из ничего» и «Хочу предупредить читателя, что на веру нельзя принимать в этой статье ни одной цитаты».

Перечитала и несколько статей Лазарева в журналах «Новый мир», «Октябрь», в том числе и статью «Война, пережитая не однажды», где он тоже переосмысливает отображение войны и пишет о себе так: «Тогда, в годы войны, мне было 14—17 лет и ...все окрашивалось... юношеским легкомыслием по отношению к своим и чужим бедам». Было бы смешно на основе этих слов начать критическую кампанию против Лазарева.

Очень хорошо о приемах написания статей, подобной статье Л. Лазарева, сказал С. Аверинцев в статье «Правила чести» в «Литературной газете»:

«Критика может и должна быть эмоциональной (но не скандальной), но она должна быть и доказательной». Этого не скажешь о статье Л. Лазарева.

Э. Иванова,
инженер

ПОЛУПРАВДА ИЛИ ПОЛУЛОЖЬ?

Как историк, я понимаю необходимость воспитания правдой. Но только правдой во всей ее совокупности.

На моей памяти (первый в моей жизни учебник по истории СССР я открыл в 1963 году) наука, которой я когда-то надумал посвятить жизнь, переделывается уже в третий раз.

Но прежде, когда история создавалась и «пересоздавалась», неизменным оставалось ее основное назначение: воспитание советского человека на уроках героического прошлого народа, в духе верности социализму и любви к Родине.

Ныне же героическое прошлое, как выяснил я из слов Роя Медведева («Комсомольская правда», 25 августа 1988 г.), отнюдь не годится для того, чтоб на нем воспитывать.

Рой Медведев, преподнося сие откровение молодому читателю, действует безошибочно, поскольку знает: о «школе Покровского», первой в отечественной историографии провозгласившей курс на оплевывание прошлого, нынешний юноша и нынешняя девушка (разумеется, претендующие на интеллигентность) слышали в лучшем случае только то, что она называлась вроде марксистской, а сам Покровский был затравлен и загублен культом личности. О том, что Покровский спокойно умер в своей постели, ей не говорят, а его идеи сегодня выдает за свои Рой Медведев.

Итак, вредно и бессмысленно воспитывать советскую молодежь на примерах героического прошлого. Рой Медведев последние два слова украсил даже кавычками. Понимать, естественно надо так, что советский народ героического прошлого не имеет.

В «Литературной газете» от 24.8.88 читаю я пространную статью неизвестного доселе мне писателя В. Сапожникова, в финале своего труда мечтающего услышать мужественный и благородный голос страдальца Тимошки Рваного из романа Шолохова «Поднятая целина», а до того сообщающего кошмарные факты о коллективизации. Непонятно одно: в какой связи находятся приведенные Сапожниковым кошмарные сведения с поведением Тимофея Рваного, жестоко убившего не ужасного сталиниста Давыдова, а бедолаг Хопровых? Если Сапожников делает кулацкого сынка Тимофея Рваного борцом против культа, то, боюсь, скомпрометирует писатель саму идею борьбы с культом. Боюсь, надорвались наши «прорабы перестройки», коли Сапожников уже присоединяет к их хору голос Тимошки Рваного...

Итак, Рой Медведев требует не воспитывать молодежь на героическом прошлом народа, а Сапожников предлагает в качестве идеала Тимошку Рваного. Перестройка, мол, так перестройка. Теперь, мол, на героическом поступке Тимошки (разорвать женщине рот, потом — топором по черепу), и таких, как этот Тимошка, и надо людей воспитывать. Правда, чем хуже бериевские следователи? Они тоже умели мордовать и уничтожать людей, а действовали к тому же от имени социализма. Но, пригвождая к позорному столбу одних, готовим им, я вижу, вполне достойную замену. У картежников это называется, кажется: «когда ходить не с чего — так ходите с пик»...

26 августа вполуха слушал радиопередачу. Внимательнее меня заставила прислушаться фраза о том, что это очень плохо — посты пионерской славы у Вечного огня. Тут и душераздирающая подробность: девочки-пионерки так серьезно маршируют с автоматами, что иностранцам, дескать, страшновато даже возлагать цветы к Вечному огню... И я подумал — иностранцы нередко и к Мавзолею возлагают венки. Что ж — уберем со священного поста и роту Почетного караула, чтоб не травмировать нервных и пугливых иностранцев? Ведь это вам не девчонки какие-то, а настоящие солдаты. И еще подумал — а как быть со стихами Маяковского: «Возьмем винтовки новые»? Впрочем, тут же успокоился я, ничего страшного — в этой радиоредакции, как в «Литературной газете», в «Огоньке» и в других любимых изданиях «прорабов перестройки», разберутся с этими стихами, как уже, по-моему, разобрались с «Песней о Родине» Лебедева-Кумача, как некто В. Сапожников разобрался с «Поднятой целиной» великого Шолохова. Мучает меня только один вопрос: когда же будет опубликован полный список книг, подлежащих сперва раз-

венчанию, а потом, естественно, уничтожению? Уже сейчас можно догадываться, что к таковым надо в первую очередь отнести патриотические произведения Фурманова, Серафимовича, Фадеева, А. Толстого, Новикова-Прибоя, да и книги разных там нынешних сочинителей — Бондарева, Проскурина, Маркова, М. Алексеева, Стаднюка, В. Белова, Распутина, Астафьева... Ну, кого еще? Да Горького, например, чего с ним цацкаться! О революционной романтике что-то сочинял, о всяких буревестниках. Или вот книжки Н. Гоголя. Мало что классик, а как в «Тарасе Бульбе» геройство казаков расписывал...

И слушая радиопередачи, читая статьи, подобные «воспитательному» опусу В. Сапожникова, думаю я с грустью — потому-то многие уже и не удивляются, что бывший партизан Великой Отечественной войны Алесь Адамович призывает в случае ядерного нападения на нашу страну воздержаться от ответного удара. Потому-то и не возмущаются, что человек с мировой известностью академик Д. С. Лихачев декларирует идею всеобщего народного покаяния. Двести восемьдесят миллионов покаянников! Приют кающейся Магдалины меж трех великих океанов...

Да не позабыли ли мы, где берет начало вся эта линия — на оплевывание, развенчание героического прошлого нашей Родины, кто хотел бы, чтобы мы добровольно отдали врагу «дом, отчизну, жену и мать»?

В 1938 году были по достоинству оценены деяния людей, взорвавших священные памятники на Бородинском поле. Недавно «Аргументы и факты» напомнили нам об этом. Ныне, слава богу, у нас другое время, крови никто не жаждет. Но какую все же гражданственно-политическую оценку дать Рою Медведеву, литератору В. Сапожникову, некоторым изданиям типа «Огонька» и всем другим, кто сознательно перечеркивает и уничтожает героические свершения нашего народа?

А. Берлизов

г. Краснодар

НАВЕТ

Странная у нас сейчас складывается ситуация в литературной критике. В удивление и растерянность, в краску стыда за наших старших коллег по критическому цеху вводят нас, молодых, верящих в святые традиции В. Белинского и А. Григорьева, Н. Чернышевского и Н. Страхова, иные лихие публикации, в которых — вместо того, чтобы анализировать идейные и художественные достоинства создаваемых писателями произведений, размышлять о том, насколько правдиво отражают эти произведения жизнь общества и дела «перестройки», то есть вместо того, чтобы выполнять исконную задачу русской критики, — не просматривается ничего, кроме попыток свести старые счеты. Обелить себя и пнуть коллегу.

Идут в ход различные «воспоминания». Алексей Аджубей, когда-то всесильный фаворит в прессе, зять Н. С. Хрущева, давно не печатавшийся, снова выплыл на поверхность и активно включился в литературную борьбу — в основном со своими «вздохами» по собственному звездному часу. Что же! Каждому свое. У журналистов, как у спортсменов, тоже бывает свой «пик фор-

мы». Кто может упрекнуть журналиста за то, что он пытается вспомнить время, когда он был в форме? Но вспоминать-то надо не полуправду! И каяться честно.

В размышлениях «Те десять лет» («Знамя», № 6—7, 1988) Алексей Аджубей под сплошные восторги критикессы Татьяны Ивановой («Огонек», № 34, 1988) вспоминает, как написал передовицу в «Комсомольской правде» по «делу врачей», и изображает это чуть ли не как свой либеральный подвиг — мол, он старался написать «помягче». Как будто есть градации «мягче» и «тверже», «добрее» и «злее» у клеветы и провокации против одной из национальностей (еврейской) нашего многонационального советского народа. «Забыл» бывший редактор «Известий» и то, как «долбали» тогда «Известия» А. Твардовского, И. Эренбурга, А. Солженицына, М. Хуциева. Как же об этом теперь вспомнить прославляемому Т. Ивановой «либералу»?

А то, как специально был введен раздел «журналистика» в статут Ленинских премий, чтобы дать Ленинскую премию за сборник дешевеньких репортажей «Лицом к лицу с Америкой»? Целый сонм редакторов-функционеров получил тогда скопом Ленинскую премию во главе с Алексеем Аджубеем. Вся страна ахнула перед такой беззастенчивостью «нового Распутина». И вспомним: именно эта позорная акция стала началом прямых спекуляций Ленинскими и Государственными премиями в брежневские времена. Вспомним, кто дорожку-то проложил! Однако ни словом не обмолвился об этом своем позорном «деле», не покаялся в двух длинных статьях на страницах «Знамени», упиваясь своим фальшивым либерализмом, Алексей Аджубей.

Равно забыл Аджубей и о том, что именно Аджубей и К⁰ создали в стране нечто вроде «теневого кабинета», который начал влиять на правительственные решения, попирая закон и вмешиваясь даже в работу Министерства иностранных дел. «Фаворитизм» дискредитировал Н. С. Хрущева в глазах страны и был той последней каплей, переполнившей чашу терпения народа, которая лишила Н. С. Хрущева поддержки интеллигенции и предопределила его падение.

Алексей Аджубей ухитрился на страницах «Знамени» написать обо всех «грехах» Н. С. Хрущева, но только не об этом главном хрущевском позоре — не о собственном аджубеевском вкладе в компрометацию замечательного партийного лидера.

У Юрия Буртина по сравнению с Алексеем Аджубеем масштабы деятельности, конечно, были помельче. Но он тоже «вспоминает». «Возможность возразить» — так названа его книжечка, выпущенная в серии «Библиотека «Огонька» (№ 24, 1988). Юрий Буртин — критик мало известный. По окончании филологического факультета ЛГУ восемь лет скромно учительствовал в Костромской области, потом на три года наступил его звездный час — взяли редактором раздела «Политика и наука» в «Новый мир» (1967—1970 гг.); потом долго опять не было его не слышно, не видно. Вплоть до наших дней, когда он тоже, как А. Аджубей, бурно включился в перестройку, начал тоже вспоминать. И тоже — сплошь и рядом сея полуправду, грубые «недомолвки», фальсифицируя реальную картину 60-х годов.

В центре книжечки Юрия Буртина его «война» с писателем-деревенщиком Михаилом Алексеевым. Дело в том, что это он, Юрий Буртин, написал погромную статью-навет на Михаила

Алексеева («Новый мир», 1965, № 1) и был затем одним из вдохновителей позорной кампании против «мужиковствующих» писателей, приведшей в 1969 году к падению престижа «Нового мира» в глазах интеллигенции и закату журнала. Обо всем этом Юрий Буртин с упоением и обилием самых частных подробностей вспоминает в своей книжечке. Вплоть до того, какие он жалобы на Алексеева в инстанции и газеты писал и какие ответы получил. Не постеснялся даже собственные черновики воспроизвести по датам. Всю свою кухню перед читателями выворотил — любуйтесь, какой я... склочник, извините, борец.

Кому-то сейчас, возможно, покажется, что, посвятив практически всю свою брошюру «Возможность возразить» полемике с молодым Михаилом Алексеевым времени 60-х годов, Юрий Буртин «тянет одеяло на себя». Придает собственной фигуре несколько больше значения, чем она имела. Это абсолютно справедливо. Но согласимся и с некоторыми его доводами о важности той «акции», которую ему довелось тогда осуществлять.

Дело в том, что Ю. Буртин начал свою борьбу с «мужиковствующим» Алексеевым в тот момент, когда вся страна с тревогой смотрела на начатый функционерами-бюрократами новый «хрущевский» этап «раскрестьянивания» крестьянства. Процесс этот усилился в первые годы брежневского правления. И как раз в эти годы «Новый мир» в лице своего раздела «Политика и наука» был повернут против «почвенников». Одного за другим публицистика и критика «Нового мира» начала «отстреливать» писателей-деревенщиков.

Что же касается выступления Ю. Буртина против писателя-деревенщика Михаила Алексеева, то оно станет понятным по смыслу, если вспомнить, что М. Алексеев был тогда автором, который пытался сказать правду о «раскрестьянивании». Не буду давать оценку творчеству молодого Михаила Алексеева сама. Но вот что совсем недавно писала в статье «Коллективизация: как это было?» газета «Правда». Ее авторы объясняют: «Да, голод в зерновых районах страны, разразившийся в те годы, был одной из запретных тем, не только в период культа личности. Правда, **из произведений Михаила Алексеева** и Ивана Стаднюка **советский читатель в начале 60-х годов узнал о вымирании от голода деревень в Поволжье** и на Украине... Первые же результаты конкретно-исторического анализа показали, что голод, унесший столько жизней, был самым страшным преступлением Сталина и его окружения» (16 сент. 1988. Выделено мной. — Е. М.).

Писатели-деревенщики начали в начале 60-х годов писать правду о «раскрестьянивании», а «новомирцы», в числе которых выделялся Юрий Буртин, вольно или невольно выполняя задание «функционеров» по зажиму гласности, начали громить писателей-деревенщиков. О клеветнической статье А. Г. Дементьева «О традициях и народности» («Новый мир», № 4, 1969) против «Молодой гвардии» и деревенщиков пресса уже много писала. Но както забывается за полемикой вокруг этой статьи, где на вооружение автором был взят троцкистский термин «мужиковствующие», еще и редакционный материал в журнале «Новый мир» (№ 7, 1969), где самые грязные ярлыки навешивались на одиннадцать писателей, пытавшихся сказать правду о разорении деревни. Навешивались уже не от имени Ю. Буртина или А. Г. Дементьева, а от имени всей редакции того «Нового мира».

Теперь в брошюре «Возможность возразить» Юрий Буртин пытается ту травлю, которую он как редактор раздела «Наука и политика» благословлял в «Новом мире», развязал против писателей-деревенщиков, представить чуть ли не спасением демократии. Только от кого спасением? От русского крестьянства, руку к разорению которого приложил Ю. Буртин, травя в начале 60-х годов писателей-деревенщиков?!

А. И. Солженицына никак не назовешь в числе недоброжелателей «Нового мира», но даже этот писатель вспоминает, как ходил к А. Т. Твардовскому и выражал ему свое возмущение акцией критики «Нового мира» против тогдашней «мужиковствовавшей» «Молодой гвардии». Против одиннадцати деревенщиков... Или что? А. Солженицына Юрий Буртин теперь тоже отнесет к плохим писателям, как относит он М. Алексеева? А как же, Юрий Буртин, Ваш хваленый новомирский «нонконформизм» и «либерализм»? Плохой пример показываете Вы нам, молодым критикам. Пример конъюнктурщины и бессовестности. Где же Ваше покаяние?

Екатерина Маркова,
участница VI общемосковского совещания
молодых литераторов

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

«ПЕРЕБИРАЯ ЛЕТОПИСЬ ВРЕМЕН...»

Личность и история, судьбы человеческие и революция... Непреходящая, традиционная тема советской поэзии. Но как часто она становилась дежурной! Это обстоятельство создает при каждом новом подходе к ней необходимость преодолевать массу застывших приемов, отработанных литературных клише, проводить своеобразную расчистку «рабочего места».

Новая работа ленинградского поэта и драматурга Г. Трифонова — поэма «Завещание коммунара», вышедшая недавно отдельным изданием, — традиционна в лучшем смысле слова. Автор вступает в область, где действует время, история, революция, не впадая при этом ни в ложный пафос, ни в звонкую риторику.

Сюжет поэмы имеет документальную основу, в ней живут и действуют реальные исторические лица: Эжен Потье, Поль и Лаура Лафарг, Владимир Ильич Ленин. Читатель нередко исходит из представления, что подлинное историческое событие, подлинный факт говорят сами за себя, избавляя писателя от особых творческих усилий. Но факт должен заговорить на языке художественного вымысла и, может быть, даже раствориться в нем. А это непросто.

Замысел поэмы родился при встрече с исторической реликвией — томиком стихов Эжена Потье из кремлевской библиотеки В. И. Ленина. Этот «потертый», «запретный», «огнем Коммуны опаленный томик» и становится проводником в мир революционного эпоса. Мир, где песни Потье служат революционной эстафетой, становятся знаком преемственности революционных традиций Парижской коммуны, символом интернационального братства коммунистов. Сюжет поэмы — это, в сущности, быль, рассказанная старой книгой. Чьи руки касались ее, чьи судьбы сопри-

---

Г. Трифонов. Завещание коммунара. Поэма. Л., Лениздат, 1987.

коснулись с ленинской? И неважно, так ли все происходило, важно, что так могло быть.

Летопись нарастающей революции «очеловечена» в героической и трогательной истории французского коммунара Луи Милле, разлученного с родиной, доживающего свой век в охваченной революционным брожением России. И в этом нет, кстати, никакой искусственной натяжки — после разгрома Парижской коммуны ее защитники вынуждены были скитаться по всему свету.

Дело не только в том, что бывший коммунар становится свидетелем и участником исторических событий 25 октября 1917 года. Человеческая, семейная драма одинокого изгнанника, так и не дождавшегося встречи с горячо любимым сыном, погибшим в империалистической бойне, находит свое разрешение в революционном исходе событий. В октябрьском Петрограде престарелый Луи Милле вновь слышит пение «Интернационала» (уже по-русски) и как бы воссоединяется наконец с сыном, французским коммунистом, парижским знакомым Ленина. Ибо революция бессмертна, бессмертно братство коммунистов.

Поэма «Завещание коммунара» — не случайна в творчестве Г. Трифонова. Она воспринимается как закономерный этап творческого развития поэта. Своеобразным самоотчетом о пройденном жизненном и творческом пути является его сборник «Горизонты».

Г. Трифонов принадлежит к тому поколению писателей, которое сформировалось в годы Великой Отечественной войны. О своей военной судьбе поэт поведал в подкупающих доверительностью строках:

Я был газетчиком военным
И тоже шел солдатом в бой,
Не молодым и дерзновенным,
А просто был самим собой.

Преодолевая репортерскую беглость, поэт сумел выразить душевный строй своего сверстника — стойкого, испытанного бойца, затаившего в глазах горе, которому «нет границ». Он, «смерть видавший трижды», обнаруживает неожиданную душевную хрупкость, впечатлительность и ранимость юности («Матери», «О тишине», «Уезжали, судьбе не переча...»). И в этом видится своеобразие военной лирики Г. Трифонова.

В военных стихах — истоки патриотического, гражданского звучания лирики Г. Трифонова. Негромкое по своему выражению чувство глубоко искренне. Оно вырастает из сыновнего отношения к родному Ленинграду — «белому городу», ставшему «походным биваком», из гордости за настоящее города дворцов и морских причалов.

Но поэту знакомо и «густое араратское небо», и трудовая жизнь, кипящая на берегах Волги («Баллада о романтике»). В этих и подобных стихотворениях зреет и крепнет чувство родины — необъятной Страны Советов.

Ее посланцем выступает Г. Трифонов в цикле стихотворений, посвященных зарубежным впечатлениям. А они довольно разнообразны и обильны, автор немало попутешествовал по свету: от Праги и Парижа до Нью-Йорка и Нового Орлеана. И проявил себя при этом пронипа-

тельным и неравнодушным туристом. Он отдает должное местному колориту, увлеченно описывая нравы и обычаи, приметы различных национальных культур, подмечает социальные контрасты. Лирический герой цикла «Белый свет» полон того здравого смысла и иронии по отношению к гримасам буржуазной цивилизации, которые неотъемлемы от взглядов и вкусов советского человека. Не случайно так язвительны строки, обращенные к отщепенцу-эмигранту, человеку без родины, пребывающему «не в ладах» с самим собою и целым миром («Под звездным флагом полосатым...»).

А наряду с этим, в духе интернациональных традиций советской поэзии, — настроения и наблюдения иного характера. Восхищение мужеством скандинавских рыбаков, негодование и сочувствие, вызванное встречей с одним из обездоленных сынов индейского племени.

Зарубежный поэтический «дневник» Г. Трифонова раскрывается перед читателем как своего рода продолжение темы военных дорог. Ведь его «открытие» Европы произошло еще во фронтовых стихах. Лирическому герою «Белого света» есть что вспомнить и чем дорожить у древних стен Праги и над дунайскими берегами. И есть что отстаивать в заокеанских краях, есть что противопоставить американскому образу жизни с его призрачными ценностями и ложными кумирами. Внутренняя убежденность, сознание своей социальной правоты придают особую неотразимость гражданскому пафосу стихов Г. Трифонова.

Надежда БИЛИЧЕНКО

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЛЯ БУДУЩЕГО

В Киеве родился новый театр: четыре года Виталий Семенцов воспитывал будущих артистов в стенах Киевского театрального института. Назвали они себя Украинский театр-студия «КИН», что в переводе на русский означает «сцена».

Не так уж часто во вновь создающихся театрах в самом названии отражаются художественные и ценностные устремления коллектива. Наверное, надо знать всю историю украинского театра, все вехи его сложной жизни, чтобы понять упрямое стремление студийцев быть украинским театром; чтобы оценить их желание свое искусство «густо замесить» на традиции. Они уверены в том, что подлинное не может существовать и развиваться на «висячих садах». Красиво... только далеко от родной земли, от национальной действительности. А действительность такова: сто́ит сказать «украинский», как тут же кто-нибудь с иронией добавит — «музычно-драматичный» театр.

Природная музыкальность языка, поэтичность образов, повышенная эмоциональность — эти свойства всегда были исконными для украинского искусства. Сегодня же — и это хорошо понимают в студии — они стали более поверхностными и более блестящими (в буквальном смысле). Потому и вертятся все темы украинского театра вокруг «гопака и горилки». Театр «гопака и горилки» — обидная реальность, выродившаяся традиция.

Конечно, традиция, как и все живое, может вырождаться, иссякать. Но в театре «КИН» и не хотят выдавать сухие ветки за цветущие деревья. Цель совсем иная — трезво и мужественно посмотреть на самих себя, осознать расхождение национального идеала с реальностью и вернуться к тому месту, от которого начали плутать, запутываться. Вернуться к глубоким истокам — блестящим иным светом именам и судьбам: Кропивницкому и Украинке, Сковороде и Заньковецкой.

Марк Лукич Кропивницкий стоял у истоков украинского театра — был драматургом, режиссером, актером и директором. К его водевилю «По ревизии» и обратился молодой театр.

Водевилю свойственно заниматься невероятными коллизиями и забавными путаницами; свойственно возводить простую жизненную ситуацию в комическую степень. Виталий Семенцов — режиссер спектакля — верен этому старинному и изрядно забытому жанру. Только блеск диалогов, комичность положений, многочисленные сценические придумки ему интересны не сами по себе. Строгой мысли подчинен материал водевиля — будет подвергнут ревизии театр «гопака и горилки». Будут остроумно высмеяны «типические черты» украинского характера с тем, чтобы отделить подлинное от мнимого. Так что «по ревизии» — не только сюжет водевиля, его внутренняя пружина, но и сюжет, принадлежащий нынешней жизни.

История проста и незатейлива. Бравый мужчина — волостной старшина Василий Миронович находится при службе. Разбирает мирские споры, вершит, как бог на душу положит, свой суд, и постоянно стремится куда-то вдаль — «поехать по ревизии». С самого начала спектакля он имеет такое желание, столь же загадочное для него самого, как и для публики. Ибо намерение «заняться делом», принять какие-то загадочные «энергичные меры» никак не может осуществиться. И так всегда — изо дня в день, из года в год. Кажется, сама «природа» вознамерилась не дать старшине выполнить свой «служебный долг». Один за другим появятся на сцене персонажи, своими житейскими хлопотами тормозящие дело ревизии: болтливая и хитрая старая баба Рындычка, франтовый Писарь, молодая Приська-московка, старый солдат-свидетель. Пружину закрутит Рындычка, требующая разрешить спор с соседкой. Суть же спора уяснить сложно — в протоколе появится не столько «достоверная история», сколько всякие небылицы и сплетни. Завертелось, закружилось дело, и уже «без горилки» в нем не разобраться. И вот уже всякое новое «показание» сопровождается проглатыванием порции го-

рилки — непременного условия для пущего «разумения дела». Старшина недолго сопротивляется всяким удовольствиям жизни, источник которых всегда обнаруживается в крепком напитке. И чем настойчивее, словно навязчивая муха, звучит мотив «по ревизии», тем более дурным и безудержным становится «веселье».

Преувеличение, заострение, доведение до предела ситуации ли, психологического ли рисунка — сущностные черты спектакля В. Семенцова. Тогда и впрямь «по ревизии» можно ехать, не сходя с места. Упившийся старшина так и делает — восседает на старом солдате, подпрыгивает, улюлюкает, словно находится в дороге. «Какой украинец не любит быстрой езды!» — так и хочется перефразировать Гоголя. Правда, интонация спектакля иная — жизнь обрисовывается «на грани», за пределом...

Спектакль далек от примитивного социального шаржа «антиалкогольной пропаганды» (хотя, напротив, раздавались голоса — вот, мол, апология пьянства и разгула. Хотелось бы спросить у таких критиков и зрителей — помнят ли они, что перед ними художественное творение и в нем есть высшая правда?). Сценические создания убедительны не своей безобразностью: здесь другие краски и оттенки. В том-то и дело, что не лишена обаяния гордая и статная Приська-московка, живым умом, природной фантазией наделена старая Рындычка. Сколько искренности в народных песнях и подлинного веселья в танцах! Но... до определенного момента. С ходом спектакля, с развертыванием действия акценты смещаются, детали укрупняются, «большие вещи» становятся малыми — все начинается всерьез, по-настоящему, но споткнется, собьется набок — простые жизненные догадки театра меняют реальность и сознание героев. Вот одна из них: всякое «принятие вовнутрь» сопровождается насмешливой музыкальной фразой. И вот уже реальность словно начинает куда-то сползать, не подчиняется контролю пьяного разума. И право, начинаешь верить, что «небо падает» на героев и «день потерялся» — то ли вторник, то ли среда; то ли двадцатый, а может, и двадцать четвертый. Комическая горькая утрированность нарастает от сцены к сцене: если уж перепалка между соседками, то такая смачная и безудержная, что наступает полная неразбериха в чьей-либо правоте. И причина ссоры забывается — наслаждение ссорой интереснее всякой логики доказательств. И пьют-гуляют все герои до полного забвения себя, до «потери дня» и до чертиков в глазах. Увеличивается, словно сама вырастает, и бутыль с горилкой — увеличивается до фантастических размеров. Так и унесут со сцены старшину, имитируя шуточные похороны, где памятником будет все та же Бутылка, воздвигнутая на груди «покойничка». До одури устанет в пьяной гульбе горделивая Приська, будет «помята» в драке старая Рындычка. Жизнь превратилась в мираж, в скверный анекдот, свернула на обманную тропу.

Есть в спектакле еще один персонаж, стоящий особняком, — сторож при конторе. Уставший от всех, у которых «хлопотами полна голова», он

как одна нормальная душа на всеобщем пиру сладострастников.

Конечно, это спектакль-отрицание. Отрицание же плодотворно только тогда, когда у коллектива есть нравственная опора. Не лишая своих героев жизненной узнаваемости, соблюдая все правила игры «по школе», коллектив театра словно указывает на иные национальные характеры и идеалы. Как не вспомнить запорожцев с их братством, нравственными законами, любовью к свободной жизни и сознательным аскетическим самоограничением.

В названии театра «КИН» есть и другое значение — в переводе с английского «проницательный», «пронзительный», «остроумный». Об этом в студии помнят потому, что хотят преодолеть «хуторское мышление» — болезнь нынешних своих сограждан, у которых «все хорошо и ничего не треба». «Мы люди маленькие, шкуры у нас тоненькие» — такое умонастроение вызывает сопротивление в театре «КИН». Студийцы своими спектаклями хотели бы вернуть своей земле национальный идеал, который «сочиняется», но вместе с тем и движет реальной жизнью. А он — национальный идеал — в творчестве Шевченко, Украинки, Кропивницкого и современных украинских писателей. Он в широте и глубине их мышления, в мощности ума, европейской образованности, в высоте духовных запросов. Так что «КИН» соединяет в своем названии национальное украинское и европейское, понимаемое как духовный вклад своего народа в общечеловеческий культурный потенциал.

Капитолина КОКШЕНЕВА

ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ

Книгу А. Иванченко «Там, за горизонтом...» мысленно я разделила бы на две части — открывающие том повести и роман «Путями великого россиянина». И если повести написаны непосредственно под впечатлением от виденного и испытанного самим автором, от встреч с удивительным и новым, то роман — плод огромной исследовательской работы, которая продолжалась более двадцати лет.

...Герои повестей А. Иванченко как будто пришли к нам из полузабытых книг детства, из толстых романов Р. Стивенсона и Жюля Верна. Отважные мореплаватели, пираты, каннибалы, дикари... Но все же развлекательно-описательная основа этих произведений — не главное. Писатель дает собственное осмысление, анализ той или иной ситуации, свою версию и в целом — обобщение. Причем не навязчиво, не указуя перстом на «плохо» и «хорошо». Все становится ясным из подачи материала, из, так сказать, расстановки сил.

Автор постоянно как бы

Александр Иванченко. Там, за горизонтом... Повести, роман. М., «Советский писатель», 1986.

перемещается во времени и пространстве, увлекая за собой и читателя. Размышляя о прошлом, он постигает настоящее.

Династия Дэвисов («Трубка пирата») пошла от Джереми Дэвиса, отчаянного британского корсара. Красочно описывается история этой фамилии: морские бои, открытие Фолклендских островов, ужасный плен у людоедов. Последние из этого рода поселились на Фолклендах. Но, куда бы ни скрывался от мира современный человек, его всюду найдут, достанут. Война не оставляет людей ни на севере, ни на юге. «...Она нашла нас и здесь», — говорит молодой Дэвис, переселившись с острова Нью-Айленд в Буэнос-Айрес. Убежать некуда.

Судьба Микала Мартинсена («Десятый выстрел»), норвежского парня, который мечтает о надежной работе и хорошей семье, рушится в одночасье от руки соперника Паулсена, испортившего гарпун Микала, предназначенный для зачетного выстрела в кита. И Микал, жертва зависти и корысти, в порыве ярости убивает недруга. «Мы живем в мире, где все подчинено законам драки на выживание», — написал ему друг, объясняя трагедию.

Желанием возвыситься над «серой» массой руководствуются два человека, пытаясь проникнуть в орден Рыцарей Золотого Круга: Салвесен, располагающий деньгами, но не имеющий титула, и баронет Шеклтон, мечтающий разбогатеть («Рыцари Золотого Круга»). Исходные данные различны, но безнравственные устремления обоих совершенно очевидны. «Каков мир, породивший человека, таков человек», — замечает А. Иванченко в финале повести.

Всю жизнь мучается кошмарами Вильям Джексон, которого мафия вынудила поджечь знаменитый плавучий дворец «Белая птица». Во время этой чудовищной акции на судне находилось более семисот пассажиров. В результате члены тайной преступной организации получили колоссальные страховочные деньги («Голубой эшафот»).

Финал одной из повестей символичен: «Искрясь на солнце, айсберги медленно дрейфовали на север, там... они навсегда исчезнут. Там — теплые воды...» Эта концовка, думается, вызвана стремлением автора показать, подчеркнуть, противопоставить их существование, где царит злоба, борьба за власть и деньги, драка, миру, который живет по законам добра и человечности.

Это и является связующей идеей всех повестей. И хотя они не лишены некоторых недостатков, в целом можно говорить об этих произведениях как о положительном событии в художественно-документальной литературе.

Мы находимся сейчас на удивительном пути открытий истории собственного Отечества. Любое искажение исторических фактов приводит к неверному истолкованию жизни страны и в конечном итоге — к незнанию. Незнание — к бескультурью... Не буду называть далеко идущие последствия утраты отечественной памяти — об этом сказано много. Приведу лишь еще одно замечание, принадлежащее автору книги: «Культуру... народа составляют, главным образом, деяния его лучших сынов, не знать которых — не просто невежество. Это

значит не ведать о тех корнях, на которых мы стоим».

Сегодня интерес к истории Отечества огромен. И не только к недавним десятилетиям, но и ко временам, далеко отстоящим. И не случайно читатель обратился к исторической прозе В. Пикуля, Д. Балашова, В. Чивилихина и других писателей. Следуя примеру лучших наших романистов-историков, А. Иванченко в своем произведении «Путями великого россиянина» выступает в роли просветителя и показывает жизненный подвиг одного из лучших сынов России — Николая Николаевича Миклухо-Маклая.

Писатель поставил перед собой ряд вопросов, на которые пытается дать ответ в романе: какова родословная великого путешественника, откуда такая странная для русского человека фамилия, чем он занимался в Нидерландской Ост-Индии, Сингапуре, Австралии?.. В предисловии автор практически очерчивает круг интересующих его проблем, в двух словах говорит о том огромном труде, который предшествовал написанию романа.

Поражает устремленность и упорство автора книги в овладении материалом. Он вел поиск на разных континентах, в далеких странах, просиживал в библиотеках, пытался расшифровать записи Миклухо-Маклая; стенограммы выступлений ученого... Семь лет А. Иванченко следовал маршрутами Миклухо-Маклая, шаг за шагом открывая, разыскивая статьи, заметки, интервью, письма, факты, легенды. А затем — долгие годы изучения эпохи и окружения Маклая, антропологии, этнографии, сравнительной анатомии, морской биологии, нескольких языков, даже древней латыни.

Первая часть романа называется «Талисман Анди». Опираясь на воспоминания В. В. Миклашевского и очерки Габриэля Моно, А. Иванченко подробно рассказывает о родословной и происхождении фамилии. Удивительная эта фамилия составилась из измененного прозвища прапрадеда-запорожца Маклай и фамилии Макуха. О себе Маклай сказал: «Жаркая кровь запорожцев мирно слилась с кровью... гордых ляхов, разбавленной кровью холодных германцев».

Писателю интересно абсолютно все, связанное с судьбой Маклая, малейшие подробности, факты. Мы узнаем о близких исследователя.

«...Ученый жил и путешествовал в первые годы в основном и на средства своей семьи.

Почему-то, когда говорят о его героической жизни, об этом нередко забывают. Мало кто вспоминает нравственный подвиг семьи Миклух», — пишет А. Иванченко, пытаясь отдать должное памяти, благородству, необычайному самопожертвованию этих людей.

С чисто профессиональным интересом бывшего моряка А. Иванченко разбирает трудности перемещений Миклухо по морской стихии, рассказывает о проблемах, вызванных отсутствием финансов.

Писатель разбивает сюжетную линию на несколько мини-рассказов, строит повествование фрагментарно. То он дает художественно-документальный рассказ о И. А. Шестакове, талантливом флотоводце, морском министре России, который способствовал Маклаю в передвижении на

военных судах; то делится впечатлением о поездке по островам Океании, переносится в современность, то снова уводит в прошлое на беседу с И. С. Тургеневым о человеческих судьбах.

Первая часть романа посвящена также годам учения и становления Миклухо-Маклая как личности и ученого. За время обучения в Гейдельберге, Лейпциге, Йене этот юный еще человек выказывает незаурядные способности, он уже знаком с трудами античных, немецких философов, французских энциклопедистов.

После обучения — первые путешествия в Юго-Восточную Азию. О неординарности удивительного человека говорит такой факт. Миклухо-Маклай разрабатывает программу жизни и научного труда, которую он предполагал осуществить в течение двадцати двух с половиной (!) лет.

Вторая часть — «Пламя джунглей» — посвящена путешествию Маклая на судне «Король Вильгельм III» и пребыванию в Юго-Западной Новой Гвинее, причем А. Иванченко приводит отрывки из дневников ученого, желая их опубликовать лишний раз. Именно во время этого путешествия Маклай стал не только бесстрастным исследователем этнографии и антропологии, но сделался борцом за права человека, пытаясь установить мир между враждующими племенами, стремясь хоть как-то облегчить их положение. По возвращении на Яву он пишет меморандум «О политическом и социальном положении папуасов берега Папуа-Ковиай на юго-западном побережье Новой Гвинеи» и публикует статью «Социально-политическое положение населения Папуа-Ковиай в 1874 году».

И еще один, можно сказать, главный момент биографии Маклая освещен в этой части романа.

Миклухо-Маклай доказывает равенство всех людей путем сравнительной анатомии (сопоставления антропометрических данных европейца и папуаса), а также логичной системой аргументов и доказательств, утверждая, что некоторые внешние различия объясняются природными факторами.

А. Иванченко говорит об удивительных предвидениях и предвосхищениях ученого, который предложил организовать зоологические станции и устроить международное сотрудничество по всем отраслям естествознания, мысль исследователя о доисторических миграциях народов, высказанная в то время, подтверждает теорию моногенизма.

Третью часть романа «Неумирающий Оран Рус» составляют своего рода путевые заметки, в которых автор делится впечатлениями о жизни людей островка Амбоина, — подобные люди окружали и Маклая.

Мир, где жил когда-то Маклай, помнит его. Более того, «ананасы — Маклай, манго — Маклай, бататы — Маклай... Деревья — Маклай, трава — Маклай». Таким образом жители Океании сохранили память о русском ученом.

Значительное место А. Иванченко отводит описанию обрядов и обычаев островитян: похорон, культа карго (корабельных грузов), праздника молодоженов.

Будучи человеком, неравнодушным и к отдельным судьбам, Маклай прививал папуа-

сам и определенные нравственные принципы. Например, дал право выбора девушкам жениха по душе. Праздник молодоженов начали отмечать с момента разрушения Маклаем традиции принудительных браков.

В четвертой части романа «В Австралии» речь идет о мытарствах мужественного исследователя, о встрече с В. Маклаем, о женитьбе, о подвиге семьи ученого. Автор делает выводы о значении для России и всего человечества деятельности этого великого гуманиста и путешественника.

Свое произведение автор охарактеризовал как документальный роман. Я позволю добавить к этому еще одно определение — художественная монография. Здесь уже упоминалось о том, что писатель собрал огромный фактический материал. Из документов, тщательно подобранных, перед читателем встает во весь рост грандиозная фигура Миклухо-Маклая. Явственно проступают научная направленность и идейная убежденность ученого.

Прослеживая фактологическую основу романа, мы встречаемся с приверженцами идей Миклухо-Маклая, сталкиваемся с мнением его противников, слышим голоса его великих современников.

Более ста лет назад — в апреле 1888 года — человечество потеряло великого гуманиста, ученого, путешественника — Н. Н. Миклухо-Маклая.

Произведение А. Иванченко — еще одно свидетельство того, что благодарная Россия помнит своего сына.

И. ДЕНИСОВА

ДЕЛО ЖИЗНИ АДОЛЬФА МАРКСА

Хорошо известны массовые издания собраний сочинений русских и зарубежных писателей, выходящие в качестве приложения к «Огоньку» вот уже около 60 лет. Вспомним, например, шеститомное собрание сочинений В. В. Маяковского, напечатанное в количестве 375 тысяч экземпляров, или трехтомное собрание С. А. Есенина, достигшее огромного, почти двухмиллионного тиража... Отдельные огоньковские собрания сочинений есть почти в каждом доме, переходя от одного поколения к другому. Однако мало кто задумывается над тем, кому впервые удалось выпустить собрание сочинений отечественных писателей в качестве журнальных приложений, кто стоял у истоков этого большого просветительского начинания?

Исчерпывающе отвечает на этот вопрос новая книга известного советского книговеда Е. А. Динерштейна «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс», вышедшая в серии «Деятели книги». Она знакомит нас с жизнью и деятельностью одного из известнейших дореволюционных книгоиздателей — Адольфа Федоровича Маркса (1838—1904).

Е. Динерштейн. «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М., «Книга», 1986.

Это имя у многих читателей ассоциируется с популярнейшим русским еженедельным иллюстрированным журналом «Нива» и с его приложениями: целой библиотекой собраний сочинений. Однако о самом А. Ф. Марксе — инициаторе и двигателе этого грандиозного издательского предприятия — широкому кругу читателей до настоящего времени было известно крайне мало: отдельные факты из биографии и самые общие сведения о его издательской деятельности.

Как и предыдущая монография автора, посвященная деятельности крупнейшего русского книгоиздателя И. Д. Сытина, новое исследование построено на огромном архивном материале, хранящемся в московских и ленинградских архивах, а также на обширной мемуарной и специальной литературе. Кроме того, автором были проанализированы не только громадный массив всевозможных материалов, опубликованных в «Ниве» и ее бесчисленных приложениях, но и все доступные исследователю издания А. Ф. Маркса.

Так в чем же, по мнению автора книги, феномен А. Ф. Маркса? В том ли, что, переехав в 21 год из Германии в Россию, он начинал свое дело, «не имея рубля в кармане, а умер, оставив миллионное состояние»? Или в том, что безродный чужеземец был возведен в конце жизни в потомственное дворянство, став единственным в Российской империи человеком, поместившим в личный дворянский герб книгу как эмблему своей жизненной цели? Нет, это все ценности иного порядка... «Главную заслугу издателя, — как справедливо отмечает автор, — следует видеть прежде всего в том, что выпущенные им книги послужили развитию отечественной культуры в те годы, когда дело просвещения народа в значительной мере было предоставлено частной инициативе».

Что же успел сделать Маркс, потрудившийся на издательской ниве три с половиной десятилетия?

Конечно, главным делом жизни Маркса следует считать прежде всего создание им в 1869 году «Нивы» — журнала для семейного чтения, всегда стремившегося, по словам издателя, помещать на своих страницах «по возможности то, что может сплотить, соединить семью и оказать ей посильную помощь». Именно это во многом обеспечило «Ниве» постоянный рост подписчиков: от 9 тысяч экземпляров в 1870 году до 275 тысяч экземпляров в 1904 году (в год смерти А. Ф. Маркса).

Здесь уместно упомянуть, что «Нива» имела широкое распространение не только в столице. Доходила она и до Сибири, и до Дальнего Востока, и до Средней Азии. Выписывали журнал даже на острове Беринга. Это объяснялось не только и не всегда литературными достоинствами публикуемых в «Ниве» материалов или высоким качеством воспроизведения иллюстраций, но главным образом — четко разработанной издателем системой приложения и премий, которая из года в год совершенствовалась. Так, в 1871 году Маркс стал давать еженедельное приложение к журналу «Парижские моды», содержавшее чертежи выкроек, узоры

для рукоделия и рисунки. Два года спустя он получил разрешение прилагать к журналу «бесплатные премии», заключающиеся в книгах, картинках, фотографиях, портретах, географических и прочих картах, планах, общественных играх, календарях и тому подобных изданиях.

И все же сам по себе репертуар «Нивы» весьма значителен. Впечатляет даже простой перечень таких, например, приведенных автором монографии фактов: за первые тридцать лет существования журнала в нем были напечатаны произведения двух тысяч авторов. Поражает также тематическая и жанровая широта материалов, опубликованных на страницах журнала и его литературных приложений: почти 1500 романов, повестей и рассказов, около 1000 стихотворений, свыше 2000 биографий, около 800 исторических очерков и 1000 описаний различных изобретений, почти 1500 материалов, естественно-научной и медицинской тематики, свыше 1500 — по географии и 2500 — по краеведению... Благодаря этому каждый номер журнала строился на разнообразном материале.

Отражая круг интересов современников, журнал, в отличие от многих других, предназначался не для индивидуального, а — повторяем — для семейного чтения, и потому его воспитательное значение было не менее важным, чем эстетическое и познавательное. Вместе с тем читатель «Нивы» не мог рассчитывать на то, что он найдет ответы на социальную природу тех или иных явлений. Отказавшись от пропаганды всевозможных политических идей, А. Ф. Маркс считал выбранное «направление» таким же достойным, как и задачу просвещения «тех или других начал политических». В подтверждение этого автор монографии приводит слова Л. М. Леонова, сочувственно отозвавшегося о «старой» «Ниве», немало поработавшей как в государственном деле развития и поддержки русской литературы, так и в государственном деле семейного чтения при мирной вечерней лампе».

Одну из глав монографии автор не случайно назвал «Звездный час». Она посвящена истории публикации на страницах «Нивы» романа Л. Н. Толстого «Воскресение» с замечательными иллюстрациями Л. О. Пастернака. Эта первая публикация нового произведения Толстого стала настоящим событием в культурной жизни страны. Надо отдать должное издателю, сумевшему выдержать не только огромные цензурные мытарства, сопряженные с напечатанием такого социально-обличительного романа, как «Воскресение», но и особые редакционно-издательские трудности, связанные с тем, что Толстой, получая очередные гранки, фактически перерабатывал первоначальный текст рукописи. Естественно, что при этом нарушался отлаженный ритм работы издательства и типографии, принося Марксу значительные материальные и моральные убытки. «...Но я жалуюсь не на этот убыток, а на то ужасное состояние неизвестности, в котором находимся мы все, — писал он в одном из писем к Толстому. — ...Пожалейте же нас немножко, граф, и войдите в наше положение». Процити-

рованное автором монографии письмо хорошо передает напряженную атмосферу, периодически возникавшую на протяжении печатания романа у всех участников издания, включая и художника, также страдавшего от постоянных переделок текста.

И все же подлинную славу А. Ф. Марксу принесли собрания сочинений русских писателей, прилагавшиеся к «Ниве». Именно они составили основу многих личных библиотек как в провинции, так и в столицах. Благодаря «нивским» собраниям сочинений, как вспоминал писатель В. Г. Лидин, он и его сверстники «приблизились к великой русской литературе, воспитывались и учились» по ним.

Большая и наиболее значительная часть всех «нивских» собраний увидела свет в последнее 10-летие жизни А. Ф. Маркса (1894—1904). Это, в частности, относится к собраниям сочинений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, А. А. Фета и Я. П. Полонского. Автор монографии подробно рассматривает издательские истории каждого из перечисленных выше многотомных собраний, подчеркивая решающую роль главы фирмы в их успешном осуществлении.

Отдельной главы потребовала история сложных взаимоотношений А. Ф. Маркса с А. П. Чеховым. Многие биографы писателя и исследователи его творчества так или иначе касались договора Чехова с Марксом, закрепившим за последним на двадцать лет издательские права на все, что вышло и выйдет из-под пера писателя. Одни из них рассматривали его как акт благоприятный для Чехова и, в конечном счете, имевший больше положительных, чем отрицательных сторон; другие считали его невыгодным или даже кабальным для писателя актом. Стремясь к наиболее объективной оценке этого договора, автор монографии подчеркивает, что Маркс — единственный из издателей — предложил Чехову сумму, устроившую писателя. Главное же, выпущенные Марксом два собрания сочинений, одно из которых (16-томное) вышло приложением к «Ниве» и достигло тиража не менее 235 тысяч экземпляров, сыграли огромную роль в популяризации творчества писателя, значительно обогатив представления о нем современников.

А. Ф. Маркс предстает в монографии не только как один из крупнейших издателей России, но и как незаурядная личность. В его портрете четко просматриваются черты, обеспечившие успех всех начинаний: любовь к делу, редкое трудолюбие, неукротимая энергия, организаторский талант и деловая безупречность. Иллюстрируя свой рассказ о Марксе малоизвестными фактами его биографии, автор книги рисует облик одного из выдающихся издателей России. В немалой степени характеризует Маркса и его дальновидная гонорарная политика: не случайно современники называли его творцом высоких литературных гонораров. Действительно, мало кто мог упрекнуть издателя в скаредности. Гонорары, установленные в «Ниве» для авторов, художников, переводчиков и библиографов, заметно отлича-

лись от гонораров, принятых в других журналах. Маркс был расчетлив, но не мелочен, и чисто по-человечески выгодно отличался от многих своих собратьев-издателей. «Когда петербургский литератор попадал в тиски нужды, — писал по этому поводу известный писатель и публицист А. В. Амфитеатров, — то его последней надеждой бывало «Маркс выручит!», и Маркс выручал».

Завершая рассказ об Адольфе Федоровиче Марксе, автор книги особо подчеркнул, что в отличие от большинства людей своего круга, книгоиздателей, Маркс не владел ни особняками, ни дачами, ни имениями. Все его состояние было вложено в дело, а все свободные средства, оставшиеся после его смерти, предназначались на нужды благотворительности.

И еще одна важная мысль, к которой подводит нас Е. А. Динерштейн своим исследованием: для А. Ф. Маркса «Нива» была не просто любимым детищем, но сутью всей его жизни. Вне ее он не мыслил себя как личность. Не случайно в телеграфном адресе фирмы «Маркс — Нива» сливались воедино человек и его дело.

После смерти А. Ф. Маркса директором-распорядителем издательства стала его вдова Лидия Филипповна Маркс (урожденная Собина), а ее главными помощниками — управляющий конторой «Нивы» Л. Е. Розинер, а затем его брат — А. Е. Розинер. В 1916 году, в разгар первой мировой войны, Л. Ф. Маркс уступила свое предприятие Товариществу И. Д. Сытина и К°, давно мечтавшему приобрести одну из самых крупных столичных издательско-типографских фирм.

Подводя итоги издательской деятельности А. Ф. Маркса, автор монографии приводит несколько красноречивых цифр, поразивших в свое время современников издателя. Им было выпущено 250 миллионов экземпляров «Нивы» и 50 миллионов экземпляров книг. Причем и те и другие не легли мертвым грузом на полки книжных складов и магазинов, а дошли до самых широких читательских кругов. И хотя время обесценило многие из выпущенных Марксом и его наследниками сочинений, некоторые из «нивских» приложений никогда не потеряют своего значения, поскольку они были подготовлены самими авторами и выражают их последнюю волю (Чехов, Короленко); другие и по сей день служат основой для советских изданий (Бунин, Фет); наконец, некоторые из собраний сочинений А. Ф. Маркса включают произведения, отсутствующие в современных изданиях (Лесков, Полонский). Следует также отметить, что немалое число «марксовских» собраний сочинений писателей так называемого второго ряда вообще не переиздавались впоследствии. Здесь же уместно напомнить, что с переиздания «нивских» классиков начало свою деятельность одно из первых советских издательств — Литературно-издательский отдел Наркомпроса...

Внимательно читая монографию, с удовлетворением отмечаешь, что Е. А. Динерштейну удалось удачно организовать весь собранный им материал, точно и тонко, а порой не без изящества, подать интереснейшие, с огромным трудом добытые факты. Вызывает также искреннюю

симпатию увлеченность автора своим героем, его далеко не беспристрастное отношение к давно минувшим событиям, лицам. Книга написана живым литературным языком и легко читается.

При всей серьезности и основательности, присущих данной монографии, остается с сожалением констатировать, что в ней отсутствует полный (или хотя бы сокращенный!) каталог изданий А. Ф. Маркса, который бы органически дополнил исследование, дав в руки специалистов библиографическое описание итогов издательской деятельности Маркса. Досадно также отсутствие именного указателя к монографии, хотя во многих других, даже более популярных изданиях того же издательства «Книга» такой указатель имеется.

Л. ЮНИВЕРГ

ФЕЛЬЕТОН

В. ЗЕЛЕНЕВСКИЙ

«А ВЫ ИЗУЧАЙТЕ НАС!..»

МОНОЛОГ ПОКЛОННИЦЫ РОК-МУЗЫКИ, РАЗОЧАРОВАВШЕЙСЯ В СВОЕМ КУМИРЕ

«Для музыкантов я как можно чаще готовлю разные неожиданности на сцене... Например, когда на солирующего саксофониста бросается козел, то, естественно, у музыканта возникает ощущение неожиданности, он начинает по-другому играть, и это передается залу» (С. Курехин, руководитель группы «Поп-механика». См.: «Аргументы и факты», 1987, № 31, с. 5).

«Что значит ввести уголовную ответственность, например, за проституцию?.. Мы предлагаем не вводить уголовную ответственность за проституцию... Нельзя вводить уголовную ответственность и за употребление наркотиков... Мы предлагаем отменить уголовную ответственность за мужеложство» (Софья Келина, доктор юридических наук. См.: «Московские новости», 1987, № 34, с. 13).

«Во всем мире уже в 7—8-х классах школьники изучают такой предмет, как сексология. У нас же это считается запретной темой. Почему? Не знаю. Мы считаем, это тоже важная область формирования здорового человека» (Чазов Е. И., министр здравоохранения СССР. См.: «Аргументы и факты», 1987, № 31, с. 5).

Автобусы были переполнены. Что делать? Решила, если на этот не сяду, иду домой пешком. Пять остановок, это не много, за 30 минут вполне успею. Зато надежно. Как раз через это время по первой программе начнется 45-минутное телеинтервью с человеком... с таким человеком!.. Словом, который для меня все!

Мне повезло. Телевизор я включила на пять минут раньше. Каков же он наяву, этот Сева Репин? Хотя мне и казалось, что я знала о нем все: и то, что он пишет стихи и сочиняет песни, и то, что он во главе одного из неформальных клубов, и что руководит одним из лучших ансамблей металло-рока, и что студент МГИМО... О Яхве! От одного этого слова у меня дух захватывало! Какая жизнь у этих дипломатов! Но главное — это мое письмо к нему и рукопись... моя рукопись «Железные ангелы», ах, об этом лучше не думать, ведь это первая проба пера. Первое время я даже спать не могла спокойно, ведь в письме я такое... такое написала! Иногда мне даже казалось — станет ли он читать, пусть даже самое сокровенное, самое святое какой-то там «золотой девочки», как нас несправедливо окрестили некоторые «борзописцы» — ярые противники прогресса. Мало ли у него таких же современных и раскованных в самой Москве?!

Знала я и то, что мой кумир чуть было не порвал с предками. Когда те обнаглели до такой степени, что открыто возмутились его «отношениями» с 14-летней Эллочкой (эта «Голубая пантера», одна из ведущих советских аэробисток, с неделю у него жила), то он, понятно, назвал их дремучими старцами и ушел из дому. Простил их только тогда, когда они подарили ему «тачку» и пообещали кооперативную «хату». Итак, хотя я и знала о нем все, хотелось все же увидеть. Каков он? Я была уверена, что он, если и не Ален Делон, то уж никак не менее привлекателен, чем Челентано, во всяком случае, высокий, цыганистый и, конечно же, ах!.. настоящий мужчина!

Но интервью уже начиналось. Я не ошиблась, он почти такой, как я представляла, разве что чуть-чуть рыхловатый, ну да ладно... Прическа? Кажется, я такой еще не видела! Одно слово — Москва! Представив Севу, юркий белесый журналист сунул ему под нос продолговатый микрофон.

— Правда ли, что вы пишете песни?

— О, да, я начал их писать вместе со стихами, еще в бытность, если не ошибаюсь, хайлайфизма. Этот период моего творчества я называю «ранним». Времена тогда, как вы понимаете, были «застойные», но это не помешало мне и нескольким другим, тоже, конечно, талантливым ребятам, как-то стихийно объединиться в рок-ансамбль под пикантным названием «Нечистоты». Уже в тот период у меня был целый ряд довольно интересных творческих находок, получивших широкое признание не только в нашей стране. Одна из них, как вы догадываетесь, песня под названием «Здравствуйте, Сарра Ивановна!». Теперь она в репертуаре наших ведущих певцов. Да, кстати, она была прекрасно принята во время недавних гастролей наших лучших певцов в одной из самых маленьких, — тут Сева неожиданно нахмурился, стал каким-то суровым, его чуть выпуклые глаза, блеснув розово-голубым пламенем, странно остановились, а по углам рта заметно сверкнули два здоровенных белых клыка (хотя меня и дернул в это мгновение мороз по коже, но черт побери, какой мужчина!), затем медленно поднял вверх указательный пальчик

правой руки и строго погрозил им в камеру, процедил сквозь зубы: — Повторяю, хотя и маленьких, тем не менее одной из самых демокра-ти-чес-ких стран мира! (К чему это? — я так и не врубилась).

— Но этим, видимо, ваше творчество и завершилось?

— Ну что вы в самом деле?! (Слушая его, я вся дрожала, и голос мамы, решительно направившейся к телевизору со словами: «И этакую мерзость ты смотришь?», поверг меня в такое состояние, что я за себя не отвечала. Помню, что вскочила, что-то закричала, даже не помню что именно, но мама отшатнулась и ушла в другую комнату). Начальный период, — продолжал Сева, — ушел, как с белых яблонь дым... На смену ему пришел гораздо более зрелый, период «Нью-вэйв». Он, естественно, ознаменовался новыми творческими находками и открытиями. Пик этого периода — хорошо известная вам песня «А как стану я не мила». Любопытна сама история ее создания. «Снял», помню, в «Серебряном копытце» — вы ведь знаете этот молодежный бар на Садовом — одну знатную «телку». Было ей тогда четырнадцать с половиной, ха-ха, почти как в песне.., но страстная, как волчица Донна Саммер, недавно удачно вышла замуж и укатила в Бомако. (Тут Сева почему-то вздохнул, корреспондент же, стыдливо заморгав своими близорукими глазами, хотел что-то сказать, но Сева спокойно продолжал)... Смылись мы тогда удачно, у нее, сами понимаете, был «партнер», каратист там один. Ну, кайф! Предки мои в отъезде, папа, как всегда, в загранке, мама с «партнером» на югах... «тачка», «хата», одним словом, все на мази... Короче, с неделю все было как надо, только в одну из ночей захандрил я что-то, ох, захандрил... В такие минуты меня сильно тянет на творчество, как говорится, муза посещает... В общем, стихи и мелодия родились как-то сами собой, выпелись из души.

— Да, но-о я несколько о другом, — попробовал перебить корреспондент.

— Понимаю, понимаю. Вас интересует третий, то есть высший период моего творчества? О, это вопрос особый! Да, не будь хэви металл, не появились бы и мои самые лучшие песни! Итак, расцвет моего дарования совпал с поступлением в престижный вуз и ознаменовался созданием нового ансамбля «Попа-Роковая». В самом деле, возможно, об этом и вы догадываетесь, «Нечистоты» невольно ассоциируются с чем-то, как бы это сказать, не очень чистым, что ли. Да, но вас, конечно, интересует моя лучшая песня? (Тут Сева, посмотрев вверх, слегка наклонил голову и сложил руки на груди крест-накрест. Теперь он был такой!.. Такой... Я бы за ним даже на БАМ поехала. О Зевс-вседержитель! Какие мужчины есть на свете! А тут карауль этих иностранцев возле «Интуриста». Это ж надо, хоть и высококультурные, но обнаглели до такой степени, что даже «резину» с собой не носят. Самим приходится закупать, да и та, черт возьми, наполовину бракованная, того и гляди в какую-нибудь клинику на «рогачи» загремишь! И куда только наша госприемка смотрит?! А некультурные люди тебя же еще и облаять могут. Хотя... везет же некоторым и замужним на белом свете. Вот одна наша романистка в своей повести «Дневник женщины» красочно описывает, как ее героиня гастролировала на югах. Муж с сыном, конечно, дома... Где же им и быть-то еще?! И так все красиво, возвышенно — море, солнце, зелень, ну и любовь, по-

нятно... А главное, какие высокоинтеллектуальные рассуждения. Но самое интересное, что не в пример многим нашим писателям-ханжам, героиня эта совершенно положительная, «чистая» *, как и ее новый друг! А тут тебе оглядывайся всякий раз, как бы милиция не предложила «пройтись», потом, чего доброго, «телега» начальству полетит, опять работу меняй... И когда уже будет покончено с этим «полицейским государством»?! Да еще «борзописцы» эти названия всякие придумывают: «дамы с подачкой», «девочки для всех», «золотые девочки» и прочая мерзость. Какие там «золотые» — ни тебе виллы, ни кабака на всю ночь, хоть кооперативы бы такие побыстрей организовывали, а то пока одни слова. Просто «заколебали», за эту жалкую комнату, что нанимать приходится, и то сколько сдирают, грабят без зазрения совести... А тут еще эти ранние «сучки» клиентов отбивают. Хоть и Запад, а не понимают дураки, что молодые не умеют того, что мы!.. Но разве кто-нибудь способен понять все эти трудности?! Хорошо, хоть законы «клевые», подумаешь... «моральное воздействие» да 50 рублей штраф — в гробу мы это видели! Да и ученые, слава богу, настоящие появились, пошли-таки по Руси родимые, не то, что раньше — одни ханжи и мракобесы. Гм... да! прогресс и наука кое-что означают. И вообще, хватит! Людям талоны на диетпитание за вредность дают? Дают! А мы хуже, что ли?! Но можно ли сравнивать их «вредность» с теми хотя бы нашими постоянными тревогами по поводу распроклятого спидуса?! Так неужели наше просвещенное государство не в силах обеспечить нас в связи с этим хотя бы ежемесячным пособием? Решено! Поставлю этот вопрос на всеобщее обсуждение в нашем неформальном клубе. Думаю, поддержат. Быстрей бы хоть эти бюрократы сексологию повсеместно в школах вводили, пошла бы на полставки практические уроки вести, тем более что я педагог — иняз окончила! А то вон в Москве до какого безобразия докатились, «в одной из школ половое воспитание преподает, опираясь на личный опыт, учитель физкультуры» **. Но зато — каковы иностранцы! О! От каждого нового общения с ними ощущаешь, как растешь интеллектуально! Какая фантазия! Какой полет мысли! Поистине, надо быть детьми высшей цивилизации, чтобы додуматься издать альбом цветных фото со всеми «видами» и «видиками»! Класс! От одной этой идеи я прямо офонарела! Нам самим такое и в голову не могло прийти. Правда, и патроны не поскупились, только за это по три тысченцы «отстегнули». Мы вначале побаивались позировать, особенно «на фоне вывешенных на стене государственного Флага, Герба и текста Гимна Белорусской ССР» ***, Ленка даже стала в позу, не хотела и торговаться. Но я настояла. Они тут же накинули по паре «кругленьких». Смекалку надо иметь! А что? Разве это не риск? Флаг, Герб, Гимн — это вам не шуточки! Тут чуть что, так и наши прогрессивные ученые-юристы не смогут

---

* Именно такими эпитетами сопровождаются страстные похождения героев повести белорусской писательницы Таисы Бондар, безусловная симпатия автора к которым, как и возведение их в ранг положительных героев, подчеркивается в произведении недвусмысленно, категорически, назойливо (см.: «Маладосць», Минск, 1986, № 3).

** См.: «Смена». 1988, № 10, с. 30—32.

*** Цит. по: «Звязда». Ежедневный орган ЦК КПБ, Верховного Совета и Совета Министров БССР. 12 ноября 1987 г.

помочь. Однако лед таки тронулся! «Звезды на утреннем небе» — это, хотя и мало, но... кое-что! Да, чуть не позабыла, завтра ведь консультирую одну артисточку из этой труппы, просто заколебала звонками. Не совсем профессионально играет. И чему их там учат в театрально-художественном?!

Мама мия! Да я отвлеклась от телевизора).

— Да-а-а, — продолжал Сева, — только в этот период я по-настоящему ощутил и понял, что такое подлинное озарение и вдохновение! Прав Пушкин, бывают редкие минуты, за которые можно отдать полжизни!

— Простите, но Пушкин никогда такого не... (О Люцифер! Опять этот несносный журналист вставил свои «пять копеек». Своими глупыми вопросами он способен вывести из терпения даже меня. Нагло перебивает, да еще с таким видом, будто ему стыдно, и за кого?! За Севу Репина!) Но Сева, с характерным для него умом и тактом, взглянув сверху вниз на своего собеседника, который едва доставал ему до плеча, продолжал:

— Понимаю, понимаю, вас интересует моя главная песня. Должен признаться — она действительно была создана в одну из таких редчайших минут. Думаю, вам излишне напоминать, что этот жанр является подлинно народным. Только интеллектуально недоразвитые уроды выступают сегодня против рока! (Тут в глазах Севы блеснули те же огоньки, что и в начале интервью).

— Но-о-о... — завращал глазами корреспондент, но Сева или не слышал, или не обратил внимания.

— Ведь это поистине народное искусство. И вообще, что за моральное убожество ставить вопрос — либо рок, либо частушки?! — маразм! А почему, скажем, не так: и рок, и частушки? Только чада застойного периода, носители великодержавного шовинизма, не способны или, скорее, не хотят видеть, что «происходит рождение некоего коллективного музыкального сознания, миллионы магнитофонов страны сливаются в некую духовную индустрию, по кассетному селектору откликаются миллионы душ... Идет создание «рок-фольклора» молодого народа эпохи НТР...» *. Да, простите, я чуть не перешел в заоблачные выси теории. Итак, название этой песни не совсем обычное — «Я влюбился в козу!» **, но вы ведь должны понимать, что избитость и пошлость не могут соседствовать с гениальностью. Это за нее я получил «Серебряного Оскара» в Сан-Ремо. Я ее, кстати, исполню. Думаю, и зрителям будет интересно. — Сева чуть загадочно улыбнулся в камеру. — Тем более что я получаю множество писем от поклонников и... поклонниц, на которые, понятно, ни-как не могу, просто не в силах ответить. Да и не только писем. Мне, поверите ли, даже рукописи на рецензии присылают. Одна юная интеллектуалка из Минска — девочка современная, без комплексов — прислала недавно небольшую повесть. «Ангелы... Ангелы...», не то «Золотые», не то «Железные...», ну да неважно. М-м-да-а! Неплохо понимает психологию настоящих мужчин, профессионализм на высоте, ничего не скажешь. Честно говоря, даже не ожидал от провинциалки. Язык, стиль, форма — все на

* Цит. по: Вознесенский А. 10, 9, 8, 7... М., «Правда», 1987, с. 23.

** Эта песня наряду с другими подобного рода «шедеврами» исполняется в кинофильме «Взломщик», который отнюдь не без успеха демонстрируется в настоящее время на экранах страны.

уровне. Отдал знакомому в молодежный журнальчик, обещает протолкнуть. (О Асмодей! Слушая это, я чуть не родила, прямо дух перехватило — ведь это же про меня!) Теперь ведь особый спрос на подобные вещички. Страшно подумать, ведь рукопись-то, как она пишет, была утеряна, но хвала лукавому, таки нашлась. (Сева, оглянувшись, подбодрил взглядом нетерпеливо маявшихся ребят из своей группы и повернулся к ним... Песню эту я наизусть не знаю, запомнила лишь несколько строчек).

*Я влюбился в козу *,*
Страсть меня обуяла,
А козе-е-е-л-л, а козел,
Его ревность не знает границ...

(На сцене в это время появился натуральный живой козел, точь-в-точь как когда-то у бабушки в деревне, когда я была маленькая. А юная участница ансамбля в розовом прозрачном пеньюаре исполняла аэробический танец, имитируя козу, и при этом как-то слишком откровенно улыбалась Севе. Фу, тол-сту-ха, ма-ло-лет-ка! — подумала я, — и что он в них находит?! Ребята же тянули припев, подрыгиваясь в такт мелодии).

Ко-зу-у-у, зу, зу-у-у...
У не-е-ей такая шелковая ше-е-ерсть.
И губки алые, как маки...

(Невольно начала подпевать и я, но тут же смолкла, увидев нечаянно, что мама стоит позади меня и тоже смотрит, но с таким видом, точно в квартире покойник).

— Но погодите, погодите!.. — испуганно замахал руками и завертел головой почему-то обескураженный журналист, по лицу его катился пот. — Может, все-таки не стоит исполнять полностью, у вас ведь там такие слова... А поскольку время наше подходит к концу, хотелось бы еще несколько вопросов.

— Ну что же, пожалуйста. Видно, что вы еще не совсем «перестроились», но это ничего, не вы один. (Сева дружелюбно, совсем даже не фамильярно похлопал по плечу незадачливого журналиста, лицо которого при этом приняло какой-то очень жалкий вид. Было заметно, что ребята из группы очень недовольны, труднее же всего было унять козла, который, видимо, только-только вошел в раж и с налитыми кровью глазами гонялся за аэробисткой, которая при этом норовила спрятаться за Севу и журналиста).

— Как вы считаете, кто культурнее, вы со своими друзьями, или, скажем, современники Пушкина?

— Ваш вопрос, вы знаете, более чем наивный. Возможно ли сравнивать век XIX с нашим?! Ну сами подумайте, где они могли общаться? ** Ну, там... бал, ну опера, театр, ну... там книги

---

* Понятно, что, за исключением первой строки, здесь дается вольный пересказ.

** Такого рода диалогами буквально пестрят иные передачи («Мир и молодежь», «Взгляд» и т. п.), в которых взрослые дяди с серьезным видом — правда, не без некоторого смущения, выслушивают и обсуждают бесконечные претензии преимущественно обожравшихся, похотливых, циничных, алчущих все новых развлечений, но в то же время не знающих «куда себя деть» и «чем занять» юных,

еще... Вот и все! Но разве это общение?! Разве это культура?! А возьмите у нас — и дискотеки, и аэробика, и молодежные бары, и рок, и видео, и магнитофоны, и компьютеры, и команды, и неформальные клубы, и кооперативные кафе... Да все не перечесть. А какие противозачаточные средства! Да и вообще — прогресс! Можно ли сравнивать?! Могли ли бедная Лиза или, скажем, пушкинский Ленский хотя бы мечтать о таком?

(Тут вконец раздавленный интеллектом Севы журналист совсем потерялся, виновато заглянул в камеру и что-то промямлил. Вопрос я не уловила, опять какая-нибудь глупость, услышала только одно слово «бездуховность». Сева чуть снисходительно улыбнулся и с достоинством продолжал).

— Да, нам приходится порой слышать упреки в бездуховности. Но кроме недоумения, у меня лично, да и у моих друзей, ничего другого они не вызывают. Ведь чаще всего они исходят от недалеких... от тех, которые даже не понимают, что такое подлинная современная культура. Что о них говорить, если даже названия лучших западных рок-групп и то не знают, не говоря уже о таких понятиях, как «сексуальная революция», «современная семья», «приходящие мужья», «раскрепощенность», «свободная любовь» и тому подобное.

— Однако, — перебил его несколько, как мне показалось, осмелевший журналист, — создается впечатление, что за всеми этими словами скрывается самый заурядный цинизм?

Восхищаюсь Севой, даже после такой откровенной бестактности, он лишь немножечко скривил губы и сказал:

— Но, позвольте, мы живем так, как нам нравится. Нет спору, мы имеем и «девочек», и «хаты на ночь», и «тачки», да и «бабки» у нас тоже водятся... И конечно, мы не ханжи и не закомплексованы, о-о-о нет! и хорошо знаем, что такое настоящая любовь и кое-что сверх того... Так в чем же дело, что здесь особенного? (В глазах Севы вновь блеснули прежние огоньки). И кто, кто, скажите, может запретить нам «красиво жить»?! Может быть, бюрократы, которым мы вот-вот окончательно «перекроем кислород»? Живем-то всего раз! «Все или ничего!» * — вот девиз современного человека, и вообще «молодого народа эпохи НТР»! Почему же, в таком случае, и не взять от жизни все, что она может дать?! Ведь «мы хотим ням-ням, мы хотим буль-буль» **, до каких пор нас будут третировать? Оно, конечно, понятно: те, которые по материальным соображениям или же в силу некоторых фи-зи-о-ло-ги-чес-ких отклонений (тут Сева загадочно улыбнулся) не могут позволить себе такой жизни, как у нас, — завидуют нам. Но скажите — разве мы в силах помочь им?! Хе-хе. И, естественно, что злоба и зависть ханжей доходит порой до прямых оскорблений по адресу наших «тусовок», или,

---

пресыщенных представителей обоего пола неомелкобуржуазной среды. И никому почему-то не приходит в голову (видимо, от скромности) задать им вопрос: а что же сделано и делается вами конкретно для земли нашей, для страны? Ведь происходит-то все это на фоне непочатого края реальных проблем, стоящих перед нашим обществом, а значит, и молодежью.

* Именно этот лозунг в качестве многократно повторяющегося девиза проходит красной нитью через всю повесть ранее упоминаемой писательницы Т. Бондар «Дневник женщины».

** Слова из музыкального фильма-ревю «Веселая хроника опасного путешествия» (авторы: Е. Гинзбург и Ю. Ряшенцев). См.: «Трезвость и культура», 1986, № 9.

как вы, журналисты, окрестили их, — «неформалов». Впрочем, называйте нас как хотите, но почему вы нас не хотите изучать?! Изучайте нас! Вы ведь по-настоящему не понимаете наших специфических проблем, чем мы живем, что нас волнует!..

— Ну хорошо, а что же все-таки конкретного в вашей жизни можно изучать? И почему делать это специально относительно той части молодежи, которая, скажем прямо, м-м-м.., избалована роскошью и, в общем-то, не хочет трудиться? (Тут выцветшее лицо журналиста показалось мне как-то уж слишком решительным).

— Как что?! (В глазах Севы и в его лице справедливо обозначилось недоумение.) Ведь это же целые группы, компактные группы людей! Неужели вам неинтересно, какой процент из нас курит, а какой нет, и какие именно сигареты? Кто из нас и в каком количестве употребляет алкоголь? Какой процент предпочитает водку, и какую именно, или же виски, скажем, «Белая лошадь»? А вина, сколько их... если бы вы увидели только мою скромную коллекцию! О вина! Разве их можно пить?! Разве мы их пьем?! Не-е-е-т, мы их вдыхаем! И чем больше вдыхаем, тем больше ощущаем, как превращаемся из «ското-» в «богоподобных» *. А девочки, ох эти наши маленькие крошки... они при этом становятся просто богинями! А наркотики! Неужто не может быть предметом детального изучения то, какие именно наркотики, скажем, мак, коноплю, анашу, план, героин... уважают больше девочки-хайлайфистки, меломанки или сексоманки? А мальчики — рокеры, вейфисты, панки, хиппи или новые фанаты?.. Ведь только на первый взгляд здесь все очень просто, или это недостойно диссертационных исследований?! А тот любопытный факт, что практически любое лекарство (если, конечно, иметь голову!) может быть использовано как первоклассный наркотик, неужели и это недостойно внимания советских психологов и философов, не говоря уже о физиологах и медиках?! Да что там говорить! А любовь! Или и это, по-вашему, тоже не наука? Неужели нашему прогрессивному обществу так уж и неинтересно знать, сколько раз в неделю, месяц, год... мы можем по-настоящему влюбляться? И на какое время? Кто раньше начинает скучать — мальчики или девочки? Какова глубина тех душевных травм, которые нам невольно приходится переносить в связи хотя бы со сменой «партнерши» или «партнера»? Опять же, в зависимости от вида и рода «команды», степени душевной утонченности, глубины интеллекта, наконец, от степени половой возбудимости, расположения эротических центров. А такая сфера, как наши доходы? Или вы думаете, что мы питаемся манной небесной, а джинсы за 300 рэ нам спускаются на парашютах? Да и папы у нас далеко не у всех «номенклатурные»! Неужели ученым-социологам безразлично, на какие такие шиши живут многие из нас? Кто из нас вынужден приторговывать и чем и-и-именно... Наконец наши связи — где мы достаем все это? В конце концов, те интеллектуальные споры, без которых мы просто не можем существовать. И, повторяю, все это совершенно неодинаково в различных «командах». Теперь повторяю свой вопрос: почему вы до сих пор нас не изучаете? Но, хвала Люци-

* Здесь использовано несколько перефразированное выражение Тенгиза Абуладзе.

феру, пошли-таки по Руси настоящие ученые, пошли, родимые! Хотя немало еще и таких, которым все кажется, что так просто и «легко быть молодым».

(Тут корреспондент опять открыл рот, чтобы что-то сказать, опять что-нибудь хамское, но Сева, дружески улыбаясь, что-то протягивал ему.)

— Простите, пожалуйста, я готов охотно побеседовать с вами в другой раз, вот моя визитка, звоните в любое время, а теперь увы — меня ждут. Сегодня еще раз репетируем свое участие в передаче «Взгляд», ведь завтра запись, тем более что вести ее будет известный артист, к тому же народный. Ой, столько работы теперь! Помогаю телевизионщикам в окончательной шлифовке несколько, я бы сказал, непривычной для обыденного сознания передачи о наших эстрадных звездах. Хотя это у нас, гм-м, и не принято, но я вам чуть-чуть приоткрою некоторые профессиональные секреты. (Журналист почему-то затравленно съеживается.) Среди прочего мы покажем страстную любовь эстрадных звезд — один из них: ваш покорный слуга (Сева очаровательно поклонился) — со своими поклонницами, «сцена изображает брачные игры на ковре» *.

— Как! — вылупил глаза журналист. — И на такое нашлись охотницы? (Сева посмотрел на него, как смотрят на ископаемое каменного века.)

— Ну, знаете, с вами не соскучишься!.. В одну из них, чего греха таить... (Сева вздохнул) я сам «не в шутку занемог»... Представьте себе, хотя все кандидатуры тщательно отобраны нами уже месяц назад, телефоны в редакции не смолкают до сих пор. От желающих нет отбоя. Да-а-а, из двадцати опрошенных на Пушкинской площади девушек от 14 до 18 лет, только одна попросила, чтобы ее снимали со спины — муж, видите ли, ретроград. Широкий зритель ее, к сожалению, не увидит, так как пленочку «репетиций» или «проб» с нею пришлось просто вырезать — оставил себе на память.

— Еще один вопрос, только один, — залепетал, явно перебивая Севу, корреспондент. — Интересно знать, как вы в таком случае смотрите на семью? Ведь не можете же вы так... в общем, вечно?..

— О, семья?! Вы, наверное, думаете, что этот «циник» спокойно ответит: а я женат? Ничуть не бывало. Хотя... пахарям, скажем, или рабочим без семьи никак нельзя. Кто же будет заниматься воспроизводством основной производительной силы?! Ох, что-то меня сегодня заносит в теоретические дебри. Другое дело — интеллектуальная часть общества. В этом случае семья в ее архаичном понимании не более как пережиток. В самом деле, ну что такое сегодня холостяк? Как сказал один из наших величайших современников, «холостяк — это мужчина, понимающий логику женщин» **. С этим нельзя не согласиться. (Погоди, погоди, что это он городит, — подумала я, — пока молодые, можно и нужно погулять, «шуршиков» поднакопить, но потом-то, потом... Чего это он так яро против семьи? Как же без нее? Любовь — это, конечно, само по себе, это, как говорят, «пока можется», а семья дело совсем другое).

* См.: Додолев Е., Кучеров А. На белой простыне экрана. — «Смена», 1988, № 5, с. 22.
** Слова юмориста М. Генина.

— Да, но-о-о!.. — теперь уже широко и открыто улыбался журналист. — А-а-а кому же, по-вашему, эти, эти... «богини» ваши из молодежных баров, как вы их там называли, «мурки», что ли?

— Это вы о «телках»? Ха-ха-ха! Это которые еще в школе практикуют «любовь без любви», как изволила выразиться в своей статье одна из ваших коллег? Их я уже лет шесть «снимаю». Не скрою, мы их любим, но-о-о уважение — дело другое. Ибо, кто же не понимает, что ни один мыслящий мужчина — несмотря на все «прогрессы» и «эмансипации» — не способен уважать дешевую «помойку», которая продаст тебя с первым же охочим до «клубнички» иностранцем — если, конечно, у него «звенит в кармане голд». Или вы, уважаемый, посчитали меня каким-нибудь извращенцем — душевным или физическим?! Но чем заслужил такую немилость?

— Позвольте, но разве этим... пусть даже они... не нужно создавать семью?

— На них пусть женятся дурачки!

— Какие дурачки? Это вы о тех, которые служат в армии или работают на заводах?

— Не только, не только. Не переживайте, охотники на них найдутся. Если сомневаетесь, посмотрите хоть раз, как заискивают, увиваются, лебезят иные возле их столиков в молодежных барах... А мы неужто не понимаем, что эти красотки, познав лет с 14 все способы «постельного режима» плюс извращения, в жизни, в реальной жизни — хитрые, ленивые, сладострастные, взбалмошные, похотливые, истеричные, подлые, да и коварные... Конечно, они нахватались от нас кое-каких познаний из области современной культуры — музыка, мода и т. п., но мы-то им цену знаем!

(Тут корреспондент сказал что-то о цинизме собеседника, но я их уже не слушала. Ну и коз-з-е-е-л! Я ожидала чего угодно, но не этого.)

Вскочив с намерением выключить телевизор, я невольно вздрогнула от решительного голоса мамы: «Не трогай!» Чем окончилась передача, не знаю. Вот дура, такое письмо написала, и рукопись, рукопись... ну да черт с ней. А я-то думала! Какой же он все-таки! Ах! все эти мужчины одинаковы! Ведь я это давно знала, и...

Долго ходила по комнате, не могла найти себе места. Знала, что у «Интуриста» меня ждет Лия, но решила — сегодня не пойду! Открыла первую попавшуюся книгу и легла на диван... «Петербург... лица прохожих... с глазами, как городская муть... В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились... мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки... Все было доступно — роскошь и женщины. Разврат проникал всюду... Таков был Петербург в 1914 году. Замученный бессонными ночами, оглушающий тоску свою вином, золотом, безлюбой любовью, надрывающими и бессильно-чувственными звуками танго — предсмертного гимна, — он жил словно в ожидании рокового и страшного дня. И тому были предвозвестники — новое и непонятное лезло из всех щелей...» Только теперь взглянула на обложку: Алексей Толстой, том седьмой, «Хождение по мукам»... А когда-то ведь давно-дав-

но... мое сочинение — кажется по этой теме — брали в РОНО на выставку...

От внезапно раздавшегося телефонного звонка я почему-то содрогнулась. Услышав голос Лийки — «Сняла двоих при бонах, жду на нашем месте», — я с минуту помолчала, потом каким-то не своим голосом ответила: «Сегодня мне не звони!» — и бросила трубку. Случайно увидела, что мама тихо сидит на кухне, руки в морщинках со множеством синих жилок — точь-в-точь, как когда-то у папы, только маленькие — на коленях, по щекам текут слезы... Мне отчего-то стало так ее жалко... Легла в постель, от нахлынувшего чувства страшной ненависти ко всем и вся никак не могла уснуть... Поднялась, долго курила, вспомнила о своем заброшенном дневнике... И вот пишу...

●

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1988 ГОД

● ПРОЗА

● ПОЭЗИЯ

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ИСКУССТВО

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

НАШ КАЛЕНДАРЬ

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» —

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 06.10.88. Подп. в печ. 21.11.88. А13596.
Формат 84Х108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 710 000 экз. Цена 80 коп. Зак. 234.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

ПЕРЕНОСНОЙ ТРАНЗИСТОРНЫЙ РАДИОПРИЕМНИК III ГРУППЫ СЛОЖНОСТИ С ТАЙМЕРОМ

«СИГНАЛ-306 МАЭСТРО»

производит прием радиопередач в диапазонах ДВ и СВ. Встроенное таймерное устройство обеспечивает индикацию числового значения текущего суточного времени, автоматическое включение его в заданное время и последующее отключение через 30 минут, а также автоматическое включение звукового сигнала в заданное время суток и возможность подачи звукового сигнала каждый час. Радиоприемник имеет внутреннюю магнитную антенну. В нем предусмотрена возможность подключения внешней антенны и миниатюрного телефона. Питание от батарей «Крона ВЦ» и «Корунд» или от аккумулятора 7Д-0,115, таймерного устройства от элемента типа СЦ-32.

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251

**На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.**

П. А. Вяземский